

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МОЛДОВЫ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ**

На правах рукописи

С.З.У.: [94(100) + 323.329:321.64],,1924/1940”

БУРМЕНКО ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА

**ПОЛИТИКА ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА В ОТНОШЕНИИ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МАССР (1924-1940 ГГ.)**

611.03 – ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный руководитель: / / Шаров Игорь Михайлович
доктор исторических наук

Автор: / /

КИШИНЭУ, 2017

**UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA
FACULTATEA DE ISTORIE ȘI FILOSOFIE**

Cu titlu de manuscris

C.Z.U.: [94(100) + 323.329:321.64] „1924/1940”

BURMENKO LUDMILA

**POLITICA REGIMULUI TOTALITAR FAȚĂ DE
INTELECTUALITATEA DIN RASSM (1924-1940)**

611.03 – ISTORIA UNIVERSALĂ

Teză de doctor în științe istorice

Conducător științific: / /

ȘAROV IGOR
doctor în științe istorice
conferențiar universitar

Autorul: / /

CHIȘINĂU, 2017

© БУРМЕНКО ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИИ (на румынском, английском и русском языках)	6
СПИСОК АББРЕВИАТУР	9
ВВЕДЕНИЕ	10
1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ И АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ	19
1.1. Анализ историографии по проблеме	19
1.2. Анализ источников	42
1.3. Выводы по главе 1	53
2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МАССР	54
2.1. Укрепление тоталитарного режима в СССР. Роль и место интеллигенции МАССР в национально-государственном строительстве	54
2.2. «Выдвиженцы» и «буржуазные» специалисты в кадровой политике ВКП(б) и их роль в процессе формирования новой советской интеллигенции МАССР.....	74
2.3. Выводы по главе 2	97
3. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА В ОТНОШЕНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МАССР	100
3.1. Политика тоталитарной власти в отношении интеллигенции МАССР, её репрессивный характер и идеологические обоснования	100
3.2. Репрессивные методы тоталитарного режима и их применение к интеллигенции МАССР в годы развертывания «Большого террора» 1937-1938 годов	120
3.3. Выводы по главе 3	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ	146
БИБЛИОГРАФИЯ	149
ПРИЛОЖЕНИЯ	169
Приложение 1. Национальный состав работников центральных учреждений МАССР на 1.10.1927 г.....	169
Приложение 2. Национальный состав работников райисполкомов и подведомственных им райучреждений на 1.10.1927 г.	170
Приложение 3. Потребность в учителях и количественный итог выпуска Педкурсами в 1928/1929 и 1929/1930 гг.	170
Приложение 4. Социальное положение руководящих работников и специалистов АМССР (сводные данные по 1 пятилетке 1928-1933 гг.)	171

Приложение 5. Пополнение кадров народного хозяйства молодыми специалистами, окончившими высшие и средние специальные учебные заведения после 1928 г. (в течение 1 пятилетки)	172
Приложение 6. Сравнительная таблица по статистическим данным шифротелеграмм региональных партийных руководителей УССР и МАССР и оперативного приказа № 00447	173
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	174
CV АВТОРА	175

ADNOTARE

Autor: *Burmenko Ludmila*

Tema: *Politica regimului totalitar fața de intelectualitatea din RASSM (1924-1940)*, teză de doctor în istorie, anul perfectării - 2017, mun. Chișinău.

Structura tezei: Introducere, trei capitole, concluzii și recomandări, adnotări (în limbile română, engleză și rusă), Bibliografie din 299 surse, 148 pagini text de bază și Anexe.

Cuvinte-cheie: RASSM, totalitarism, politică națională și în domeniul culturii, abordare de clasă, intelectualitate, specialist burghez, muncitor promovat, epurare, teroare.

Domeniul de studiu: Istoria universală (pe perioade).

Scopul tezei se rezidă în cercetarea condițiilor politice de formarea și existență a intelectualității din RASSM.

Obiectivele lucrării se axează pe: examinarea politicii de cadre, promovate de PC (b) al URSS, studierea rolului jucat de intelectuali în RASSM, expunerea motivelor și metodelor de represiune față de intelectualii din RASSM.

Noutatea și originalitatea științifică. Au fost studiate și expuse principiile politicii statului totalitar față de intelectualitatea din RASSM, au fost analizate sursele de formare a intelectualității din RASSM, a fost generalizată esența politicii represive a totalitarismului sovietic.

Problema științifică importantă soluționată: principala sarcină a cercetării realizată în domeniul cercetat constă în reflectarea condițiilor politice de formare, viață și activitate a intelectualității din RASSM, fapt ce a contribuit la formularea unei aprecieri obiective a rolului și locului acesteia în procesul de construire național-statală a autonomiei, evidențierea trăsăturilor caracteristice ale politicii totalitare ale regimului.

Semnificația teoretică a lucrării constă în argumentarea științifică și în formularea concluziilor cercetării efectuate, în care s-au demonstrat condițiile de existență a intelectualității la formarea RASSM, au fost depistate politicile sovietice de marginalizare și nimicire a „vechii intelectualități” și de formare a unei „noi” intelectualități, din muncitori și țărani, devotate regimului bolșevic.

Valoarea aplicativă a lucrării. Rezultatele studiului pot fi folosite la elaborarea lucrărilor de sinteză, referitoare la istoria Republicii Moldova (la istoria românilor) și la generalizări, privind esența totalitarismului sovietic.

Implementarea rezultatelor științifice. Rezultatele cercetărilor obținute pot fi utilizate în activitatea științifică și didactică, la realizarea monografiilor, manualelor, materialelor didactice la istoria universală și istoria românilor.

ANNOTATION

Author: *Burmenko Lyudmila*

Theme: *Policy of totalitarian regime for the intellectuals MASSR (1924-1940)*, historical Sciences PhD thesis, dissertation elaborating year 2017, Chisinau.

The structure of thesis: consists of introduction, three chapters, conclusions and recommendations, annotations in Romanian, English and Russian languages, bibliographic resources (299), 148 pages of main text containing 6 applications.

Keywords: MASSR, totalitarianism, national and cultural construction, class approach, the intelligentsia, bourgeois specialist, protege promoter, cleaning, terror.

Field of study: general history (on periods).

The purpose of the paper is to study the political conditions of MASSR intelligentsias formation, life and activity.

Objectives: of given research are to review the CPSU (b) personnel policy the intelligentsia role in the national construction of the MASSR, of persecution motives and methods of intelligentsia during the repressive actions in MASSR.

Scientific novelty of research paper represented by the formulated principles of state policy of the totalitarianism regime in relation to MASSR intelligentsia, the sources of MASSR intelligentsia formation, are analyzed and the repressive essence of the totalitarianism policy is summarized.

The important scientific problem solved in researched field presentation of the political conditions of MASSR intelligentsias formation, life and activity that led to the objective evaluation of its role and place in the national-state building of autonomy, the identification of specific features of the policy totalitarian regime in relation to intellectuals.

Theoretical importance of the study is expressed in scientific argumentation of research results and conclusions in which the MASSR intelligentsia position is characterized and the aggressive totalitarian actions selectivity in relation to MASSR intelligentsia is meant.

Practical value. The results of research can be used when writing works on MASSR history and subject of totalitarianism.

Implementation of scientific results. The obtained research results can be used in research and teaching activity, at the achievement of monographs, textbooks, teaching materials at Universal History and Romanian History.

АННОТАЦИЯ

Автор: Бурменко Людмила Михайловна

Тема: Политика тоталитарного режима в отношении интеллигенции МАССР (1924-1940), диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, год написания диссертации - 2017, г. Кишинэу.

Диссертация имеет следующую **структуру:** введение, три главы, заключение и рекомендации, аннотации на английском, румынском и русском языках, библиография (299 источников), 148 страниц основного текста, 6 приложений.

Ключевые слова: МАССР, тоталитаризм, национально-культурное строительство, классовый подход, интеллигенция, буржуазный специалист, выдвиженец, чистка, террор.

Область исследования: всеобщая история (по периодам).

Цель работы состоит в исследовании политических условий формирования и деятельности интеллигенции МАССР.

Задачи исследования сосредоточены на изучении кадровой политики ВКП(б), роли интеллигенции в национально-государственном строительстве МАССР, мотивов и методов преследования интеллигенции в ходе репрессивных акций в МАССР.

Новизна и научная оригинальность работы. Сформулированы основы государственной политики тоталитаризма в отношении интеллигенции; проанализированы источники формирования интеллигенции МАССР; обобщена репрессивная сущность политики тоталитаризма.

Основная научная задача, решенная в исследуемой области, заключалась в освещении политических условий формирования, жизни и деятельности интеллигенции МАССР, что привело к объективной оценке её роли и места в национально-государственном строительстве автономии, выявлению специфических черт политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции.

Теоретическая значимость работы выражена в научном аргументировании результатов и выводов исследования, в которых охарактеризовано положение интеллигенции МАССР; обозначена избирательность репрессивных акций тоталитаризма в отношении интеллигенции автономной республики.

Практическая ценность работы. Диссертация может быть рабочей основой при написании работ по истории МАССР и тематике тоталитаризма.

Реализация научных результатов. Результаты исследования могут быть использованы в научной и дидактической деятельности, при подготовке монографий, учебников, дидактических материалов по всеобщей истории и истории румын.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

СССР - Союз Советских Социалистических Республик
ЦИК СССР - Центральный Исполнительный Комитет СССР
АМССР - Автономная Молдавская Советская Социалистическая Республика
МАССР - Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика
РСФСР - Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ВУЦИК - Всеукраинский Центральный исполнительный комитет
КПСС - Коммунистическая Партия Советского Союза
КП(б)У - Коммунистическая Партия Украины
МОЛДОБКОН КП(б)У - Молдавский областной комитет Коммунистической партии большевиков) Украины
НКВД - Народный Комиссариат Внутренних Дел
УНКВД ПО МАССР - Управление НКВД по МАССР
ГУЛАГ - Главное управление исправительно-трудовых лагерей
РККА - Рабоче-крестьянская Красная Армия
ВКП(б) - Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
НАРКОМПРОС - Народный Комиссариат Просвещения
НАРКОМЗЕМ - Народный Комиссариат Земледелия
НАРКОМСНАБ - Народный Комиссариат Снабжения
НКПС - Народный Комиссариат путей сообщения
ВТУЗ - Высшее техническое учебное заведение
КомВУЗ - Коммунистическое высшее учебное заведение
ВКСХШ - Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа
ИНО - Институт народного образования
МНК - Молдавский Научный Комитет
МССР - Молдавская Советская Социалистическая Республика
ЦК КПМ - Центральный Комитет Коммунистической Партии Молдавии
УССР - Украинская Советская Социалистическая Республика
ОБСЕ - Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ПМР - Приднестровская Молдавская Республика
КГБ - Комитет Государственной Безопасности
РМ - Республика Молдова
РФ - Российская Федерация

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Тоталитаризм стал важнейшим политическим явлением XX века, его феноменом. Практически одновременно с ним возникла и научная область с рядом направлений, целью которой было и остается стремление осмыслить как сходство, так и специфические черты тоталитарных режимов. Научный интерес к проблематике тоталитаризма не ослабевает, поскольку даже после крушения нацистской Германии и развала СССР, ставших образцами его разновидностей, остаются поводы для научного поиска и сравнительного анализа. Они связаны с проявлением тоталитарных тенденций в государственной политике ряда стран – Китая времен Мао Цзэдуна, Вьетнама, Северной Кореи, Камбоджи и других. Вообще, способность тоталитаризма к трансформации, эволюционированию или мутированию, проникновению наподобие вируса в общественные системы историками и политологами уже не оспаривается.

Изучение проблематики тоталитаризма в СССР изначально было сопряжено с трудностями, порожденными их закрытостью (лживая официальная статистика, недоступные архивные материалы, идеологические ограничения и т.п.). Политические перемены в СССР в конце 1980-1990 годов не только разрешили многие сложности в исследовательской ситуации, но, как не парадоксально, породили новые. Публикации этого периода отличала эмоциональность, бескомпромиссная критика и резкое осуждение тоталитаризма. Жестокость тоталитарного режима в отношении всего общества и отдельных социальных слоев подтверждается не только архивными материалами, но и свидетельствами тех его жертв, кто еще живы. Понятие «тоталитаризм» стало распространяться не только на период нахождения у власти И.Сталина, но и на все время нахождения у власти коммунистической партии. Многие политические, экономические, социальные провалы власти прямо связывались с просчетами и недальновидностью, отсутствием гибкости партийного руководства.

Современные исследования, отличает, прежде всего, стремление к объективности, свобода от политических конъюнктур времени и субъективизма. Ситуацию некоторым образом облегчает и временная удаленность от событий. Отдавая должное классической концепции теории тоталитаризма, изложенной в трудах Х.Арендт, К.Фридриха и З.Бжезинского, все же нужно определить те отличительные особенности тоталитаризма в СССР, которые позволили ему устоять в кризисные периоды. Одной из важнейших среди этих особенностей стала способность тоталитарной власти временно отступать от идеологических принципов в экономической, внешнеполитической и кадровой политике. В этом контексте судьба многонациональной интеллигенции МАССР становится одним из

значимых примеров того отношения тоталитарного режима к интеллектуалам, которое выражалось в общей стратегии недоверия и подозрительности и в тактике временного сотрудничества, связанных, прежде всего, с выше обозначенными факторами.

Степень изученности темы. Интерес к изучению проблематики тоталитаризма нашел свое отражение в многочисленных исследованиях, причем актуальность темы постоянно возрастает. В последние десятилетия в рамках темы продолжают публиковаться научные труды, посвященные различным аспектам функционирования тоталитарных государств.

Начало теоретической разработки проблематики тоталитаризма было положено западной историографией практически одновременно с появлением тоталитарных режимов. Основательный сравнительный анализ тоталитарных режимов показал их сходство и отличия. Советский Союз сталинской эпохи стал для исследователей за рубежом очевидным образцом левого тоталитаризма*. В диссертации были использованы наработки и развиты идеи зарубежных авторов (Г.Пашнера, Л.Белади, Т.Крауса, С.Козна, О.Эгге, Э.Модсли, С.Уайта, Р.Такера) относительно направляющей и организующей роли политического лидера в процессе становления тоталитарной власти. Исследования Х.Андикса, Р.Конквиста, Н.Верта, С. Куртуа, А.Гетти, М.Юнге, Р.Биннера, Х.Куромия, М.Малия определили террор как один из методов тоталитаризма в управлении обществом и превентивный террор как средство контроля над ним. Ш.Фицпатрик, С.Дэвис, Н.Верт посвятили свои усилия изучению жизни простых советских людей и, что особенно важно для исследования, политике тоталитарного режима по отношению к интеллигенции, полной недоверия и подозрительности.

В то время как в западном научном мире активно разрабатывались различные аспекты тоталитаризма как политического явления, в СССР возможность изучения проблемы на собственных исторических реалиях мог дать XX съезд КПСС. Однако довольно быстро официальная научная литература была вынуждена обходить опасные участки истории, связанные с репрессивной политикой власти против собственного народа. В МССР, несмотря на ограничения, появлялись значимые работы по истории МАССР (А.Репиды, З.Ивановой, Д.Антонюка, Т.Крачун, В. Миренюк, Г.Гузуна и др.), в которых

* Несмотря на очевидное сходство в основных признаках, левый и правый тоталитаризм отличаются по основным ценностным критериям организации тоталитарного общества; правому типу соответствует национальный критерий (фашистский режим Муссолини и нацистский режим Гитлера, и др.), а левому типу - классовый (социальный) критерий (сталинизм).

рассмотрены вопросы об образовании республики, ее национальном составе, национально-культурном строительстве, затрагивалась роль интеллигенции в этих процессах.

Возврат к исследованиям, связанным с тематикой репрессивной политики тоталитаризма в МАССР произошел в середине 1980-х годов и продолжается в наше время. Историки разных поколений и направлений (И.Моисеев, Е.Мурару, Н.Мовилян, К.Стратиевский, О.Галущенко, Е.Негру, Г.Кожокару, А.Петренку, О.Цыку, И.Шаров, И. и Т.Варта, А.Мемей, П.Негурэ и др.) выразили современный взгляд на различные проблемы политики тоталитарной власти в автономии. Открывшиеся архивы дали ученым доступ к источникам, способным придать теоретическим изысканиям фактологическое наполнение, а выводам – аргументированную убедительность. Этот период характеризует и обретение национальными историческими школами республик самостоятельности в научном поиске, многие ранее не затрагивавшиеся события оказались в центре их внимания. Для ученых Молдовы открылась возможность изучения целого ряда тем: голод в МАССР (1930-х гг.) и в МССР (1946-1947 гг.); причины и последствия образования МАССР и МССР; оценка Пакта Риббентропа-Молотова; советская национальная политика в МАССР и МССР, обозначенная как «молдаванизация»; чистки и преследования классово-чуждых, «национальные операции» 1937-1938 гг., депортации из МССР.

Исследования в области репрессивной политики советского тоталитарного режима в УССР представлены в работах украинских историков, в которых, в определенной степени, затрагиваются и вопросы, связанные с МАССР. Авторы представляют собственный подход к историческому факту образования МАССР в составе УССР (Ю.Бабюх, С.Белоус); к специфическим методам государственного управления, применявшимся центральным руководством в отношении национальных республик, карательных мер в отношении общества и, в частности, интеллигенции (Ю.Шаповал, В.Никольский, С.Кульчицкий, Г.Касьянов, В.Даниленко). В российской историографии представлены труды, посвященные политике репрессий тоталитарного режима в СССР, как способу принуждения общества к унифицированному поведению (М.Степанов, Р.Москвина, О.Хлевнюк); последствиям дискриминаций и массовых репрессий для интеллигенции (С.Красильников, С.Волков, Е.Гимпельсон, Е.Зубкова и др.); особенностям национальной политики советского партийного руководства (Е.Борисенок, Т.Архипова, С.Кропачев и др.).

Таким образом, зарубежные исследователи сосредоточились, в основном, на общетеоретических проблемах и в их трудах недостаточно представлено конкретно-историческое воплощение тоталитаризма в СССР и в его национальных республиках. На

постсоветском пространстве определился большой спектр исследований по проблемам тоталитаризма, в которых авторы опираются на исторический опыт различных регионов бывшего СССР.

На сегодняшний день историография по тематике МАССР характеризуется большим количеством исследований, непосредственно относящихся к исследуемой нами проблеме, но затрагивают ее фрагментарно. Фактические материалы, использованные в данной работе, дают возможность по-новому осмыслить и дать политическую оценку событий исследуемого периода.

Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в исследовании политических условий формирования, жизни и деятельности интеллигенции МАССР. Являясь основной научной задачей, она определили и основные направления в ее решении: изучение особенностей кадровой политики ВКП(б) в области создания новой советской лояльной интеллектуальной элиты взамен старой «буржуазной» интеллигенции; роли «буржуазных» специалистов и «выдвиженцев» в национально-государственном строительстве МАССР; выявление причин и методов преследования интеллигенции тоталитарной властью в СССР на фактических примерах репрессивных акций в МАССР.

Достижение обозначенной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1. Сформулировать основные направления государственной политики тоталитаризма в отношении многонациональной интеллигенции СССР;
2. Рассмотреть значение образования МАССР в процессе национально-государственного строительства СССР;
3. Раскрыть особенности кадровой политики в МАССР, роль старой («буржуазной») интеллигенции в строительстве республики, практику выдвиженчества, усилия по формированию новой молдавской советской интеллигенции;
4. Определить идеологические мотивы и обоснования репрессивной политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции МАССР;
5. Выявить и проанализировать фактические данные о репрессивных акциях тоталитаризма в МАССР, показать масштаб и необратимые потери для интеллигенции автономии.

Хронологические и географические рамки исследования. Хронологически работа охватывает период с 1924 по 1940 годы. Эти даты реально определяют продолжительность существования МАССР – государственного образования в

определенных территориальных пределах, позволяют на различных этапах становления республики определять отношение к интеллигенции со стороны тоталитарного режима. Географические рамки исследования распространяются на районы Левобережья Днестра, вошедшие в состав МАССР.

Методологическая основа исследования. Для разрешения поставленных задач нами были применены методы: типологический – дана характеристика тоталитарного режима левого типа по присущим исключительно ему существенным признакам; аналитический – левототалитарная система представлена как сложно организованное целое; системный – в результате работы воссоздается модель реальной исторической ситуации.

В процессе работы были использованы современные методологические принципы: научности – исследование опирается на систему категорий, которыми руководствуется историческая наука в отношении тоталитаризма; историзма – политика тоталитарной власти в отношении интеллигенции рассмотрена в развитии от 1917 до 1940 года и с учетом конкретно-исторической обстановки; объективности – выявлена совокупность фактов, позволившие рассматривать политические условия 1930-х годов во всей многогранности и противоречивости; социального подхода – обозначены интересы определенных классов, сословий, социальных слоев и групп, учтен субъективный момент, определивший во многом политику тоталитарного режима в отношении интеллигенции; системности – объект исследования рассматривается во взаимосвязи всех элементов; историко-хронологический принцип – изучение проблемы не выводится за обозначенные временные границы, что могло бы препятствовать принципу объективности, принцип гуманизма – в отношениях между обществом, государством и человеком, должно быть уважение достоинства личности, создание всех условий, необходимых для ее нормального существования и развития.

Научная новизна и результаты. В результате исследования нами выделены специфические черты левого тоталитаризма советского типа; раскрыты основы государственной политики тоталитаризма в отношении интеллигенции, проанализированы источники формирования интеллигенции МАССР; определена имперская сущность национально-государственного строительства СССР и политическая роль в нем МАССР; обобщена репрессивная сущность политики тоталитаризма; введены в научный оборот ранее не опубликованные источники.

В диссертации исследовано стремление советской тоталитарной системы к постепенному преодолению национальной самобытности народов СССР с целью создания более комфортной для контроля и руководства социальной общности - советского народа.

Нами дана характеристика процессу национально-государственного и национально-культурного строительства в МАССР на различных этапах становления автономии, выявлена вся тяжесть поставленной задачи - создания республики в условиях кадрового «голода» во всех сферах общественной жизни и тех путей, которые были избраны для преодоления этой проблемы.

Проанализированы противоречия кадровой политики советского партийного руководства, в которой центральным содержанием было намерение создать в короткие сроки свою советскую интеллигенцию небуржуазного происхождения, воспитанную в духе идей марксизма-ленинизма-сталинизма, которая должна была сменить старую и ненадежную интеллектуальную элиту, свободную в выборе идеологий. Нами была показана несостоятельность этих планов, поскольку ни на одном из этапов социалистического строительства власти не удалось обойтись без «старой» интеллигенции, ее профессиональной деятельности.

В случае МАССР проявилась и своеобразие национальной политики тоталитарного режима, направленной на создание «интернациональной общности народов» ради «великой цели». Представление о принадлежности молдаван МАССР к той или иной (молдавской, или румынской) культуре ставилось в зависимость от реальных политических задач власти. Подобное манипулирование полностью отражает всю карикатурность и условность национальной политики СССР, сущность которой - преодоление национального, превращение огромного многонационального населения страны в подданных с одной советской идентичностью. Национальности могли быть разными, а сознание должно было стать единым.

На примере одного социального слоя - интеллигенции - рассмотрена практика тоталитарной власти по пресечению любого инакомыслия, самостоятельности суждений и решений. Целенаправленная репрессивная политика тоталитарного режима постоянно ставила интеллигенцию под угрозу маргинализации. Нами доказано, что даже в самые сложные для молодой автономной республики времена становления и кадрового голода партийное руководство во исполнение директив ЦК ВКП(б) и КП(б)У должно было преследовать классово-чуждых образованных людей в ходе периодических чисток, нанося безусловный ущерб делу. Представленные нами в сводной таблице данные о ходе

репрессий в МАССР, позволяют сделать выводы о масштабах и последствиях этих карательных акций.

Основная научная задача, решенная в исследуемой области, заключается в освещении политических условий формирования, жизни и деятельности интеллигенции МАССР, что привело к объективной оценке её роли и места в национально-государственном строительстве автономии, выявлению специфических черт политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции.

Теоретическая значимость работы:

проанализирована историография по проблеме взаимоотношений тоталитарной власти и интеллигенции МАССР, предложена ее периодизация;

показано отношение тоталитарного режима к интеллигенции, понятой этим режимом как опасное социальное явление;

охарактеризован спектр первоочередных задач, поставленных перед партийным руководством МАССР, обозначена ситуация, в которой без участия интеллигенции многие из этих задач не могли быть разрешены;

показано, что, несмотря на всю сложность положения в кадровом вопросе, партийное руководство МАССР должно было включаться во все кампании тоталитарной власти по поиску и выявлению внутреннего врага, не считаясь с ценностью каждого профессионала для республики.

изученные источники позволили сделать вывод о том, что, несмотря на постоянную угрозу репрессивных мер, интеллигенция МАССР была способна отстаивать свои взгляды на состояние дел в автономии;

выявлены причины и охарактеризованы методы репрессивной политики тоталитарного режима;

обозначена избирательность репрессивных акций тоталитаризма в отношении интеллигенции, которая несла потери в ходе каждой карательной кампании власти.

представлены и проанализированы неопубликованные источники личного происхождения, с помощью которых была дана характеристика социально-политическим процессам в МАССР периода «большого террора» (1937-1938 гг.).

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в научной и дидактической деятельности, при подготовке монографий, учебников, дидактических материалов по всеобщей истории и истории румын

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования опубликованы в 10 научных публикациях, в том числе 7 статей, которые были размещены

в изданиях, аккредитованных Национальным Советом по Аккредитации и Аттестации Республики Молдова.

Структура работы. Диссертация включает в себя: лист, подтверждающий авторское право; аннотации на румынском, английском и русском языках; список аббревиатур; перечень ключевых слов; введение, три главы, 148 страниц основного текста, заключение и рекомендации, библиографию из 299 наименований; 6 приложений; декларацию об ответственности; CV автора.

Содержание диссертации обусловлено целями и задачами исследования.

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы и степень ее изученности, цели и задачи работы, хронологические и географические рамки, методологическая основа, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе - **«Историография проблемы и анализ источников»** содержится обзор работ, в которых частично затрагиваются аспекты исследуемой нами проблемы, предложена периодизация историографии, дана характеристика источников. В определенной степени в ходе анализа особое внимание было обращено на научные труды, которые могли содействовать решению поставленной исследовательской задачи. Всестороннему рассмотрению политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции МАССР и расширению поля исследовательской деятельности в этой области способствуют источники -опубликованные в постсоветский период и публикуемые автором впервые.

Во второй главе - **«Политические условия формирования интеллигенции МАССР»** нами исследован процесс формулирования стратегии и тактики тоталитарного режима в отношении интеллигенции. Нами выявлено, что в основе стратегии - признание старой «буржуазной» интеллигенции социально чуждым элементом и временным явлением в структуре советского общества, в основе тактики - признание интеллигенции «попутчиком» на непродолжительный период. Нами рассмотрены политические условия процесса формирования новой «советской» интеллигенции, которому власть задавала неоправданно форсированный темп. Нами установлено, что в условиях реализации такого политического проекта как МАССР, кадровый голод и неопытность молодых специалистов вели к появлению многочисленных проблем, возникавших из-за их недостаточной компетентности и поспешности в принятии решений.

В третьей главе - **«Идеологические обоснования, методы и последствия политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции МАССР»** нами рассмотрены идеологические причины репрессий в отношении интеллигенции и

охарактеризованы методы, опробованные тоталитарным режимом в период подготовки и развертывания «большого террора». Нами установлено, что идеологическое обоснование его осуществления составила теория обострения классовой борьбы. Нами определено, что развертывание целенаправленной борьбы с «буржуазным национализмом» старой интеллигенции и «правым уклоном» в партии было важно тоталитарной власти для закрепления за ней права не только на определение характеристик настоящего, но на оценку прошлого народов СССР. Выявление (по национальному критерию) и уничтожение накануне войны «пятой колонны» в СССР также давало широкие возможности для борьбы с любой формой инакомыслия.

Каждая глава оканчивается выводами, в которых представлены результаты исследований.

В завершении работы представлены **заключение**, обобщающее результаты, полученные при изучении темы, и **рекомендации**, содержащие предложения автора по дальнейшему развитию научного поиска.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ И АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

1.1. Анализ историографии по проблеме

Хронологические рамки диссертации (1924-1940 годы) определяют включение в историографический обзор тех научных трудов, которые непосредственно посвящены указанному периоду и затрагивают, в определенной степени, исследуемую нами проблему. Отметим, что использование в отношении советского политического режима термина «тоталитарный» воспринимается автором как необходимость представления в ходе историографического анализа тех исследований, которые концептуально обосновывают в ряду многих черт тоталитаризма специфичность «левого» и «правого» направлений этого политического феномена XX века. Приступая к анализу научных работ, автор выделил те, что могли бы способствовать достижению намеченных целей и решению поставленных задач. Поэтому внимание было сосредоточено на освещении в научной литературе и публикациях следующих проблем: кадровая политика ВКП(б) в отношении интеллигенции СССР и МАССР; роль интеллигенции в национально-государственном строительстве МАССР; мотивы и методы преследования интеллигенции в ходе репрессивных акций в МАССР; репрессивная сущность политики тоталитаризма в советской, постсоветской и зарубежной историографии.

Хронологически в изучении темы мы предлагаем следующую последовательность периодов:

1. 1924-1956 гг. – характеризуется, в основном, освещением процесса образования МАССР и раскрытием ее достижений, преобразований, осуществленных новым политическим строем.

По мнению инициаторов создания МАССР, автономия была призвана стать аванпостом мировой революции, и политическим маяком для Бессарабии (хотя среди инициаторов появления республики были и более смелые планы с прицелом на всю Румынию). В связи с этим публиковались труды Л.Александрри, М.Бочачера и В.Дембо, подготавливавшие политическую почву для продвижения идей социализма и мировой революции за Днестр. Л.Александрри анализировал причины, по которым в 1918 была «потеряна» Бессарабия [1, с. 80-81]; М.Бочачер писал о торжестве ленинской национальной политики [2, с. 9]; В.Дембо приводил доводы о возможности экспорта революции [3, с. 56; 62].

В 1926 г. при Наркомпросе был образован Молдавский Научный Комитет, в составе которого была и историческая секция. Среди главных задач было накопление, систематизация и осмысление материалов о борьбе за власть Советов и социалистическом

строительстве, а также анализ социально-экономического и политического положения «оккупированной» Бессарабии. Работы 1920-х годов отличает особый, наступательный дух, субъективность, спорность, публицистичность и большая опора на собственный опыт борьбы или мемуары, чем на документы. В МАССР социально-экономические преобразования и так называемое «социалистическое строительство» в 1920–30-е годы, освещались, прежде всего, периодической печатью. Обнародовались отчеты о съездах Советов и принятые на них государственно-правовые акты [4, с. 207-257]; стенографические отчеты о конференциях Молдобкома, на которых подчеркивалось значение «успехов в социалистическом строительстве» [5, с. 240]; публиковались данные о национальном составе населения [6, с. 3] представлялись отчеты о работе правительства (где поднимались вопросы о проблемах с кадрами) [7, с. 226]; статистика (в том числе данные об этнических группах в МАССР и численности) [8, с. 221]; значение воссоединения Бессарабии с «великой семьей народов СССР» [9, с. 53]. Авторами их были специалисты по различным вопросам политики, экономики, права. Подавляющая часть публикаций, посвященная процессу «социалистического строительства» славословила успехам в области экономики и культуры [10, с. 54]. Встречались и проблемные работы: об очернении достижений МАССР в зарубежных изданиях [11, с. 18-19]; значении деятельности Молдавского Научного Комитета для развития науки [12, с. 26-28]; трудностях в работе у выдвиженцев [13, с. 17]; проблемах молдовенизации (П.Киор писал о необходимости революции в грамматике, которая должна стать ближе к народу и демократичнее) [14, р. 57]; о противоречиях, которые возникали при обучении простых людей молдавскому языку [15, р. 53-54]; подготовке специалистов для «культурной» работы на селе [16, р. 52-53]. Нельзя не сказать о разоблачительных статьях, посвященных ошибкам, допущенным в ходе «классовой борьбы» (критика «антиленинской» позиции Молдобкома и МНК) [17, с. 29-30] и о вредительстве «националистов» на «культурном фронте» [18, р. 321]. Хотя по содержанию газетные и журнальные статьи носили ярко выраженный пропагандистский характер, все же в некоторых из них прослеживаются попытки осмысления социальных и политических процессов, происходивших в МАССР, а значит (по нашему мнению), они носят исторический характер.

Были изданы книги и брошюры, посвященные «достижениям» МАССР, например, «10 лет МАССР» Г.Булата [19, с. 4, 12]. Среди них - альбом «10-летие МАССР», «Книга для чтения, для школ грамоты» С.Лехцира, «Молдавская Советская литература» С.Соловьевой, «В огне гражданской войны родилась Советская Молдавия» Н.Нарцова, «Избранные стихи» Ф.Малая и другие, изданные в 1937 г. из книготорговой сети [20, л. 114-115].

В 1940-е гг. с образованием Молдавской ССР, в издании «Молдавия в великой семье республик Советского Союза» большой акцент был сделан на «прогрессивный характер» этого события для Бессарабии [21, с. 139]. Воссоздавалась общая картина состояния Бессарабии в 1918-1940 гг., (с соответствующей характеристикой социально-экономической политики «правлящих кругов королевской Румынии») и указано на позитивный характер «воссоединения» для молдавского народа [22, с.3,31]. Общая пробольшевистская концепция исторического процесса в Молдавии впервые была изложена в двухтомной истории Молдавской ССР, изданной в 1951 и 1955 гг. В этом масштабном труде (с марксистско-ленинских позиций) были даны периодизация и характеристика социально-экономического и политического развития края, освещались установление Советской власти и социалистическое строительство в республике. Научная работа должна была сыграть особую роль – представить историю Молдавской ССР как логичное поступательное продвижение к коммунизму. Однако, даже по мнению специалистов советского времени, она все еще «страдала схематизмом и декларативностью – что определялось тогдашним уровнем развития исторических знаний в республике» [23, с. 7]. Проанализировав работы этого периода, мы пришли к выводу, что его начало характеризует острота и полемичность, а развитие и завершение демонстрирует постепенный переход к догматичности и единообразию оценок.

2. 1956-1987 гг. – это период, начавшийся с так называемой «оттепели» в том числе и в освещении проблемы политических репрессий в отношении советского общества. Отправной точкой в историографии репрессивной политики тоталитаризма мог бы стать XX съезд КПСС (1956 г.), который дал определенную надежду на обновление жизни в СССР. В докладе Н.Хрущева впервые было рассказано о партийных чистках, о трагической вехе, которой стал 1934 г., о фальсификациях дел, расстрельных списках, о разрешении Сталина применять пытки к арестованным. Однако вскоре после отставки Н.С.Хрущева началось некое реанимирование образа вождя, сопровождавшееся затушевыванием его роли в организации и идеологическом обосновании репрессий, создании особой карательной системы. Была обойдена и роль партийных функционеров разных рангов в осуществлении тоталитарной политики, направленной на искоренение инакомыслия и создание единого монолитного образования – советского народа. Партийное руководство не позволило исследователям пойти дальше осуждения культа личности И.В.Сталина и критики репрессивной деятельности отдельных партийных функционеров. Инспирированный властью особый подход к проблеме, для историков обрел вид обязательного и окончательного толкования: «Нарушение ленинских норм партийной и

государственной жизни нанесло вред делу строительства социализма, но не могло изменить природу социалистического общества, теоретических, политических и организационных основ деятельности коммунистической партии» [24, Т.4, с. 510]. К концу этапа наблюдается постепенный переход к ретушированию истории и сокращению публикаций о репрессиях. Перед исторической наукой СССР и МССР были выдвинуты следующие задачи: показать решающую роль СССР в определении судьбы территорий между Прутом и Днестром; отобразить процветание советского молдавского общества и культуры; продемонстрировать достижения молдавской социалистической эпохи (ликвидация классов, создание советского человека и размывание национальных различий между народами СССР). Повышенное внимание власти к проблемам истории было продиктовано необходимостью давать аргументированный отпор антисоветской пропаганде и диссидентским публикациям за рубежом (в 1967 г. был создан сектор общественно-политических и информационных исследований при ЦК КПМ).

По мнению А.Литвина в этот период, была предпринята бесперспективная попытка «разделить советскую историю на «хорошую», ленинскую, и «плохую», сталинскую. Советские пропагандисты стремились защитить режим прежними методами, допуская критику отдельных лидеров, но, не поступаясь главным: престижем власти в целом. Нетрудно заметить связь между предпринимавшимися в 1970-х гг. попытками оправдать сталинские методы и резким сокращением публикаций о терроре, концлагерях и т.д.» [25]. В публикациях, посвященных советскому государственному строительству, не было открытого упоминания о трагических развязках судеб тех, кто показался тоталитарному режиму препятствием на пути к «светлому будущему», но править историю, подобно тому, как это было сделано в «Истории ВКП(б). Краткий курс»^{*} уже не рисковали. Тем не менее, принцип партийности оставался руководящим и обязательным для всех исследователей. Все же следует отметить, что именно «оттепель» породила тенденцию последовательного продвижения к свободе и переосмысления прошлого. Свое выражение она нашла в творчестве тех, кто в общем представлении были скрытыми или явными диссидентами. Официальная литература, искусство, наука были вынуждены пользоваться «эзоповым» языком для того, чтобы хотя бы обозначить свое отношение к прошлому. Первое серьезное исследование сталинизма и его последствий для науки, культуры и советского общества,

^{*} «История ВКП (б). Краткий курс» (1938 г.) – историко-партийная работа, учебник. Создавался как орудие пропаганды, выражение официальной точки зрения на основные исторические события, показывал только победы и достижения, не содержал упоминаний о «провалах» системы.

произведенное в СССР Р.Медведевым, вышло только на Западе и стоило автору партийного билета [26].

В МССР в 1960-х годах была опубликована переработанная и дополненная версия 2-х томной «Истории Молдавской ССР», в которой была дана характерная для времени оценка деятельности румынских «националистов», которые «сколотили в Москве так называемую «инициативную группу» по созданию Молдавской Республики» [27, с. 114]. В 1982 г. вышла в свет сжатая история республики с концентрированным изложением наиболее важных исторических событий (в том числе об общественно-политической жизни в «предвоенную пятилетку») [28, с. 315]. К 60-летию СССР была издана и Краткая энциклопедия «Советская Молдавия», в которой, по утверждению авторов, было уделено «особое внимание развитию республики за годы Советской власти» [29, с. 3]. На страницах этих изданий нашли свое отражение официальные подходы к наиболее принципиальным вопросам молдавской историографии советского периода: образованию МАССР и МССР, по бессарабскому вопросу, определению молдавской советской нации как неотъемлемой части советского народа. Проблема репрессий была обойдена обычным для советского времени способом: исторические статьи носили общий характер, а о судьбе политического деятеля «говорила» черта между датой рождения и 1937-1938 годами.

Научные публикации, выходившие в 1950-1980-е годы, были обречены трактовать исторические события исключительно с позиций марксистско-ленинской идеологии и в соответствии с задачами, намеченными очередным съездом КПСС. По мнению современных исследователей, в частности, С.Сувейкэ, ученые были поставлены в жесткие политические и идеологические рамки. Будучи для политической власти источником легитимности, историк преобразовывался из творца в некий механизм, исполняющий указания партийных и государственных органов. Историческое прошлое при этом в восприятии общества искажалось [30, с. 26]. Круг исследовательских интересов в области новейшей истории был очерчен строгими границами цензуры и исключал направления, способные каким-либо образом бросить тень на систему. Допускались к изучению и разработке темы, связанные с историей борьбы за установление Советской власти в левобережных районах и с образованием МАССР, традиционно для советского периода большое место в историографии занимали труды о руководящей роли партии в ходе восстановления народного хозяйства и о финансовых вложениях СССР в развитие образования МАССР [31, с. 48]; роли комсомола в становлении системы образования и в культурном строительстве, его работе среди батрацкой молодежи [32, с. 59]; позиции партийного руководства автономии в споре «румынизаторов» и «самобытников» [33, с. 91].

Но и в этих условиях появлялись значимые работы: в монографии А.Репиды была дана историографическая справка по истории образования МАССР и дан первый критический анализ источников, представлены роли И.Сталина и М.Фрунзе в этом политическом проекте [34, с. 91]. В работах З.Ивановой проанализирован подготовительный период образования автономии, которой предстояло стать «центром строительства молдавской государственности» [35, с. 4]; рассмотрена проблема ликвидации неграмотности (в том числе - попытки преодолеть кадровый голод через систему краткосрочных курсов по подготовке преподавателей из грамотных женщин-выдвиженок) [36, с. 76]; в соавторстве с А.Есауленко изучила условия осуществления борьбы с неграмотностью на молдавском языке в Левобережных районах в 1924 г., которые были осложнены отсутствием учебных пособий и нехваткой учительских кадров, владевших языком [37, с. 51]. Ею также охарактеризованы и источники по проблеме, часть которых была утрачена из-за частых административных изменений, происходивших в Приднестровье в начале 1920-х гг., или погибла в годы войны.

Свое место заняли и разработки тем, связанных с участием интеллигенции в становлении народного хозяйства и культурном строительстве, проблемах с которыми при этом сталкивались [38, с. 20-21]; с советской национальной политикой и формированием «молдавской социалистической нации» в ситуации противостояния разных подходов в вопросах молдовенизации [39, с. 48]; с развитием науки [40, с. 77], с первыми шагами исследователей автономии [41, с. 7, с. 42] и переменами в социальной структуре населения МАССР и об основных источниках формирования «кадров интеллигенции из народа» [42, с. 283]; с борьбой против «фальсификаций» прошлого и настоящего Советской Молдавии [43]. Вопрос о становлении народного образования и культурного строительства, в Молдавской автономии являлся одним из наиболее часто затрагиваемых в историографии республики. В этой связи можно в первую очередь выделить работы таких авторов, как Д.Антонюка, З.Ивановой, Т.Крачун, В.Миренюк, Г.Гузуна. Подчеркивая энтузиазм и темпы, которые были взяты в культурном строительстве, Д.Антонюк особое внимание уделил развитию сети национальных школ, которых в регионе до революции просто не было [44, с. 74]. В монографии Т.Крачуна сделаны выводы о том, что, несмотря на все усилия властей к 1939 г. педагогические учебные заведения все же не смогли обеспечить все возрастающую сеть школ педагогическими кадрами [45, с. 214]. В.Миренюк внесла, в определенной степени, свой вклад в разработку такого важного аспекта нашей проблемы как теория и практика идейно-политического воспитания, учащихся в МАССР, главное направление которого – формирование личности социалистического типа [46, с. 126-127]. Можно признать, что все отмеченные работы в полной мере отражали пафос и энтузиазм

эпохи, были выдержаны в духе марксистско-ленинской догматики, которая не позволяла не нужной режиму критичности. Этот период, когда историческая наука была строго подконтрольной сектору общественно-политических и информационных исследований при ЦК КПМ, достаточно конкретно охарактеризовал историк С.Мустьяцэ: «Местная историография была ограничена рамками тем и направлений, которые были определены центром. Среди наиболее «исследованных» проблем выделяются коллективизация и индустриализация МССР, история рабочего движения и др. Взаимосвязь со всеобщей историей оставалась довольно скромной из-за ограниченного доступа к западным изданиям» [47, с. 103]. По мнению А.Каппелера, национальные историографические школы в Советском Союзе имели значительные достижения и серьезные труды, прежде всего по социальным и экономическим вопросам, но были вынуждены избегать острых тем, связанных с завоеванием, подчинением, включением в состав Российской империи. Эти и другие темы (национальные движения, национальная политика, репрессии и т.п.) оставались «за скобками» научных исследований или освещались в одностороннем идеологизированном плане [48, с. 15]. Таким образом, на этом этапе, деятели науки были ограничены при выборе тем исследований, не имели возможности воспользоваться закрытыми в специальных фондах источниками, и, в результате, были вынуждены изучать «успехи в социалистическом строительстве» и «достижения в области культуры и науки», которых добился молдавский народ благодаря вхождению в «дружную семью народов СССР».

3. С 1987 г.– новый этап, связанный с изменением исследовательской ситуации из-за политических перемен, происходивших в СССР*: была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по реабилитации, начали публиковаться материалы специальных фондов и реабилитационные документы. В МССР Бюро ЦК КПМ также рассматривало дела по партийной реабилитации исключенных из партии в 1937-1938 гг. с обнародованием списков реабилитированных (посмертно). Стала доступна западная научная литература и публицистика. Перед молдавской исторической наукой встала важнейшая цель: не только восстановить правду истории, но и сформулировать независимый от идеологий, аргументированный взгляд на советскую страницу прошлого республики. Настоящую возможность заниматься исследованиями, связанными с тоталитарным отрезком в истории СССР ученые получили в период «перестройки» и «гласности». В 1987 г. была создана

* Кардинальная реформа советской политической системы началась в январе 1987 года, когда на пленуме ЦК КПСС перестройка и гласность были объявлены новой государственной идеологией.

Комиссия Политбюро ЦК КПСС по реабилитации во главе с А.Яковлевым. В это время в СССР начали публиковаться и материалы прежде недоступные, закрытые в специальных фондах и реабилитационные документы. Авторы сборников указывали на то, что периодизация политической реабилитации «почти зеркально повторяет этапы общественно-политической эволюции советского общества» [49] и что изучение документов эпохи указывает на «самый прямой путь к истине» [50].

Масштабы преступлений тоталитарного режима, их цинизм и беспощадный характер нашли свое отражение в многочисленных публикациях. Делались попытки дать характеристику отношения режима к разным социальным слоям общества, в том числе и к интеллигенции. В.Куманев в статье «Судьбы советской интеллигенции (30-е годы)» писал: «В целом неприязнь Сталина к представителям творческой интеллигенции...носила в определенном смысле закономерный оттенок: ведь в силу универсальности своих знаний и своей психологии, интеллигенция оставалась тем нервом, который, несмотря на все ампутации и чистки, продолжал связывать мыслящую Россию с мыслящей Европой. Сталинская стратегия на изоляционизм требовала уничтожения или рабской покорности этого «европейского нерва», низведения граждан до положения бесправных «винтиков» [51, с. 32]. Наиболее яркое произведение исторической мысли этого периода, подкрепленное документально - исследование Д.Волкогонова «Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина», центральной мыслью которого стала подмена диктатуры пролетариата диктатурой вождя: «Сталинизм отвел человеку роль инструмента, средства, а не цели. Дежурные фразы о советском человеке, которому «жить стало лучше, жить стало веселее», не могли скрыть положения, которое мы, оглядываясь, видим в прошлом: индивидуальность подавлялась, абсолютизировался коллективизм в ущерб гармоническому развитию личности, господствовала концепция силового воспитания «нового человека» [52, с. 133]. Эта работа Д.Волкогонова стала одной из ведущих в числе тех, что стремились отследить генезис исторической личности в эпоху политических перемен, когда триумф одного человека обернулся трагедией для народов СССР.

В МССР Бюро ЦК КПК также рассматривало дела по партийной реабилитации исключенных из партии в 1937-1938 гг. с обнародованием списков реабилитированных (посмертно). Началом принципиальных изменений в освещении исторического процесса в Молдавии для республиканской историографии стала статья академика А.Лазарева «О «белых пятнах» в истории Молдавии» (1988 г.), которая обозначила спорные проблемы и указала на необходимость пересмотреть ставшие ортодоксальными трактовки советского времени [53, с. 82].

Перед молдавской исторической наукой встала важнейшая цель: не только восстановить правду истории, но и сформулировать независимый от идеологий, аргументированный взгляд на советскую страницу прошлого республики. Этой деятельности способствовала открытость средств массовой информации в русле политики «гласности». В журналах «Народное образование», «Трибуна», «Коммунист Молдавии», «Молдова и мир»^{*} и других активно публиковались результаты архивных изысканий, документы и материалы, мемуары. На основе новых документов начали заполняться «белые пятна» в истории МАССР, особенно в части проблемы репрессивного характера политики тоталитаризма в отношении советского общества. Часть их носила научно-популярный характер, другая – ставила задачу придать гласности имена жертв террора, показав на примере конкретной исторической личности или скромного труженика уничижительно-потребительскую сущность политики тоталитаризма в отношении граждан страны. Среди публикаций отметим статьи М.Сытника о том, как пострадали от репрессий «преданные делу социализма кадры Молдавской АССР, которые много сделали для её становления» [54, с.3]; И.Моисеева о преступном стремлении организаторов политических процессов «угодить начальству», расширяя круг репрессированных [55, с.2]; Н.Мовилян о конкретных примерах того, что «главной мишенью» НКВД МАССР стали не только партийно-хозяйственные работники автономии, но и работники средств массовой информации, деятели литературы и искусства [56, с.32]; Л.Репида и А.Романа о судьбе Е.Вороновича (председателя Президиума ЦИК МАССР), обвиненного в участии в «надуманной» вредительской организации [57, с.40]; Ф.Яценко о парадоксе периода репрессий, когда при «бурном» развитии автономии выяснялось, что люди «под руководством которых МАССР добилась таких успехов...занимались шпионажем, диверсиями и другой контрреволюционной деятельностью» [58, с.40]; К.Стративеского о трудностях национально-культурного строительства МАССР, когда «во всем усматривалось проявление национализма» и том, что в дальнейшем подозрение в национализме становилось мотивом преследования жертв репрессий [59, с.33]; Е.Флока о потерях партийной организации республики в ходе чисток 1934-1937 годов [60, с.88]. Мемуары участников событий обрисовывали методы работы НКВД МАССР [61, с.73, 74], обстановку нервозности и всеобщей подозрительности [62, с.40]. Институт истории партии при КПМ выпустил сборник статей «Восстанавливая правду истории», в котором впервые

^{*} До октября 1991 г. «Политика».

в научный оборот были введены документы и материалы по «трудным» вопросам истории Компартии Молдавии, республики» [63, с.29] Стали выходить и сборники документов, в которых создание МССР приобрело абсолютно новую политическую окраску [64, с.80].

На исходе 1980-х гг. в помощь учителям было подготовлено учебное издание «Страницы истории Советской Молдавии», во второй части которой Н.Мовилян охарактеризовал репрессии 1930-1940-е годы как трагедию «не только для отдельных людей, но и для многих народов, в том числе и для молдавского» [65, с. 84].

Постепенно Молдавская ССР (как и другие республики Советского Союза) вошла в период национально-культурной трансформации. Г.Бордюгов и В.Бухараев, подводя в конце XX века некие итоги постсоветского развития историографической ситуации в союзных республиках, считали, что научные центры и вузовские кафедры нередко становились местом культурно-национального самоопределения специалистов: «Проявления их этнонациональных пристрастий не сдерживаются ныне идеологическими обязательствами» [66, с. 21]. Происходило, по выражению А.Каппелера, высвобождение из прокрустова ложа догматики, идеологизировавшей национальные отношения [48, с. 15]. Одновременно в создаваемых «национальных» концепциях истории нередко особое место занимала потребность в легитимации своей обретенной государственности.

Немалое значение имело и то, что ученой общественности республик становилась доступна новейшая зарубежная научная литература (в Молдавской ССР – монографии Ч.Кинга, в которой он обозначил свою позицию по поводу создания МССР как нового повода аргументации возвращения Бессарабии [67, р. 56,57]; М.Брухиса с его критикой советской национальной политики [68, р.45], Н.Дима и других). Ученые, освободившись от давления и контроля в исследовательской работе, смогли включиться в изучение темы тоталитаризма. Они не только дополняли достижения западных коллег, но и придавали научной дискуссии новые импульсы, и многочисленные публикации (в том числе и совместные с западными специалистами) позволяли выявлять не только общие, но и специфические черты тоталитарных режимов.

С 1990 г., «в результате конкуренции между элитами Бессарабии и Приднестровья» [69] полностью изменилась политическая обстановка в стране, которую фактически расколол проект закона о государственном языке. С этого времени возник отсчет в некотором смысле двухвекторной трактовки молдавской истории. Естественная для любого государства потребность в национальной идее приобрела особое значение на обоих берегах Днестра. В итоге образовались многозначные интерпретации многих исторических событий.

В 1990-х гг. А.Морару и другими авторами, были сделаны первые попытки создания курса истории румын, опирающегося на современный западный опыт. В 2002 г. издана «История Молдовы» В.Стати, анонсированная как приглашение к спокойному размышлению, в том числе и о судьбе МАССР, которой посвящена отдельная глава. В том же году появился еще один труд по истории Молдовы с древних времен и до наших дней (уже второе издание – переработанное и дополненное), созданный Ассоциацией историков Молдовы имени Н.Милеску-Спэтару. В этой коллективной научной работе авторы высказали современный взгляд на проблемы социально-политического характера в МАССР, связанные с нехваткой интеллектуальных кадров, с непоследовательной политикой и силовыми методами власти [70]. В ряду важнейших для исследования заявленной темы представляются материалы сдвоенного журнала «Cugetul»: документы, комментарии и особо - статья И.Моисеева о политической и культурной жизни автономии [71, р. 66-70]. Монографии и статьи, посвященные молдаванам левобережных районов Днестра, продолжили научную разработку проблематики МАССР: Н.Мовиляну о некоторых аспектах истории Транснистрии - молдовенизации [72, р. 69-70] и о фактических целях, которые ставили перед собой инициаторы создания МАССР [73, р. 30]; О.Галущенко об образовании автономии с учетом новых фактов [74, с.205] и о направлениях национальной политики в МАССР [75, с. 54-55]; Е.Мурау в соавторстве с И.Моисеевым о кадровой политике в автономии - об острой нехватке квалифицированных специалистов в области здравоохранения [76, р. 145], о стремлении власти взрастить «новую» интеллигенцию [77, р. 149], о роли женщин из молдавских районов МАССР в становлении образования [78, р. 210,211], о проблемах молдовенизации, возникших из-за недостатка учительских кадров [79, р. 12]; О.Цыку о политике «молдовенизма», которая была основана на идее культивирования различий между молдаванами и румынами во любом аспекте [80, р. 334]; Г.Кожокару об аргументации инициативной группой образования МАССР, в которой инициаторы исходили из интересов молдавского населения Приднестровья, так и из внешнеполитических планов руководства СССР [81, р. 88-90]; К.Стратиевского о голодных временах в республике, когда власть несмотря на катастрофическое положение с хлебом, продолжило борьбу с «классово-чуждыми элементами» [82, с. 82]; А.Петренку о формировании и судьбе национальной интеллигенции МАССР, отметившего, что «попытки властей создать прослойку национальной интеллигенции нельзя рассматривать в отрыве от того, что происходило в обществе в целом» [83, с. 237]. Общий анализ исследовательской ценности указанных работ дает представление о стремлении авторов как можно более полно и объективно отразить, и оценить политическую обстановку в

Молдавской автономии. Эти труды выявляют, опираясь на документальные источники, истинные мотивы образования МАССР, проблемы сосуществования власти и национальной интеллигенции, противоречивость национальной и культурной политики, коренизации и масштаб геноцида 1937-1938 годов. В монографии Е.Негру, в частности, «языковое строительство» в СССР в области создания письма и языков для нерусских народов рассматривалось автором как тактическое средство в реализации стратегической цели денационализации народов и формированию сильного централизованного государства. Е.Негру* указала, что в МАССР навязывание проекта создания «нового» языка стало возможным благодаря многим факторам, среди которых выделила практически полное отсутствие коренной интеллигенции, молдавских кадров в структуре органов управления МАССР, способных сопротивляться политике «языкового строительства», и, в не меньшей степени, неграмотность румынского (молдавского) населения, полурсифицированного и полуукраинизированного [84, р. 24-30]. Мы также считаем, что в подобных условиях задачи, поставленные перед немногочисленными интеллектуальными силами республики, были нереальны, а разногласия внутри самих «молдовенизаторов» и их постоянные дискуссии с «румынизаторами» сводили на нет все усилия.

Новый импульс исследованиям в области тоталитаризма советского (левого) типа был придан резолюциями ПАСЕ о «необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (25 января 2006 г.) и ПА ОБСЕ (3 июля 2009 г.). Эти документы способствовали открытию нового этапа в продвижении Молдовы к демократии и преодолении тоталитарного прошлого. 14 января 2010 г. была образована Комиссия по изучению и оценке тоталитарного режима при Президенте РМ. Историкам стали доступны документы, долгое время закрытые в специальных фондах важнейших государственных учреждений МССР: КГБ, Прокуратуры, Министерства иностранных дел, ЦК КПМ и др.

В ряду работ, основанных на документах из открывшихся архивов, выделим книгу И.Кашу «Классовый враг. Политические репрессии, насилие и сопротивление в Молдавской (А)ССР 1924-1956», в которой автор попытался реконструировать выделенный период, опираясь на данные, опубликованные молдавскими, постсоветскими и западными исследователями, а также на базе неизданных архивных документов из кишиневских

* См. также: Negru E. Întroducerea și interzicerea grafiei latine în R.A.S.S.M. B: Revista de istorie a Moldovei, 1999, nr. 3-4; Negru E. Represiuni politice în Republica Autonomă Socialistă Sovietică Moldovenească la sfârșitul anilor 30. B: D Rom, 1999, 6, nr. 4, p. 97-105; Negru E. Literatura și presa din R.A.S.S.M. B: Cugetul, 2001, nr. 1, p. 24-26.

архивов, особенно бывшего архива КГБ МССР (архив Службы информации и безопасности Республики Молдова) и архива Министерства Внутренних Дел и бывшего ЦК КПМ. Мы разделяем мнение автора о том, что выявленные документы дают возможность констатировать факт расширения круга репрессированных в 1937-1938 годы за счет привлечения представителей всех социальных слоев, в том числе и новых, создаваемых самой советской властью [85, р. 86]. Различные аспекты истории МАССР и национальной политики тоталитаризма продолжают оставаться актуальными, что видно по публикациям последнего времени. Большой профессиональный интерес у историков вызвали монография А.Мемея (первая часть его исследования посвящена террору власти в МАССР, в том числе и против интеллигенции, проблеме создания пролетарской интеллигенции) [86, р. 437-448]; работа П.Негурэ о судьбе молдавской писательской интеллигенции, многие проблемы которой были заложены амбициозными планами сталинской эпохи по созданию нового молдавского языка и новой советской литературы [87]. Этим двух авторов объединяет стремление дать объективную оценку политическим процессам в МАССР в 1930-е гг. и, что важно для нас, прямо затрагивают проблему политики тоталитаризма в отношении интеллигенции и подчеркивают ее предвзятый, непоследовательный и репрессивный характер.

Неоценимое значение для исследователей политических репрессий имеет фундаментальное исследование «большого террора» в МАССР авторов И.Варта, Т.Варта и И.Шарова. В этой научной работе дан поэтапный анализ большевистского террора, его источников и реализации на практике. Затрагиваются непосредственно некоторые аспекты нашей проблемы: механизмы террора, его обоснования, осуществление в МАССР [88, р. lxxv], статистика, введены в научный оборот новые документы. По итогам проекта «Демократия после тоталитаризма: уроки 20 лет», Национальная Ассоциация молодых историков и члены Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима приняли участие в специальном издании, содержащем, в том числе и научные работы, посвященные МАССР и политическим репрессиям. В частности, это исследования О.Цыку о «молдовенизме» как государственной политике, нацеленной на преодоление национальной румынской идентичности в населении Молдовы и моделирование мобилизованной управляемой политической элиты [80, р. 340]; труд И. и Т. Варта, содержащий анализ подготовительного периода, механизмов Большого террора в масштабах СССР и на примере МАССР [89, р. 371, 386]; политическим репрессиям посвящена работа П.Негру, М.Ташкэ, в которой наряду с документами систематизирована и представлена в таблицах деятельность «особых троек», сделаны выводы о причинах террора: авторы считают, что

таким образом Сталин не только расправлялся с политическими врагами, но расчищал место для новых национальных элит [90, p. 442].

Историки Левобережья Днестра, в свою очередь, выделяют особый статус Приднестровья, так как оно (по их мнению) обладает опытом государственности МАССР*. МАССР, с их точки зрения, (с момента включения ее районов в состав МССР и УССР) такая же жертва пакта Риббентропа-Молотова, какой была и Бессарабия. По мнению И.Благодатских, «приднестровская концепция истории возникла в условиях политического, а затем вооруженного противостояния 1989-1992 гг. и непосредственным образом связана с идеологическим обоснованием приднестровской государственности...» [91, с. 204-205].

Исторический опыт МАССР остается для самопровозглашенной ПМР примером допустимости его существования как «самодостаточного» и «самоуправляемого» государства. Регулярно издаются научные труды, сборники статей, публикуются документы так или иначе связанные с проблематикой МАССР и историей ее включения в МССР. Среди этих изданий выделим «Историю Приднестровской Молдавской Республики (в двух томах)», содержащую собственную концепцию образования МАССР, оценку достижений и потерь за время ее существования [92, с. 99, 102]; «Феномен Приднестровья», где в разделе «Культура межвоенного периода» подготовка «новых» кадров рассматривается как одна из первоочередных задач власти [93, с. 62-63]; в научном издании «Государственность Приднестровья: история и современность» комплексно рассматривается образование МАССР, отмечено, что «нигде на всей территории бывшего СССР создание слагающих его национально-территориальных границ не сопровождалось столь откровенной имитацией общедемократических процедур и нигде цели этой имитации не были столь тесно связаны с идеологией мировой революции» [94, с. 34].

В ряду многих изданий, вышедших в Приднестровье, выделяются особо те из них, которые, так или иначе, указывали на некую историческую преемственность между МАССР и ПМР. В 2004 г. в Тирасполе прошла Международная конференция «Приднестровская государственность: история и современность (К 80-летию образования МАССР)». Сборники статей, «Республика на Днестре: К 80-летию образования МАССР» и «Приднестровская государственность: история и современность» с участием ученых из Молдовы, России, стали отражением многообразия мнений по тематике МАССР. Среди

* Здесь и далее под наименованиями «Левобережье», «Приднестровье» автор подразумевает часть территории РМ (Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский районы и г. Бендеры). Политическое противостояние 1989-1992 гг. привело к образованию на территории РМ Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), заявившей о намерении создать независимое государство.

научных работ, в определенной степени затрагивающих нашу проблему, выделим проблемную статью А.Волковой «Молдавская Автономная Советская Социалистическая республика: исторический опыт и современные оценки», в которой автор указала, что для большевистского руководства с первых шагов было свойственно из политических соображений легко и произвольно устанавливать и менять границы, «в политических играх с далеко идущими целями совершенно не принимались в расчет желания и стремления людей, становящихся заложниками идей «мировой революции». МАССР в трактовке А.Волковой - показательная автономия, созданная для привлечения симпатий бессарабцев, растворившаяся впоследствии, как безмятный регион в Молдавской ССР [95, с. 84]. Нам представляется, что такой взгляд на проблему роли МАССР в национально-государственном строительстве СССР является наиболее объективным и отвечающим нашему собственному подходу. Статья кишиневского автора Л.Репида «Становление советского государства и особенности левобережного Поднепровья», коснулась, в большей степени, особенностей социальной политики Советской власти в 1932 - 1939 годы. Автор привела данные о том, что хотя в это время население республики подверглось страшным испытаниям (голод, отселения, репрессии), расходы на социальную сферу МАССР выросли с 317,1 тысяч до 3,3 миллионов рублей [96, с. 91]. В исследовании московского историка Е.Борисенко «Формирование национальной политики большевиков после Октябрьской революции» особое внимание уделено государственной политике коренизации*, которая должна была способствовать «росту национальной советской интеллигенции». Автор сделала обоснованный вывод о том, что результатом политики коренизации, должно было стать создание в противовес буржуазной интеллигенции своей советской этнической элиты как интеллигентской, так номенклатурной [97, с. 97-98].

Заслуживают внимания публикации авторитетных ученых Молдовы, помещенные в «Ежегодном историческом альманахе Приднестровья». В работе Б.Бомешко представлены сведения о количестве школ ликвидации безграмотности и о том, что успешному обучению мешал, в том числе «принудительный характер привлечения к занятиям» [98, с. 51], а в биографическом исследовании Н.Бабилюнги о Е.Арборе-Ралли, на примере судьбы этой незаурядной женщины, сделаны выводы о том, что «реальную или мнимую опасность» для тоталитарной системы представляли «люди, обладающие глубоким профессионализмом и широтой кругозора, независимые, духовно богатые и сильные» [99, с. 97]. Статья

* «Коренизация» – кадровая политика в СССР 1920-1930-х годах по подготовке и выдвижению национальных кадров в советских республиках.

К.Стратиевского о Молдавском научном комитете содержала не только изложение ранее не известных фактов истории, но и характеристику политической ситуации, в которой приходилось жить и работать интеллектуалам республики (политизированные проблемы языка, коллективизация, голод, кампания борьбы с национализмом 1933 г и т.п.): «недостатков было достаточно, на все это своё влияние оказывала политическая обстановка, борьба против всякого рода уклонов в стране, на Украине и в МАССР» [100, с. 99]. К.Стратиевскому принадлежит и исследование вопроса об организации управления и принципах деятельности партийного аппарата в СССР в целом и в МАССР в частности. Автор особо указал на чехарду в руководстве республикой (за 16 лет сменилось 11 первых секретарей Молдобкома КП(б)У и в основном, за «провал в работе»), а так как эта должность ключевая, обладавшая «директивным правом» (т.е. правом давать не только письменные, но и устные распоряжения всем звеньям административно-хозяйственного и культурного аппарата), то постоянная рокировка высших кадров не могла не сказаться на состоянии дел в республике [101, с. 108]. Серия статей О.Галущенко – это глубокое, основанное на документальных источниках профессиональное исследование важнейших проблемных тем в истории МАССР (борьба между сторонниками и противниками организации МАССР, значение образования автономии для молдаван Приднестровья), исходящее из современного уровня историографии: «В опубликованной в прошлом веке научной литературе не освещался субъективный фактор. Новый расклад сил в высшем руководстве СССР стал той «последней каплей», которая поставила точку в вопросе образования МАССР именно в 1924 году, а не ранее» [102, с. 52]. Большое значение имели статьи О.Галущенко о противостоянии «румынизаторов»* и «самобытников»**, которое впоследствии дало власти почву для обоснования репрессивных акций в отношении интеллигенции [103, с. 68]; о проблемах, спровоцированных латинизацией, которая «проходила трудно, поскольку даже молдавское население МАССР практически не было знакомо ни с новым шрифтом, ни с румынским литературным языком» [104, с. 50]. Следует отметить и научные публикации В.Иченко, приднестровского историка, активно занимающегося историей МАССР, опубликовавшего многие ранее малоизвестные факты по репрессиям в разных районах МАССР [105, с. 116], а также роли общественных организаций в ликвидации

* «Румынизаторы» – сторонники этнолингвистической идентичности румын и молдаван, рассматривали МАССР как «революционный магнит» для Румынии.

** «Самобытники» идентифицировали молдаван как отдельный от румынского этнос. Развивающийся самостоятельно и независимо, главная цель для них в образовании МАССР – возврат Бессарабии.

неграмотности и становления народного образования автономии. Автор приводит примеры методов власти (политические суды и штрафы) в деле ликвидации неграмотности в МАССР [106, с. 288]. В труде Г.Аствацатурова приведены многочисленные факты, характеризующие процесс реализации национальной и культурной политики власти, ее перекосах и провалах. Автор приводит примеры судебных представителей интеллигенции (прежде всего учителей), которые одними из первых оказались «врагами народа» [107, с. 112-113].

В новейшей историографии по истории МАССР и МССР по-прежнему остаются актуальными: бессарабский вопрос; проблема национальной идентичности; образование МАССР как политический проект; Большой террор (1937-1938 гг.) на территории МАССР; пребывание Молдовы в составе СССР и его последствия.

Тема репрессивной политики тоталитаризма зазвучала (после перерыва из-за Второй мировой войны) в западной научной литературе и публицистике после XX съезда КПСС, осудившего культ личности И.Сталина [108, с.380]. На основе данных доклада Н.Хрущева [109, с.128], были написаны ряд исторических работ, некоторые (Г.Пашнер, например) - с претензией на формулирование собственного подхода к предпосылкам становления и этапам утверждения коммунистического режима в СССР. Х.Андикс, в свою очередь, сосредоточился на терроре как методе воздействия советского режима на общество, который применялся с первых дней большевистской революции до последних дней Сталина [110]. Р.Конквесту принадлежит термин «большой террор», в одноименном труде он отметил, что «неверно утверждать, что террор - неизбежное следствие, вытекающее из самой природы советского общества и коммунистической партии. Он ведь сам по себе был средством для насильственных изменений того же общества и той же партии» [111]. «На огромном количестве ставших доступными для историков источников Конквест проанализировал этапы массового террора, показал направления репрессивной политики советского руководства», отметили в своей книге В.Хаустов и Л.Самуэльсон [110].

Диссертация американского историка А.Гетти «Источники большой чистки: Переосмысление советской коммунистической партии, 1933-1938» стала вызовом для теории тоталитаризма. Гетти рассматривал репрессии с точки зрения борьбы центра с неэффективным бюрократическим аппаратом периферии. Более того, согласно Гетти Сталин не обязательно являлся инициатором репрессий. Гетти полагал, что часть регионального партийного и государственного аппарата была в неменьшей степени заинтересована в развязывании репрессий. Ученый считал, что региональные власти, а не Политбюро во главе со Сталиным играли важнейшую роль в репрессиях. Некоторые данные статистики, которые мы будем приводить в исследовании косвенно это

подтверждают. А.Гетти в последующих работах предположил, что массовый террор 1937-1938 гг. возможно связан с намерением И.Сталина провести радикальную реформу в области избирательного права [112]. Ученый обращал внимание коллег на то, что советские архивные секреты открываются подобно «слоям лука», а потому очень многое в новейшей истории может предстать в новом контексте [113].

Ш.Фицпатрик, известный специалист в области социальной истории Советской России автор многих научных работ, высказала собственный взгляд на государственную политику в отношении «буржуазной» интеллигенции: «Большевики опасались влияния «бывших» на советское общество, даже когда они (что было чаще всего) занимали скромное положение, сторонились политики и пытались скрыть свое прошлое» [114, с. 21]. В своем анализе особенностей социальной структуры советского общества 1920-х гг. она выделила общественные группы, к которым в советской терминологии 20-х годов относилось слово «буржуазный»: бывшим (членам старых привилегированных классов, включавших землевладельческую и бюрократическую аристократию), нэпманам и некоммунистической интеллигенции. По мнению Ш.Фицпатрик, партийное руководство серьезно опасалось, что неопытные и малообразованные крестьянско-пролетарские кадры будут стараться подражать «буржуазным специалистам»* во всем, перенимая не только внешние черты, но и пытаясь осмыслить их духовные ориентиры [115, с. 23]. Мы также считаем, что именно в этом заключается одна из причин, по которым тоталитарная система преследовала представителей интеллигенции. Продолжив исследования в области социальной истории, Ш.Фицпатрик обратила внимание на то какими методами проводилась культурная революция в деревне: «городские чужаки», «были исполнены воинственного стремления к переменам и презрения к темноте и отсталости крестьянской массы» [116], а также дала собственную оценку «новой» советской интеллигенции, которая «быстро сделала карьеру во время Большого террора» и образовала впоследствии новую «брежневскую» политическую элиту на полвека [117, с.13].

Среди работ, в которых авторы ставили себе целью выявить отличительные черты тоталитаризма в СССР, выделим также и другие работы. Л.Люкс аргументированно доказал, что у левого и правого тоталитаризма разные истоки, что обусловило и различный характер этих режимов, ученый произвел сравнительный анализ природы сталинского и нацистского режимов, и пришел к выводу, что и в Германии, и в Советском Союзе не учли,

* «Буржуазные специалисты» - представители интеллигенции, получившие образование до переворота в октябре 1917 г.

что система с вождем-фюрером во главе означает установление неограниченного и неконтролируемого произвола [118]. Р.Овери охарактеризовал тоталитарный режим в СССР как реализацию социальной утопии через кошмар «насилия, дискриминации и преследования» [119, р. 350], а Р.Такер, автор, которого отличало от других исследователей использование психоаналитических методик, в биографии И.Сталина попытался воссоздать психологическую обстановку в советском обществе накануне репрессий [110].

Аргументированную оценку социальной направленности массового террора дал один из наиболее объективных коллективных трудов «Черная книга коммунизма» (авторы - С.Куртуа, Н.Верт, Ж.Л.Панне, А. Пачковский, К.Бартошек, Ж.Л.Марголен). В ней особо выделены «кулацкая» и «национальная» операции, а также роль Сталина и его политического окружения в организации репрессий [120]. Н.Верт исследовал советскую государственную политику в отношении «социально чуждых элементов»* и о циклах репрессий, обратил внимание на этапы обострения и спада в преследовании буржуазных специалистов, отдельно оговорил организованную властью борьбу с духовенством за влияние в обществе [121]. В дальнейшем автор развивал тематику тоталитаризма, продолжая углублять и дополнять взятые к разработке проблемы массового террора. С.Куртуа охарактеризовал массовые преступления, террор как средство управления коммунистических режимов, которое должно было поселить в обществе страх перед повторением репрессий и обеспечить системе «надежность и эффективность» [122]. Эволюция советской империи и коммунизм как трагическая иллюзия XX века остаются для С.Куртуа важнейшими историческими явлениями и в других работах, в частности его словаре тоталитаризма, где он указывает на роль В.Ленина в том, что в Советской России террор органически стал одним из способов управления [123, р. 496].

Глубокое исследование темы отличает и работы немецких историков М.Юнге и Р.Биннера, которые, опираясь на документы, рассмотрели ход «кулацкой» операции которую назвали «чудовищной» [124], и рассматривали в последующей работе «центральным элементом» в цепи событий, которые известны как «Большой террор» [125, с. 9]. Х.Куромия (США) предпринял попытку исследовать репрессии не «сверху» как результат решения Сталина, а на региональном уровне. Он рассматривал «операции» 1930-

*«Социально чуждые элементы» - определенные категории населения, которые тоталитарная режим рассматривал в качестве потенциальных противников советской власти

х гг. против «антисоветских элементов»* [126, с.190] и «национальные операции»** как превентивные, нацеленные на потенциальную «пятую колонну» [127, с.141-161]. Х.Куромия принадлежит анализ архивных документов - протоколов карательных органов Украины, по которым он сформулировал типичные мотивировки для ареста и осуждения, фабрикации дел. Подробным анализом методов НКВД, темой насилия как составляющей части внутренней политики занимались также Д.Пристланд [128, с. 4-5], Б.Маклохлин и К.Макдермот [129, с. 1-18], судьбам немецких коммунистов и различным аспектам репрессий в отношении иностранных граждан посвящена антология под редакцией В.Хеделера [130, с. 203].

Политика тоталитарного режима в отношении нерусских национальностей остается одной из ключевых. Немецкий ученый В.Деннигхаус посвятил свою монографию экстерриториальным меньшинствам Запада: немцам, полякам, латышам, литовцам, эстонцам, финнам и грекам. В хронологических рамках 1917-1938 гг. (период трансформации традиционного общества в генезисе сталинизма) проанализированы новые источники, механизмы принятия решений [131, с. 588]. И.Баберовский в своих трудах также использует всю палитру источников, в том числе о чистках среди специалистов среднего звена [132, с. 170], выделяет этапы карательной политики в отношении различных слоев советского общества.

Особое место занимают разработки проблемы трансформации, происходящей с обществом при тоталитаризме. Работа С.Дэвис, написанная по документам НКВД, материалам съездов, письмам и другим источникам, посвящена откликам простых людей на события 1934-1941 гг. В книге приводятся примеры критического отношения к режиму, к социальной и экономической политике, террору, культу личности, а также рассматриваются вопросы репрессирования среди советских статистиков [133, с. 79-80]. Выделим также исследование С.Коэна о Н.Бухарине и его противостоянии позиции Сталина накануне «великого перелома»***. Автор сделал вывод о том, что альтернатива плану

* «Антисоветский элемент» - лицо, враждебно настроенное в отношении советского государственного строя.

** «Национальные операции» НКВД (январь 1937- февраль 1938 годов) - репрессирование граждан СССР и политэмигрантов по национальному признаку. Основание - подозрения в шпионаже и подрывной деятельности с целью ослабить или уничтожить СССР.

*** «Великий перелом» - политика форсированной индустриализации и коллективизации в СССР в конце 1920-х годов. Как обозначение больших перемен закрепилось после статьи И.В.Сталина «Год великого перелома» в газете «Правда» от 7 ноября 1929 года.

«сталинской модели» * индустриализации была, но преодолеть авторитет и силу вождя Н.Бухарину и его единомышленникам не удалось [134, с 19]. Л.Белади и Т.Краус в своей биографии И.Сталина высказали мнение, что поддержку сталинской диктатуры составила «именно подавляющая часть населения, которая ощущала позитивные результаты революции и советского периода развития страны» [135, с.215]. О.Эгге в монографии об убийстве С.Кирова сосредоточил внимание не только на подоплеке дела, но и его роли в развязывании террора: «это убийство заметно усилило параноидальные страхи, давно существовавшие в советском обществе, и обеспечило основу для развития массовой истерии, которая достигла своего апогея во времена Большого террора 1937-1938 гг.» [136].

Вполне понятный интерес проблематика МАССР представляет для украинских ученых. В Украине (так же, как и в Молдове) появлению монографий по тематике советского тоталитаризма предшествовали журнальные и газетные публикации. Первая монография принадлежала Ю.Шаповалу, который, исходя из материалов архива ЦК КП(б)У дал характеристику политике тоталитарной власти СССР, направленной, в частности, на преодоление различных проявлений «национал-уклонизма» и «буржуазного национализма» в национальных республиках, которое в УССР выразилось в репрессировании ведущих специалистов и деятелей науки [137, с. 183-184]. В соавторстве с В.Пристайко и В.Золотаревым Ю.Шаповал рассмотрел деятельность карательных органов УССР особо выделив 1935-1936 годы, когда вслед за убийством С.Кирова, по указанию «сверху» была обнаружена группа «террористов» в Киеве [138, с. 58]. Ученый выделил в числе многих государственных методов тоталитаризма подстегивание шпиономании и доноительства, которые должны были способствовать обеспечению «морально-политического единства советского народа»; на основе архивных источников пришел к выводу, что на начальных этапах террор в своей основе осуществлялся адресно, на основании учета и предварительной разработки [139, с. 151]. Трагической судьбе украинской интеллигенции была посвящена книга Г.Касьянова, в которой особое внимание уделено политике недоверия тоталитарной власти в отношении квалифицированных специалистов и ее последствиям; сделан критический анализ историографии по проблеме [140, с.14]. В совместном исследовании В.Даниленко, Г.Касьянова и С.Кульчицкого была раскрыта сущность сталинской политики автономизации Украины, выявлена искусственность «борьбы» тоталитарной власти с так называемыми проблемами национализма и «национал-уклонизма» в советских

* «Сталинская модель» индустриализации имела в основе стратегию форсированного развития одного приоритетного направления в экономике - тяжелой индустрии (за счет выкачивания средств из других отраслей, в первую очередь, из сельского хозяйства).

республиках, а также переосмыслено отношение власти к образовательной интеллигенции, показана тенденция к расширению массового террора против нее [141, с 6]. С.Белоконь занимался изучением политических репрессий на территории Украины, темой его докторской диссертации стал массовый террор как средство государственного управления в СССР в 1917-1941 годах. В последующих трудах он рассматривал террор как неотъемлемую часть внутренней государственной политики советского тоталитаризма, обозначил большевистский социальный эксперимент по созданию «единого советского народа» как преступление режима и как национальную катастрофу для народа Украины [142, с. 390-391]. В.Никольский опубликовал несколько десятков статей по проблемам советских репрессий, преимущественно основанных на анализе статистического материала. В его работе обобщены и проанализированы количественные показатели арестов и обвинений, их национальная направленность [143]. В своем исследовании Ю.Бабюх пришел к выводу, что образование молдавской автономии на юго-западе Украины подразумевалось, как инструмент создания геополитического плацдарма для прорыва на Балканы, - с расчетом на то, что вскоре для этого могли сложиться благоприятные внешнеполитические условия. Решающую роль здесь играли мотивы революционного и геополитического характера, хотя представители «инициативной группы» во главе с Г.Котовским (группа бессарабских беженцев и румынских политических эмигрантов в составе 11 лиц, которые обратились в ЦК РКП(б) с соответствующей докладной запиской) акцентировали внимание на этнических факторах. [144, с.80]. В статье об образовании МАССР, С.Белоус указал на то, что история МАССР началась с прямой фальсификации данных о ее национальном составе (был завышен процент молдавского населения), и пришел к выводу, что территориальные изменения в Украине (при образовании автономии) без учета этнического состава населения заложили предпосылки современной приднестровской проблемы [145, с. 29-30].

Особое место занимают публикации статей и материалов о коллективизации и голоде 1932-1933 годов, который С.Кульчицкий назвал «тщательно замаскированным преступлением тоталитарной власти [146] и операциях по репрессированию [147, с. 273-277], издаваемые в Украине книги памяти, из которых (по Одесской области, например) можно получить дополнительные сведения о МАССР [148].

Отметим также и научный интерес к МАССР, проявленный В.Репиным (Республика Беларусь) и А.Вороновичем (Венгрия), работы которых отличаются аргументированностью и опираются на документальные источники. В.Репин изучив историографический аспект бессарабского вопроса, пришел к выводу, что «пройдя путь от революционных памфлетов

до унифицированного идеологией знания о молдавской советской государственности, на рубеже столетий она сменила свои подходы и оценки синтернациональных на национальные, что позволило максимально широко отобразить противоречивость и значимость бессарабской проблемы» [149, с. 136]. А.Воронович, в частности, обратил внимание на то, что при создании МАССР изначально присутствовало противостояние «молдовенизма» и «румынизма», которое он расценивает как ключевой конфликт, повлиявший на выбор направления развития республики и на дальнейшую трагическую судьбу политической элиты [150].

На российскую историографию значительное влияние в разрешении проблемы репрессий (по мнению С.Сосновских) оказали труды Р. Конквиста, определившего «большой террор» как период репрессий, проводившихся против всего общества в целом [151]. Мы разделяем эту точку зрения только в той степени, что террор выступил как один из методов воздействия на общество, но считаем, что самый сильный удар пришелся по интеллигенции и крестьянству, поскольку режим воспринимал их как потенциально враждебные социальные слои. Поэтому мы согласимся с мнением М.Степанова, что репрессивная политика тоталитаризма в современной литературе рассматривается как элемент политического действия, «как вспомогательный способ побуждения общества к определенному унифицированному поведению» [152, с. 46,47]. Р.Москвина, например, рассматривает террор (вертикальный и горизонтальный) как «нормальное функционирование сложившегося режима» [153, с. 35]. Важной темой остается и специфический характер устройства СССР, волюнтаризм в перекройке границ, территориальные «подарки» республикам по воле высшего руководства и их последствия [154, с. 286].

Последствия дискриминаций и массовых репрессий для послереволюционного общества обстоятельно рассмотрел С.Красильников, предложивший свою типологию общества переходного типа, в которой старая («буржуазная») интеллигенция постепенно перемещалась в маргинальную группу, а новая советская интеллигенция находилась в состоянии постоянного балансирования на грани между лидерной, базисной и маргинальной группами [155]. Парадоксом советской реальности назвала Е.Зубкова государственную стратегию выталкивания на периферию жизни всех, кто не вписывался в новый порядок жизни [158, с. 103]. Исследование советского интеллектуального слоя, проделанное С.Волковым, показывает сущность государственной кадровой политики, нацеленной на лишение интеллигенции привилегированного статуса в обществе [157]. Интересны выводы Е.Гимпельсона, который считает, что современные исследователи не должны смотреть на социальные процессы в послереволюционном обществе упрощенно,

так как в условиях советской тоталитарной системы гарантий успеха не могли дать ни происхождение, ни партийная карьера, а в большей степени политическая благонадежность и идеологическая выдержанность [158, с. 65]. Автор отметил, что во второй половине 1920-х и в 1930-е гг. произошла «подмена» идеи орабочивания государственного аппарата на идею формирования «советской интеллигенции», что в результате выводило пролетария в «непролетарскую» социальную категорию [159 с. 45]. Одним из весомых исследователей сталинской эпохи, О.Хлевнюком, опубликовано немало интересных научных работ, связанных не только с личностью самого диктатора, для которого пусть самое незначительное признание собственных ошибок было неприемлемо [160]. но и с фактами сопротивления режиму, способностью противостоять ему: «Несмотря на многолетние усилия в воспитании ненависти и полного безразличия к тем, кто попадал в жернова НКВД, в обществе сохранялся заряд сострадания. Перед лицом государственного террора, несмотря на угрозу жестоких наказаний, люди оказывали друг другу помощь...» [160, с. 150]. Е.Борисенко проанализировала взаимоотношения ЦК ВКП(Б) и украинского партийного руководства [162] и государственную политику «украинизации», которую она определила как один из методов большевистского национального строительства, сопровождавшийся жестким административным нажимом и форсированием событий [163]. С.Кропачев, показав состояние и проблемы новейшей российской историографии, считает, что проблема репрессий в отношении советских граждан иностранного происхождения изучена недостаточно. Рассматривая факты, связанные с проведением «национальных операций», он высказал мнение, что в период 1937-1938 годов произошло «изменение общей стратегии советского руководства в национальной политике, так как политика «коренизации» не отвечала новой тенденции к усилению централизации государственной власти...» [164].

Таким образом, анализ историографии показывает, что при всем многообразии исследований в области советского тоталитаризма и истории МАССР, множестве публикаций о судьбе интеллигенции, есть необходимость в обобщающей исследовательской работе о политике тоталитарного режима в отношении интеллигенции.

1.2. Анализ источников

При анализе источников были нами исследованы различные архивные и опубликованные документы и материалы, периодическая печать, источники личного происхождения, которые помогли автору диссертации определить свою позицию касательно политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции МАССР.

Исходя из задач исследования, автор выделил следующие группы источников: архивные документы; опубликованные документы и материалы; статистические данные; периодическая печать; воспоминания современников событий,

По официальным данным, опубликованным на сайте Государственного архива Одесской области, в период с октября 1941 по апрель 1944 гг. были утрачены **все** документы Балтского филиала за советский период (больше половины оставшихся дел были приведены в состояние россыпи, повреждены листы, обложки, фонды перемешаны). Были уничтожены 57 фондов (53680 единиц хранения) районного архива УНКВД [165].

По сведениям от Государственной службы управления документацией и архивами ПМР, большая часть документов, хранившихся в г. Тирасполе, погибла, а уцелевшие были переданы в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства МССР*.

I. Архивные документы. Информационную основу диссертации составили, материалы, выявленные автором в Архиве общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ), архиве Ассоциации жертв политических репрессий г. Тирасполя. Выявленные в ходе работы над диссертацией архивные документы имеют свою специфику. Их систематизация связана с фондообразователями - государственными органами власти и общественными организациями, что позволяет провести классификацию данных источников по группам.

Источники, хранящиеся в АОПОРМ, отражают функционирование государственных органов власти и общественных организаций на разных уровнях ведомственной вертикали. Выявленные в ходе работы над диссертацией архивные документы имеют свою специфику, что позволяет провести классификацию данных источников по группам:

а) Директивы ЦК КП(б)У с грифом «совершенно секретно» и «лично» (в некоторых случаях - «только лично»). Привлечение их к теме исследования было важно с точки зрения анализа политики тоталитарного режима, ее приоритетных направлений, изучения взаимодействия партийной бюрократии, соблюдения строгой иерархии в цепи управления.

б) Документы Молдобкома КП(б)У: материалы партийных конференций, отчетно-информационные документы и переписка. Исследовательский интерес имеют, прежде всего, документы ограниченного доступа (резолуции, директивы, циркуляры, информационные письма, политические донесения, докладные записки, выписки из протоколов заседаний

* В 1958 г. - Центральный Государственный архив МССР, с 1992 г - Национальный архив Республики Молдова.

партийных организаций и коллегий). Анализ документов организационно-распорядительного характера, учетно-статистической, докладной и протокольной документации дал возможность объективно осветить кадровые проблемы МАССР и позволил автору сформулировать собственные выводы по проблемам источников формирования интеллигенции в МАССР, противоречивости политики власти в отношении специалистов.

в) Судебно-следственные материалы. В ходе работы с архивом Ассоциации жертв политических репрессий г. Тирасполя автор получил возможность ознакомиться и использовать в работе реабилитационные материалы, в том числе и по «болгарскому» делу в с. Парканы. Заключение, данное КГБ МССР содержит помимо свидетельств, избежавших расстрела свидетелей, показания следователя Маглеванного [166, л. 1-8]. Подобные материалы позволяют делать выводы об организованном характере карательных акций, методах следствия и масштабах репрессий [167, л. 1].

II. Опубликованные документы. В исследовании использованы опубликованные документы и материалы, которые можно классифицировать по следующим группам:

а) Нормативно-законодательные акты Советской власти, опубликованные в печати: постановления, декреты и распоряжения законодательных и исполнительных органов. Были изучены те нормативные акты, на основе которых должны были основываться принципы национальной политики в многонациональном советском государстве и в МАССР: «Декларация прав народов России» [168]; Конституции СССР 1924 и 1936 гг. [169, 170]; Конституции МАССР 1925 [171] и 1938 гг. [172]. На основе этих конституционных актов и других практических шагов тоталитарной власти, автором показано, как создавалась иллюзия гарантированности прав республик с одновременным реальным ограничением их действий общесоюзными институтами.

б) Документы ВКП(б)*, произведения лидеров партии 1917-1957 гг. Как партия власти, ВКП(б) принимала решения, которые становились основой деятельности государства и всех массовых организаций. Партийные документы определяли направления и методы осуществления внутренней политики, в которых не скрывался и классовый подход, и непримиримость к инакомыслию [173]. Речи, доклады, статьи лидеров партии В.Ленина [174] и И.Сталина [175] на различных исторических этапах становились программными, ставили цели, аргументировано определяли причины неудач. Для партийных организаций на местах они были указаниями к действию, а потому выполнялись практически

* До 1925 года - РКП(б) (Российская коммунистическая партия (большевиков)).

беспрекословно (в порядке партийной дисциплины). Использование этих источников позволило автору сделать выводы о сущности политики тоталитарной власти в отношении интеллигенции.

в) Сборники официальных документов и воспоминаний участников борьбы за Советскую власть и социалистического строительства в МАССР [32]. С 1920-1930-х годов царил и насаждался особый подход к документам советской эпохи, указывавший на их «народное происхождение», исключавшее даже возможность критического анализа [176, с. 194]. Среди сборников материалов, на наш взгляд, наибольшей ценностью обладает сборник документов и материалов «Начало большого пути» (1967 г.). В нем были опубликованы постановления и решения высших органов власти (документы подбирались с учетом идеологической выдержанности), связанные с образованием МАССР, резолюции митингов в поддержку создания автономной республики, которые прошли в Левобережье [177, с. 35-43].

д) Сборники документов и материалов конца 1980-2000-х гг. содержат законы, декреты, постановления, распоряжения, приказы партийно-государственных органов и репрессивно-карательных органов власти. Используя эти источники, автор формулировал выводы о мотивах и методах борьбы советской власти с политическими противниками. Эта группа источников может быть подразделена на три подгруппы:

1) Сборники документов по реабилитации. В 1990-2000-е гг. в научный оборот был введен большой объем архивных источников, отражающих становление и развитие карательной системы тоталитарного режима, масштабы репрессий [49, 50]. Одним из важнейших собраний источников стал сборник, вышедший в Молдове, «Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească», в основе которого материалы Архива общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОМ). Эти источники позволили автору сформулировать репрессивную сущность политики по отношению к интеллигенции в разные периоды становления Советской власти, в ходе национально-государственного строительства МАССР, при осуществлении национально-культурной политики.

2) Собрания документов и материалов Интернет-проекта «Архив Александра Н.Яковлева», представляют собой обширную базу данных документов и материалов тоталитарного периода советской истории (личные письма и оперативные донесения, сведения о «национальных операциях», указания по работе органов НКВД на местах, сводки и статистика репрессий). Интернет-проект практически дал доступ исследователям к документам и материалам Центрального Государственного архива Федеральной службы

безопасности, Архива Президента РФ, Центрального Государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ, Центрального архива Федеральной службы контрразведки РФ. В характеристике политики тоталитаризма автор опирался на докладные записки о настроениях интеллигенции [178], подтвердил свои выводы о потребительском отношении к интеллигенции как к временному попутчику власти [179], о бесчинствах органов власти в МАССР [180], по приказу № 00447 [181, 182, 183].

3) Документы специальных засекреченных фондов. Часть материалов по интересующему нас периоду хранилась в специальных засекреченных фондах КГБ, Прокуратуры, Министерства иностранных дел, ЦК КПМ и других. Этот массив источников стал доступен в 2010 году благодаря специальному решению исполняющего обязанности Президента М.Гимпу в Республике Молдова о создании Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова. Одной из задач, поставленных перед членами Комиссии, было исследование открытых к доступу материалов, составление и публикация сборника документов. В первом томе сборника, вышедшего в 2010 году, опубликованы протоколы заседаний «особых троек» НКВД МАССР, ставшие новыми доказательствами преступлений тоталитарного режима в МАССР в период «большого террора». В контексте изучаемой проблемы находятся протоколы, связанные с судьбами представителей интеллектуального слоя, например, протокол № 28 заседания Особой тройки НКВД МАССР от 25 октября 1937 г., на котором были рассмотрены следственные дела Андроникова А.П. (осужден как социально чуждый элемент и друг Г.И.Старого) [88, с. 467]; Вакарчука С.И. (на руководящей советской работе помогал кулакам скрывать социальное положение, был связан с Е.П.Вороновичем и т.п.) [88, с.469]; протокол № 32 от 27 ноября 1937 г. по следственным делам Долгополова А.Ф. (преподаватель экономической географии, выражал сочувствие репрессированным, занимался контрреволюционной деятельностью); Лебедева В.В. (бывший член Городской думы, проводил агитацию среди интеллигенции в антисоветском духе) [88, с.560]; Вышинского Д.С. (преподаватель, обвинялся в распространении среди студентов националистических настроений, восхвалении капиталистического искусства) [88, с. 560]; Андроника Ф.Д. (бывший царский чиновник в г. Кишиневе, после переезда в СССР в 1918 поддерживал связи с Румынией, распространял провокационные слухи) [88, с. 561] и многие другие. Как обширный материал для исследования, эти документы открыли для автора возможность путем анализа определить мотивацию, направленность репрессий и на примере судебных не только известных деятелей государства, науки и культуры, но и рядовых граждан.

Сборник документов и материалов «Через трупы врага на благо народа» в двух томах, в своей документальной основе имеет, преимущественно, документы из фондов Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины. Это наиболее полное собрание статистических документов и материалов карательных органов, освещающих проведение операций по оперативным приказам НКВД в Украинской ССР. Сборник содержит важнейшие данные по МАССР, которые позволили автору составить сводную таблицу и высказать свое мнение о масштабах репрессий в автономной республике. Используя как источники директивы Политбюро [184, с.118-119] и центрального аппарата НКВД в адрес НКВД УССР и МАССР об арестах [185, с. 426], отчеты и протоколы совещаний работников НКВД МАССР по результатам их «работы» [185, с. 429], автор дал оценку характеру и методам развертывания Большого террора в МАССР.

III. Статистика МАССР и СССР предоставила автору возможность сделать выводы о национальном составе, об уровне общей культуры, а также о поспешности многих решений в области национальной политики, которые не могли быть выполнены (например, о молдаванизации управленческого аппарата к 1 января 1927 г.) [8]. Мы пришли к выводу, что статистические данные 1924-1940 гг. должны оцениваться критически. Например, статистические данные Всесоюзной переписи 1937 года [186, с. 47], даже в отношении численности населения сильно расходятся с переписью 1926 г. [187, с. 43], а по данным подправленной по указанию И.Сталина Всесоюзной переписи 1939 г., сильно завышены [67, р. 54]. Качество и результаты статистических данных во многом зависят от типа государственной системы, ее запросов. В случае СССР статистика обслуживала тоталитарный режим, подгоняя исходные цифры под желаемые, чтобы в одном случае подчеркнуть прогрессивность и успешность политики партии, а в другом – скрыть последствия массовых репрессий.

IV. Периодическая печать 1920-2000-х гг. Автор выделяет в этой группе источников три подгруппы:

1) Периодическая печать 1924-1985 гг. В МАССР (позже в МССР), как и во всем Советском Союзе, сложилась особая иерархия периодической печати, в которой главенствовала партийная пресса - «Плугарул Рош» (с 1930 г. - «Молдова Социалистэ»), «Красний Орач» (с 1930 г. - «Соціалістична Молдавія»), а на втором и третьем месте находились органы печати советских и общественных организаций. Молдавские авторы публиковались и в союзной, и в местной республиканской прессе, и в журнале «Красная Бессарабия», издававшемся в Москве Обществом бессарабцев.

Периоду 1924 - начала 1930-х гг. отличала относительная свобода выражения авторами идей, оценок, а основным жанром стали статьи информационного или проблемного характера. Такие исторические источники требуют критического подхода, поскольку чаще всего они не только субъективны, но и трактуют многие явления и проблемы с позиций «марксистско-ленинского» освещения вопроса. С середины 1930-х до начала 1950-х гг. оценки становятся сдержаннее, круг тем сужается, буквально нарастает однообразие и единомыслие. Преобладают статьи-информации и письма благодарности «т. Сталину» за то, как «решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР вдохновляют нас на еще больший труд по коммунистическому воспитанию детей» (так писали учителя Слободзейского района в 1936 г.) [1858, с. 14].

2) Периодическая печать периода «перестройки и гласности» в СССР отличает разноплановость жанров: очерки, статьи, заметки-корреспонденции, интервью с репрессированными. Историки и публицисты получили возможность оперативно размещать в газетах и журналах материал, по-настоящему востребованный обществом, заполняя «белые пятна» в истории, как в отношении отдельных личностей, так и целых народов [189, 190, 191, 192, 193]. В публицистике МССР было все - от научных аргументов до индивидуальных наблюдений и эмоций, поскольку личная жажда правды смыкалась с общественным интересом и требованием этой правды. Возможность использовать в качестве источников документы и материалы, опубликованные в этот период впервые за всю долгую историю СССР, крайне важна. Время полемики, страстного желания донести правду без ретуширования и цензуры, придали этим публикациям особый вес и значение.

3) научные журналы второй половины 1980 - конца 1990-х гг. также переживали подъем интереса не только профессионального читателя, но и вообще читателя. Они становились трибунами для дискуссий и призывали за «круглые столы» [194, с.42], приглашали к совместному созданию «правдивой истории», которую ждало общество. Судьба интеллигенции и жесткая политика власти по отношению к ней, нашли свое место в ряду обозначившихся исследовательских проблем, которые не могли рассматриваться в советский период в силу идеологических и политических причин. Появились и публикации, в которых, с опорой на архивные материалы, были охарактеризованы проблемы интеграции «социально чуждых» элементов в постреволюционное общество [195,196,197]. В Молдове в контексте МАССР проблема тоталитаризма освещалась по темам, связанным с формированием новой советской интеллигенции, кадровой политикой режима по вопросу выдвижения рабочих и крестьян на работу в сферу интеллектуального труда, национально-культурной политикой (введение латинской графики, состояние прессы). В частности,

выделим работы Е.Негру [84], О.Галущенко [103, 104] в которых детально, с использованием архивных материалов изучена проблема реализации в МАССР идей по созданию нового молдавского языка и показана политическая подоплека этого начинания. В контексте исследования это способствовало аргументации собственной позиции автора в отношении национально-культурной политики тоталитарного режима, а также последствий провалов в ней для интеллигенции МАССР.

В 2010 году открывшиеся специальные засекреченные фонды МССР (КГБ, Прокуратуры, Министерства внутренних дел, ЦК КПМ и других). Этот массив источников должен способствовать тому, чтобы основой каждой научной публикации становился документ, реальный факт, а не идеологическая догматика.

V. Воспоминания современников событий. Эта группа источников представляет собой особое явление, поскольку они с одной стороны должны заполнить некие провалы в истории (ведь многие документы, свидетельства уничтожены), с другой, выполняя эту миссию, воспоминания несвободны от идеологических оценок, отношения к времени, конкретным историческим личностям. Автор, исходя из специфичности источников, выделил следующие подгруппы

а) Источники личного происхождения: воспоминания членов семей репрессированных, публикуемые впервые. Основной массив этих источников был предоставлен автору в фондах Тираспольского городского объединенного музея. Отличительная особенность этих документов в том, что они обладают свойственной этому виду источников субъективностью и несут на себе отпечаток личности каждого из авторов, а также времени написания, что придало им особое значение.

1) Воспоминания 1970 – начала 1980-х годов. Мемуары Е. Алмазовой, вдовы Г.Старого, отличаются сдержанностью оценок, написаны эзоповым языком, их главная цель – подчеркнуть значимость государственных деятелей, несправедливо осужденных в период массовых репрессий. Автор обрывает свои воспоминания 1919 г. (по неизвестной причине), не затрагивая темы репрессий, не упомянув о собственном аресте и трудной судьбе. Это еще одна особенность воспоминаний того времени - нежелание пережить снова те времена даже в воспоминаниях. Зато с горечью сказано о логике и законах революций, для которых физически уничтоженный враг все равно остается опасен [198, л. 77]. В письме писателя Ф.Абрамова вдове М.Альхимовича, в ответ на высланную ему переписку с мужем, слова потрясения: «...нельзя читать спокойно. Еще и еще раз встает перед глазами эпоха во всем ее бытовом, повседневном кошмаре...» [199, л. 1]. Подобные источники помогли автору

представить масштаб человеческих и личностных потерь, которые понесла МАССР в период развертывания массового террора.

2) Воспоминания конца 1980 - начала 2000-х гг. были написаны в период, когда можно было открыто (без цензуры) поделиться пережитым. Воспоминания М.Цуркан отличаются от других оптимистическим настроем в духе энтузиазма 1930-х гг. и это тоже характеристика времени: молодая выдвиженка активно участвовала во всех начинаниях, имея начальное образование, поступила в Совпартшколу, а потом в 1932 г. в Комвуз и для нее «несмотря на голодовку... жизнь была веселая энергичная и трудолюбивая» и «учиться надо было по-большевистскому»* [200, л. 1]. Однако в большинстве воспоминаний подобного позитивного настроения уже не было.

Для этих источников характерна острота формулировок и эмоциональность оценок описываемых событий. Однако, поскольку для большинства авторов речь идет о значимых событиях жизни и последних моментах общения с близкими людьми, они несут в себе важные детали, почти фотографически воспроизводят моменты ареста, поведение и отношения людей в сложной обстановке нагнетаемого страха; рассказывают о попытках помочь и поддержать родных в тюрьме и в заключении. В некоторых воспоминаниях присутствуют самые разные образцы поведения людей в период повальных арестов, но чаще есть слова о том, что быть членом семьи врага народа было «тяжело морально», «считали раз забрали, значит виновен» [201, л. 1]. Описания тягостной атмосферы жизни в неизвестности, в ожидании ареста и необходимости выживать в положении члена семьи врага народа [202, 203], позволили представить и охарактеризовать внутреннее состояние обреченности и безнадежности в обществе.

б) Опубликованные мемуары. В качестве источников помимо неопубликованных материалов, привлекались мемуары и публицистика, которые также способствовали объективному освещению политических условий формирования, жизни и деятельности интеллигенции СССР и МАССР.

Воспоминания Г.Ильчикес, вдовы Г.Ильчикеса, были опубликованы в 1989 г. В них еще одно свидетельство того, как женщина пыталась поддерживать мужа и во время следствия, но недолго – вскоре ее осудили на 8 лет за недонесение на мужа [204, с. 12].

Мемуары В.Смелых стали резонансом на ряд очерков в журнале «Политика», как потребность поделиться всем, что памятно о людях, которых когда-то знала лично. В них

* Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация авторов.

интересны не только воспоминания о личностях, но и свидетельство о времени, когда жена боялась рассказать мужу военному о внезапных вызовах на допросы в НКВД, на которых требовались признания в связях с врагами народа - однокурсниками по Балтскому педтехникуму, другом отца Г.Старым, преподавателями Тираспольского пединститута. В.Смелых вспоминает, что даже в нараставшей атмосфере подозрительности, арестов, все равно «почему-то думалось, что Сталин всего этого не знает» одновременно. Это еще один важный нюанс, который характеризует восприятие обществом репрессий как преступления, связанные не с вождем, а с карательными органами [62, с. 92].

Для М.Жабокрицкого (руководителя 5-го отдела НКВД МАССР) воспоминания об обстановке в республике в 1937-1938 гг. - это анализ событий, последних встреч, попытка переосмыслить прошлое, определить свое место в нем. В этих мемуарах человека, знавшего НКВД изнутри, присутствуют описания поведения людей в момент ареста, на допросе. Интересно и личное мнение чекиста об обстановке в стране в 1937-1938 гг., которые он оценил, как «исторический парадокс» одновременного смещения в обществе настроения подъема и ожидания чего-то вроде «новой инквизиции» [61, с. 87].

Таким образом, архивные документы, научные работы, источники личного происхождения, мемуары, публицистика стали своеобразной, многогранной источниковой базой для диссертационного исследования.

1.3. Выводы по главе I

1. В процессе исследования нами выделены как исторически определившиеся, три этапа в отечественной историографии проблемы, что позволило нам сформулировать следующий вывод: первый этап (1924-1956 гг.) мы охарактеризовали как время обозначения исследовательских задач, накопления источников, их систематизации; второй этап (1956-1987 гг.) мог стать прорывом в исторической науке МССР, так как время оттепели (в начале), появилась возможность обратиться к темам сталинского произвола, вернуть из небытия имена и факты. Однако вплоть до середины 1980-х гг. советская молдавская историография была вынуждена обходить «опасные» участки истории под идеологическим давлением партийного руководства, для публикаций характерна описательность и фрагментарность в освещении событий. С 1987 г. начался постсоветский этап, который открыл широкие возможности для исследований (в том числе и по истории МАССР), когда произошла так называемая «архивная» революция на территории всего бывшего СССР. Проблемы, касавшиеся истории МАССР, представляли для историков безусловный и очевидный исследовательский интерес, а проблема политических репрессий

приобрела особую актуальность. С течением времени начали появляться труды, посвященные тоталитаризму как научному понятию и как историческому феномену, в них исторический опыт МАССР использован в качестве фактического материала. Однако проблема политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции затрагивалась только в той степени, которую позволял контекст каждой работы.

2. Нами были изучены труды историков Левобережья Днестра, которые занимаясь проблематикой МАССР, высказывали собственную концепцию образования МАССР, отмечали трудности национально-государственного строительства; выделяли проблему нехватки квалифицированных кадров; публиковали материалы о репрессиях. Мы считаем, что приднестровских историков отличает стремление к объективному освещению процессов, происходивших в МАССР, и потому их труды являются для нас еще одной рабочей основой для исследования.

3. В западной научной литературе тема тоталитаризма была поднята практически с момента возникновения политических режимов этого типа. Формулирование подходов к предпосылкам возникновения и этапам утверждения у власти тоталитарных режимов, выявление их специфических черт, использование ими террора как метода воздействия на общество, стали основными темами для западных ученых. В диссертации мы намерены также использовать результаты исследований, обращенных к теме взаимоотношений власти и «буржуазной» интеллигенции, представивших анализ социальной структуры советского общества, давшие оценку «новой» советской интеллигенции, разрабатывавшие тематику Большого террора в СССР, его социальной и национальной направленности.

4. На постсоветском пространстве проблематика репрессивной политики тоталитаризма изучалась в Украине (в контексте искусственности фальсификации данных при образовании МАССР; борьбы с проблемами «национализма» и «национал-уклонизма» в советских республиках; массового террора как средства государственного управления; отношение власти к интеллигенции); Российской Федерации (в отношении типологии общества переходного типа, при котором «буржуазная» интеллигенция переместилась в маргинальную группу, а «новая» интеллигенция оставалась на грани балансирования; «горизонтального» и «вертикального» террора; сущности большевистского национального строительства и государственной политики «украинизации»; политике «коренизации», не способствовавшей централизации государственной власти).

5. Проблема источников для исследователей истории МАССР долгое время оставалась главной. Многие из наследия автономной республики было утрачено в годы Второй Мировой войны, многое было закрыто в специальных фондах. Политические

перемены в СССР, огромный общественный интерес к истории в конца 1980-х - начала 1990-х гг. стимулировали поиск и сбор источников личного происхождения (мемуары, реабилитационные документы и т.п.), публикации ранее недоступных документов в периодической печати. В научный оборот были вовлечены неизвестные и недоступные ранее источники и, тем самым, была расширена источниковая основа по проблеме. Это дало возможность историкам с опорой на конкретные документы продолжить заполнение «белых пятен» в истории МАССР.

6. Репрессивная политика тоталитарного режима СССР в отношении интеллигенции МАССР была и остается одной из самых актуальных тем. Несмотря на то, что большинство современных научных трудов касается в какой-то части и судьбы интеллигенции, все же очевидно, что нужна работа, посвященная исключительно ее роли и судьбе в истории МАССР.

7. Возможность изучать ранее засекреченные документы и материалы, безусловно, даст в результате немало новых научных разработок и позволит увидеть более полную и объективную картину социально-политической жизни, оценить масштаб необратимых потерь, понесенных интеллигенцией за все годы существования автономной республики.

Сказанным выше обусловлена цель работы - предложить комплексное исследование политических условий формирования, жизни и деятельности интеллигенции МАССР. Для достижения цели научного изыскания необходимо следовать следующим направлениям научного поиска по проблеме:

- a) сформулировать основные направления государственной политики тоталитаризма в отношении многонациональной интеллигенции СССР;
- b) рассмотреть значение образования МАССР в процессе национально-государственного строительства СССР;
- c) раскрыть особенности кадровой политики в МАССР, роль старой («буржуазной») интеллигенции в строительстве республики, практику выдвигенчества, усилия по формированию новой молдавской советской интеллигенции;
- d) определить идеологические мотивы и обоснования репрессивной политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции МАССР;
- e) Выявить и проанализировать фактические данные о репрессивных акциях тоталитаризма в МАССР, показать масштаб и необратимые потери для интеллигенции автономии.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МАССР

2.1. Укрепление тоталитарного режима в СССР. Роль и место интеллигенции МАССР в национально-государственном строительстве

В характеристике политических условий формирования интеллигенции МАССР важно учесть то обстоятельство, что образование МАССР в составе Украинской ССР - это политический проект, который осуществлялся в тоталитарном государстве. Выделение специфических черт тоталитаризма позволило наиболее полно и объективно охарактеризовать политическую обстановку, в которой старой «буржуазной» интеллигенции, «выдвиженцам» и новой «советской» интеллигенции приходилось жить и работать. В ряду специфических черт тоталитаризма в СССР, мы обратили особое внимание: на установление монополии партии во всех сферах жизни; на продвижение власти от «тоталитарных намерений» к обустройству тоталитарной действительности через целенаправленное социальное реконструирование постреволюционного общества в новую историческую общность - советский народ; на имперскую сущность режима и его взаимоотношения с интеллигенцией; на ту роль, которая отводилась МАССР в национально-государственном строительстве СССР.

В СССР процесс становления тоталитарного режима имеет свой путь, свой временной отрезок, свои специфические особенности. Приходится признать, что, несмотря на внешние и внутренние системные кризисы, готовность масс оказывать поддержку или сопротивляться власти, советский тоталитаризм оказался самым «живучим» из всех остальных «образцовых» тоталитарных режимов. По мнению автора, это связано со способностью тоталитарного режима видоизменяться, приспосабливаясь к меняющимся условиям внутренней и внешней обстановки, усиливать или ослаблять давление на общество.

Используя в своих программных документах оптимально востребованные революционизированными массами радикально-демократические лозунги о мире и земле, большевистская партия выделилась из общего ряда политических сил, поскольку предлагала не долгосрочное, а немедленное разрешение ключевых для общества проблем. Эти призывы обеспечили наиболее широкую социальную опору в продвижении к власти, сыграв на чувстве социальной ненависти, нетерпении, жажде уравнительной справедливости, ощущая усталость общества от пустых и нереализованных обещаний либералов. Е.Алмазова вспоминала, что совсем молоденькой девушкой бегала по Тирасполю в марте-апреле 1917 г. и агитировала за большевиков (хотя как призналась сама, ничего о них толком не знала): «Программы партии мы не знали, как и большинство так называемых «мартовских»

революционеров того времени, которые шли за лозунгами различных партий, совершенно не зная не только программ других партий, но и программы своей... Мне нравились лозунги большевиков, и я стихийно стала большевистским агитатором» * [198, л. 53]. Либеральные силы оказались недостаточно организованы, уже не имели необходимого влияния и поддержки, не могли найти своего места в постоянно менявшейся расстановке сил. Их нерешительность во многом способствовала расколу во властной среде. «Люди с тоталитарными склонностями есть в любом обществе. Но для того, чтобы они переместились с периферии в центр власти, необходимы особые исторические обстоятельства, как в России 1917 г. и в Германии 1933 г. Эти обстоятельства можно охарактеризовать как беспрецедентный развал демократической государственности» [117, с. 103]. Надо заметить, что еще в 1929 г. В.Гуриан сделал вывод о том, что успех тоталитарных режимов кроется в моральном бессилии либеральной демократии, не способной дать массам твердых ориентиров [205, с. 25]. В некоторой степени, мы разделяем эту точку зрения, но отметим, что Россия в октябре 1917 г. находилась в начале становления демократической государственности, поэтому РСДРП, радикальной, малоизвестной и малочисленной партии (в феврале 1917 г. - 24 тысячи человек и 2 тысячи в Петрограде) [206, с. 14], удалось узурпировать власть.

Большевики маневрировали, использовали промахи политических противников, чтобы укрепить свои позиции. 6 января 1918 г. революционные матросы разогнали Учредительное собрание, воспринимавшееся в постреволюционном обществе как возможный гарант гражданского мира [207, с. 14]. Был устранен признанный гражданами представительный орган. Вообще, стремление разрешать сложные задачи быстро и жестко, стало важной отличительной чертой левого тоталитаризма.

Монополия на осуществление государственной власти могла быть достигнута только при отсутствии легальной оппозиции. Без колебаний большевистское руководство, отвечало на критику вытеснением оппонентов из политической жизни, закрывая газеты, разгоняя Советы с небольшевистским перевесом и т.д. «Советская власть снова придушила несколько газет, враждебных ей, - писал М.Горький 14 мая 1918 г. - Бесплезно говорить, что такой прием борьбы с врагами - нечестен, бесполезно напоминать, что при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым, бесполезно, ибо

* «Мартовскими» революционерами в 1917 г. называли людей, которые в массе примыкали к партии эсеров, имея слабое представление и о самой партии, и об ее идеологии. Е.Алмазова, в свою очередь, также знала большевиков только по популистским лозунгам. Как известно, активную деятельность в Тирасполе большевистская партия развернула только в сентябре 1917 г.

понятия о честности и нечестности, очевидно, вне компетенции и вне интересов власти, безумно уверенной, что она может создать новую государственность на основе старой - произволе и насилии...» [208]. Декретом от 14 июня 1918 г. из всех Советов были исключены меньшевики и эсеры. После событий 6 июля (мятеж в Москве) из Советов было исключено большинство левых эсеров. Параллельно с конца июля 1918 г. в ответ на убийство комиссара В.Володарского был объявлен «красный террор», который не остановила даже победа в гражданской войне, потому что нужно было удерживать власть любой ценой.

РСДРП разрасталась за счет вхождения в ее ряды малообразованных, но убежденных в правоте идеи людей. На момент выхода партии из подполья 60 % в ней составляли рабочие и только 26 % служащие, так что она по праву называла себя пролетарской [206]. Для рабочих и крестьян весомой была не столько теория Маркса, сколько желание добиться иной, справедливой жизни для всех. Именно массовое архаичное сознание люмпенов или маргиналов всегда становится благодатной почвой для тоталитарных идей: «...мифологическое сознание подвержено влиянию эмоций, тяготеет к упрощенному и одновременно целостному восприятию мира, оперируя при этом не столько абстрактными обобщениями, сколько наглядными чувственными ассоциациями. Именно поэтому оно легко воспринимает идеологические конструкции, базирующиеся на представлении о всеобщей борьбе Добра и Зла», пишет Л.Сосковец [209, с. 157]. На VIII съезде 1919 г. в программе РКП(б) прямо сказано, что рост партии прогрессивен благодаря притоку «здоровых пролетарских элементов города и деревни» и будет вестись точный учет ее социального состава: «Расширение численного состава партийных организаций ни в коем случае не должно покупаться ценой качественного состава их. К приему в партию нерабочих и некрестьянских элементов следует относиться с большим разбором» [173, Т. 2, с. 71]. В дальнейшем система всегда поддерживала «выдвиженцев» - представителей прежде «угнетенных классов», которым недостаток самых общих знаний и элементарной грамотности не мешал принимать решения на ответственных постах. На них тоталитарная власть всегда могла положиться, но добиться общественно-полезного результата с их помощью удавалось не всегда. Режим нашел выход - необходимо использовать старых специалистов, которые «подтянут» выдвиженцев до приемлемого уровня. Чаще всего, буржуазные «спецы» просто выполняли работу за своих подопечных.

Движущей силой в создании нового государства должна была стать партия как духовный поводырь и партийный лидер как символ и образец. Из гражданской войны партия большевиков вышла не просто единственной организованной силой, но силой

организующей. Партия для каждого ее члена была безусловным гарантом будущего («партия - единственное, что мне не изменит»). Постепенно был создан образ вождя - простого, доступного, скромного в быту, любящего детей, который был очень близок каждому. В. Ленин был эрудит, полемист и убежденный революционер. Его политическое наследие задавало определенные векторы и после смерти, и это позволило специалистам сделать вывод о том, что хотя в 1917-1929 гг. государственная власть практически воплощала тоталитарные намерения «по целеполаганию и размаху», но этот исторический отрезок назвать тоталитарным еще нельзя. В политических решениях Ленина проявились жесткость, жестокость и гибкость, но еще и способность «подлаживаться... менять тактику и даже стратегию...» [210, с. 12]. Специалисты традиционно обращаются к периоду нэпа, нетоталитарному по своей сути, отличавшемуся относительной терпимостью и многообразием культурной жизни. В это время, когда в стране фактически утвердилась однопартийная система, еще была возможна фракционная борьба внутри единственной партии. Продолжая движение к тоталитаризму, политическая система сохраняла возможность избрать менее радикальный способ управления государством. Еще были возможны внутривнутрипартийные дискуссии, конкурентность идей и личностей, претендовавших на первенство. Интеллигенция имела возможность высказываться по поводу строительства новой жизни: например, в 1924 г., в Ленинграде, на съезде инженеров, в одном из выступлений прозвучало, что коммунисты как материалисты стремятся дать людям предметы первой необходимости, интеллигенты же говорят, «что в первую очередь нужны права человека^{*}» [190, с.8]. Иначе говоря, многие обстоятельства и факты указывали на то, что существовала реальная возможность иной, нетоталитарной модернизации постреволюционного государства.

Политические решения, приведшие к повороту в 1928 – 1929 гг. были связаны с последним проявлением фракционной борьбы внутри партии. Дискуссии касались всех сторон общественной жизни, но основной детерминантой была экономика. Конец всему положило «шахтинское дело», которое решило сразу две задачи: во-первых, дискредитировало основных представителей оппозиции (Бухарина как сторонника гражданского мира и сотрудничества; Рыкова - руководителя госаппарата, состоявшее из беспартийных; Томского как главу профсоюза, отвечавшего за работу спецов), а во-вторых, был дан повод для выдвижения сталинского тезиса о классовых врагах.

* Н.Гульбинский, привел в своей статье выдержку из программы технической интеллигенции, озвученной на съезде инженеров одним из выступавших.

Поражение Н.И.Бухарина имело фатальные политические и социальные последствия. Сталинская политика нацеливала на поиск врагов, усиливала массовый психоз подозрительности. Попытки выступить против неограниченной диктатуры в 1930-1932 гг. были уже очевидно слабыми, средства, которые использовали оппоненты Сталина по сравнению с властью генсека - малоэффективными. Конечно, нельзя не отдать должного мужеству этого небольшого количества людей. «У этого сопротивления была своя моральная ценность и историческое значение с точки зрения будущего. Однако практически оно уже не могло ничего изменить» [135, с.172]. Одним из примеров стала антисталинская платформа «Союза марксистов-ленинцев» М.Рютина. В их обращении говорилось: «... на всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы... Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства... Печать, могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс. Ложью и клеветой, расстрелами... всеми средствами они будут защищать свое господство в партии и стране...» [211, с. 106]. Специалисты считают, что дело М.Рютина стало поворотной точкой в политическом развитии: на требование Сталина о расстреле политического противника большинство членов Политбюро ответило отказом. И.Сталину дали понять, что ему не удалось еще подчинить себе партию, и, видимо, именно тогда он «принял твердое решение избавиться от всех ограничений, которыми связывали ему руки тогдашняя большевистская партия, ее руководящие кадры и политические традиции» [134, с. 411].

К концу 1930-х гг. человек идеи уже уходил в прошлое, уступая место слуге идеи, партийно-государственная элита сменялась на ту, что готова была играть по сталинским правилам (борьба за власть стала содержанием борьбы) [212, с. 13]. «...Сам механизм концентрации партийно-государственной власти в руках одного человека... открывал перед ним исключительные возможности давления на партийную среду в интересах продолжения «дела Октября», но уже в другой форме - не партийной демократии, предусматривавшей коллективное принятие политических решений с правом апелляции несогласных к партийной массе, а в форме тирании, предусматривавшей безусловное и безоговорочное исполнение...» [213]. Уничтожение внутрипартийной оппозиции стало следующим шагом И.Сталина к единоличной власти.

К концу 1920 - началу 1930-х годов, на первом этапе своей личной борьбы за власть, Сталин устранил саму возможность притязаний на первенство в партии. Вторым этапом сталинской революции «сверху» стала кровавая чистка 1936 -1939 гг., когда вождь

фактически заменил часть партии, неудобной ему. Как отметил О.Хлевнюк, большинство теперь составляла молодежь: «...произошло полное перераспределение власти из рук старой гвардии в руки партийной молодежи, выдвинутой непосредственно Сталиным... Партийная молодежь делала в условиях массовых репрессий головокружительную карьеру, и это еще больше укрепляло ее преданность вождю, поддержку репрессий против старой гвардии» [160, с. 233]. Организовав подобную «преемственность», Сталин сделался самодержцем, и перенес партийный принцип подчинения большинства меньшинству на волю вождя. Произошло практическое исключение возможности смены политического руководства и любой формы оппозиции вождю. Теперь лидер партии был практически несменяем – он находился на вершине иерархии, и сместить его оттуда могла только смерть (естественная или криминальная).

Отличительной чертой тоталитаризма в СССР конца 1920 вплоть до начала 1950-х гг. являлось и то, что съезды, Центральный Комитет, а затем и Политбюро после 1939 г. собирались крайне редко. Диктат партийной номенклатуры распространился на все сферы жизни. Нормой стало использование силовых приемов и методов руководства. Низовым парторганизациям отводилась роль беспрекословных исполнительных директив «сверху». Собственно, новизна тоталитарных партий в том, что они создаются формально для представительства интересов народа во власти, а на деле - для управления массами по приказам из центра. Вообще, членство в партии для обеих моделей тоталитаризма было определяющим возмощности самореализации индивида. Философ С.Эфиров назвал основной социальной базой тоталитаризма высшую бюрократическую элиту, постепенно превращающуюся в замкнутую касту: «Это - не столько «новый класс» или слой, сколько именно каста, в которую не только трудно попасть, но из которой не менее трудно «выпасть». Последнее происходило только в экстренных ситуациях (репрессии, крайнее обострение борьбы за власть, особенно скандальное преступление и т.п.) ...» [194, с. 48]. Создание партийно-бюрократической элиты способствовало абсолютизации членства в партии. При этом если место лидера было уже пожизненным, то у всех остальных уверенности в завтрашнем дне попросту не было. Бюрократический класс оказался в двойственной ситуации: попавший в ее состав человек приобретал многие блага, но в тоже время жил в постоянном страхе не только от перспективы их потерять, но и быть репрессированным. Сталин понимал, что аппарату нельзя позволить оставаться неизменным, постоянным - это ведет к укреплению взаимных связей, монолитности внутренней структуры. В момент, когда вождю становились неинтересны или казались опасно инициативными участники созданной им системы, именно они и оказывались в роли «просочившегося врага».

В основу левой (советской) идеологии был положен идеократический принцип, делавший марксизм-ленинизм-сталинизм единственно-верной идеологией, ведущей к общей цели - защите в прошлом угнетенных (слабых) от эксплуататоров и их прислужников (сильных), утверждению социального равенства через фактическое установление нового социального неравенства. В любое действие вкладывался политический смысл – в научный труд, в произведения художественной литературы, живопись или посевная. Все они служили общему делу, были вкладом в общую борьбу. Выступление (устное или письменное) перед любой аудиторией не могло быть полноценным без цитат идеологов-классиков, а с определенного периода - еще и без благодарности вождю, который подменял своими теориями идеи всех предшественников. Насаждая подобные подходы, тоталитарный режим установил собственную идеологическую монополию (особенно в сфере интеллектуальной деятельности). Несогласие или отступление от единственно верной суммы идей оборачивались репрессиями. Установление цензуры, утаивание опасных для системы документов и материалов в специальных фондах архивов, вымарывание исторических фактов, уничтожение неудобной литературы и т.д. - это родовые признаки тоталитаризма. На каждом витке тоталитарной истории СССР - своя интерпретация прошлого, в зависимости от «текущего момента» и состояния общества.

Новому государству нужен новый человек и новое общество, которых должна была сформировать система. Новый человек в идеале должен быть выходцем из народа, готовым к трудностям, к борьбе, беззаветно преданный власти и не слишком требовательный к условиям быта. Н.Бердяев писал, что «пафос социализма – образование нового механического коллектива, подчиняющего себе все, направляющего всю жизнь по своим путям, для своих целей» [214, с. 113], а И.Ильин резюмировал, что подобный неизбежно проваливающийся опыт тоталитарных режимов приводит к прекращению культурного роста и физическому умиранию [215]. К.Гаджиев отметил, что при этом идеал нового советского человека, «каким он предстает в художественной литературе и искусстве, по сути дела лишен национальной основы, национальных корней» [216, с. 13] В тоталитарном обществе была высокая социальная мобильность (сверху-вниз и снизу-вверх), что давало широкие возможности для карьеры (особенно при членстве в партии). Но: «При этом нельзя не увидеть, что в ходе социальных перемещений власть делала ставку не на положительный, а на отрицательный отбор. Ввиду дискриминаций и репрессий сама формировавшаяся номенклатура (и ее элита) была обречена на ухудшение человеческого «наполнителя»: профессионализм управленцев и руководителей снижался» [155]. И.Сталин вполне определенно дал понять в 1937 г.: нужны не те, кто усвоил программу партии, а те,

кто ее признает: «...много ли найдется у нас членов партии, которые уже освоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если идти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия?» [175, Т. 5 с. 369].

Тоталитарный режим, избрав собственный путь модернизации государства, решительно отбрасывал моральные устои прошлого и политический опыт предыдущих поколений, демонстративно не нуждался в них на начальном этапе. Интеллигенты, носители нравственных основ «царизма», воспринимались как явление временное, «попутчики», с которыми «еще лет 15 придется работать» [179]. Для тоталитарной власти сотрудничество со «старой» интеллигенцией стало вынужденной мерой, так как для руководства партии и государства было очевидно, что иначе начнется анархия и неразбериха в управлении. Поэтому старые служащие поначалу по-прежнему составляли большинство в учреждениях и ведомствах [157]. Партия всячески форсировала подготовку специалистов в учебных заведениях, ускоряя темпы заполнения своими интеллигентами законного места в советском обществе. «Кадры решают все», – сказал наш гениальный учитель товарищ Сталин*, – и у нас будут кадры в неограниченном количестве...», писал в своей статье академик И.Губкин [217, с. 4]. Новая социальная конструкция в СССР образовалась по формуле «два плюс один» (рабочие, крестьяне и интеллигенция). Из документов XVIII съезда видно, что это интеллигенция, которая к 1939 г. стала «в своей массе совершенно новой интеллигенцией, связанной своими корнями с рабочим классом и крестьянством. Советская интеллигенция - это вчерашние рабочие и крестьяне, и сыновья рабочих крестьян, выдвинувшиеся на командные посты. Советская интеллигенция служит не капитализму, как старая интеллигенция, а социализму и является равноправным членом социалистического общества» [173, Т. 5 с. 367]. Таким образом, для тоталитарного режима буквально не существовало другой, инородной интеллигенции (как продукта дореволюционной эпохи), сотрудничество с которой позволило во многом преодолеть первые трудности становления тоталитарной государственности. А присутствие старых кадров в науке, культуре, искусстве и других отраслях объяснялось тем, что «незаменимые» все-таки есть и власть вынуждена по-прежнему с этим считаться. Репрессивные удары, которые систематически наносились по интеллигенции, сделали свое дело - в атмосфере

* Впервые лозунг прозвучал в речи И.Сталина на выпуске академиков Красной Армии в Кремлевском дворце 4 мая 1935 г.

страха и постоянного напряжения, нравственных страданий в ее среде по отношению к тоталитарному режиму проявлялся либо открытый конформизм, либо сдержанная лояльность, либо глубоко скрытая (только в близком кругу) оппозиция.

Террор стал главным приемом осуществления власти, который позволял держать в напряжении и страхе всех граждан от рядового гражданина до наркома. Идеологическое обоснование его осуществления составила теория обострения классовой борьбы, которая рассматриваемая широко, могла быть применима к кому угодно. Террор мог быть как насильственным, так и чисто моральным, ненасильственным. «Не случайно исключение из партии воспринималось советским человеком как нечто вроде катастрофы, поскольку это во многих случаях действительно означало для него жизненный крах, конец карьеры, для политического деятеля - политическую смерть» [218, с. 20]. Нет сомнений, что террор - одна из основных характеристик тоталитарного режима. С первых шагов его использовали как средство борьбы с любой оппозицией; как меру устрашения возможных противников; как источник бесплатной рабочей силы. Регулирование социальных отношений через насилие служило основным приемом дисциплинирования общества. Целенаправленная подготовка замены «буржуазной» интеллигенции, на «новые» кадры из рабоче-крестьянской среды должна была установить тотальный контроль над кадрами, безоговорочно подчиненными режиму. Этот контроль должен был базироваться на классовой идеологии и насаждении массовой подозрительности, которые облегчали бы выявление инакомыслящих во всех социальных слоях. Следствием стала ликвидация либо изоляция в концентрационных лагерях представителей «эксплуататорских классов» и их прислужников-интеллигентов, препятствовавших созданию массового общества.

Независимый суд и реальное соблюдение законов тоталитарная система не допускает, обладая полнотой власти, она сама определяет кто для нее друг или враг. Тоталитарное правосудие справедливо только к тем, кого оно по своей мерке не причисляет к врагам народа; государственный террор становится «несущей опорой» тоталитарных систем. Пропаганда и террор в тоталитарной системе логически связаны, так как затрагивают как духовные, так и физические стороны индивида. Такое двойственное насилие лишает личность внутренней свободы, независимости мышления, способствует образованию у нее вполне определенных рефлексов самосохранения в виде показного энтузиазма, доносительства или конформизма. Тоталитарный режим потому, наверное, и феномен XX века, что расширил количество участников политической жизни за счет неграмотного населения, используя современные ему технические средства (в первую очередь - радио), затем после ликвидации неграмотности - газеты. Пропаганда охватывала и образовательный

процесс: школьная программа была пронизана идеологией (отрицание достижений прошлого было одним из ключевых положений), попытки учителей разнообразить этот догматизм пресекались. Пропаганда превращалась в воспитательный процесс. В цепочке октябрята - пионеры - комсомол - партия была четкая преемственность. Пропагандой режим решал весьма важную задачу: взяв под практически полный контроль души граждан, он прививал людям тоталитарное унифицированное сознание, облегчал себе продвижение к главной цели созданию новой общности - советского народа.

Экономика тоталитаризма, которую часто называют «лагерной», была построена на постепенной ликвидации свободы собственности и свободы труда. Перейдя после практики НЭПа к государственному планированию, став собственником всех ресурсов, тоталитаризм затрачивается преимущественно на обеспечение своей стабильности и безопасности, реализацию планов по территориальному захвату. Коллективизация и индустриализация страны стали кампаниями, принесшими огромные человеческие жертвы. Массовые репрессии пополнили стройки социализма практически даровой рабочей силой, в то время как обескровленные арестами организации, предприятия оказывались порой без высококвалифицированных ведущих работников.

Отрицание прошлого в образовательной сфере и культурно-языковом наследии этносов СССР заключалось в стремлении режима пресечь любые попытки расширения суверенитета национальных республик. Развертывание целенаправленной борьбы с «буржуазным национализмом» старой интеллигенции и «правым уклоном» в партии было необходимо для утверждения права центральной власти не только на определение характеристик настоящего, но на оценку прошлого этносов СССР.

Экспансия неотъемлемо присутствует в истории советского государства, постоянно расширявшего свою территорию и сферу влияния в мире. Как и для остальных тоталитарных государств, она - проявление имперской сущности этого политического режима.

Имперская сущность СССР выражалась в «собрании земель», принуждении к принципиально новому и порой чуждому государственному устройству.

На наш взгляд, в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, какой была Российская империя, большевикам неминуемо пришлось бы столкнуться с центробежными тенденциями при создании нового государства. Поэтому был необходим документ, подобный «Декларации прав народов», в которой большевики продемонстрировали понимание желания национальных регионов создать свою государственность. Декретом были провозглашены основные принципы национальной

политики: 1) Равенство и суверенность народов России; 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до образования самостоятельного государства; 3) Отмену всех и всяких национальных и национально–религиозных привилегий; 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [169, с. 64-65].

Отметим, что «боевое содружество» в период гражданской войны не вызвало в самостоятельных национальных республиках стремления к созданию единого государственного образования, а скорее выявило (с разной степенью активности) тенденцию к независимости, сокращению сферы политического влияния со стороны РСФСР. Реакция высшего руководства большевиков на эти процессы была неоднозначной, но преобладала линия на объединение (в ближайшем будущем) территорий, ранее являвшихся составной частью Российской империи, на основе двух факторов - системы Советов и единой партии большевиков. Начался поиск форм объединения. Концепция «мирового СССР» с лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» подразумевала, что трудящиеся разных стран неизбежно отделятся от своей национальной буржуазии и присоединятся к Советской России. А в программе партии 1919 г. недвусмысленно отмечалось, что федеративное объединение государств, организованных по советскому типу, следует рассматривать как переходную форму на пути к полному единству. Кроме того, созданный в начале 1919 г. Коммунистический Интернационал главной своей целью называл создание Всемирного Союза Советских Социалистических республик. Эта политическая перспектива могла стать недостижимой. По мере развития «объединительной» тенденции исходившей от РСФСР, усиливались и расхождения по поводу будущности национальных государственных образований, как в самой партии большевиков, так и на местах.

В 1922 гг. возникло два альтернативных плана национально-государственного объединения: ленинский, в форме советской федерации и сталинский проект автономий, предусматривавший изменение суверенного статуса республик. В.Сироткин заметил, что после своей окончательной победы в партии, Сталин вернулся к «дореволюционной монархическо-православной (византийской) парадигме власти - мы ваши «отцы», вы наши «дети», а также к клерикальной максиме: ВЕРУЙ, НО НЕ УМСТВУЙ...» [191].

Сталинский проект автономизации дрейфовал в сторону унитарного государства, в котором, несмотря на идеологию, общество размежевывалось и по национальному признаку. Теория мировой революции в идеологии тоталитаризма советского типа, в дальнейшем, присутствовала теперь только в атрибутах, которые на продолжительный срок

стали символами нового государства (гимн «Интернационал», пятиконечная звезда, лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»).

В письме Сталина Ленину от 22 сентября 1922 г. приведены доводы, которые в полной мере раскрывают его убежденность в необходимости форсировать процесс создания интернационального государства: «...5. Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т.е. мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик» [193]. Иначе говоря, та возможность на суверенитет и равноправие, которую предлагала «Декларация прав народов России», должна была подвергнуться игнорированию во имя революционной идеи. Важными становятся ближайшие задачи, субъективные цели. Комиссия, возглавляемая Сталиным, представила проект «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», предусматривавший вхождение Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в Российскую Федерацию на правах автономий. Проект вызвал настолько неоднозначную реакцию, что Ленину пришлось поддержать оппозицию во имя создания СССР. В проект были внесены поправки, которые несколько изменили и смягчили акценты. Всесоюзный съезд Советов утвердил Договор об образовании СССР. Постепенно, в ходе последующих разработок конституционных актов и практических шагов по укреплению тоталитарной диктатуры партии, создавалась иллюзия гарантированности прав республик с одновременно реальным ограничением их действий общесоюзными институтами.

Стремление партии укрепиться в положении надгосударственной структуры проявилось в намерении контролировать процесс национально-государственного строительства. Во время разработки конституционного проекта в 1923 г. работали параллельно две комиссии - Президиума ЦИК и ЦК РКП(б). От разрабатывавшихся проектов ждали четкого распределения, регламентации всех сфер внутренней и внешней политики. Должны были быть определены принципы организации функционирования общесоюзных и республиканских структур власти и обеспечения суверенитета республик в части соблюдения их национальных интересов в области экономики, культуры, языка и т.д. К июню 1923 г. уже существовало два проекта Конституции, представленные соответственно ЦИК СССР и Конституционной комиссией УССР. Украинский проект отличало предпочтение договорных отношений, которые сохраняли бы суверенитет. Были и спорные вопросы, касавшиеся компетенций Союза и республик, их соотношения. В итоге арбитром и

последней инстанцией стала комиссия ЦК РКП(б), которая внесла существенные коррективы, усиливавшие единство Союза. Поправки, внесенные на Пленуме ЦК (26–27 июня) должны были гарантировать суверенитет союзных республик. После обсуждения и одобрительных отзывов с мест Основной Закон был утвержден второй сессией ЦИКа, а 31 января 1924 г. и II съездом Советов СССР (как верховным органом нового государства).

Конституцией 1924 г. в пункте 3 фиксировалось, что «суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик» [168, с. 317-319]. Ленинские коррективы Конституции в разделе 2 «Договор об образовании Союза Советских Социалистических республик» в первой же главе вычленили функции верховных органов власти в области экономической, финансовой, судебной, народного образования и здравоохранения, внешней политики. Здесь же содержались статьи, касающиеся приоритета союзных органов в области регулирования границ, разрешения спорных вопросов между республиками, приема новых государств в состав СССР, союзного гражданства и прав иностранцев. Пункт «ч» предусматривал, что союзное руководство имеет право отмены «нарушающих настоящую Конституцию постановлений съездов Советов и Центральных исполнительных Комитетов Союзных республик» [168, с. 320]. Однако какими критериями должны были определяться эти нарушения, не было прописано, что открывало широкие возможности произвола в отношении республик. Субъективная трактовка вождем и партийными функционерами суверенных прав привели к полной зависимости союзных республик.

С 1934 г., когда страна уже втягивалась в период так называемого «большого террора», идеологическая машина большевизма обращается к идее державности, формированию новоимперской доктрины: «...в 1933-1934 г. вновь демонстрируется подчиненность большевистской доктрины стратегическим национально-государственным интересам. Трансформация идеологических установок - обращение наряду с использованием интернационал-коммунистического подхода в идеологии к национал-большевистским ценностям - оформляется на XII съезде ВКП(б)...На этом съезде из уст Сталина под аплодисменты делегатов прозвучали слова: «Мы ориентируемся на СССР и только на СССР» [219, с. 27]. Исторические юбилеи превращались в общественно-политические кампании, подчеркивался прогрессивный характер «процессов собирания земли русской», «создания великой державы».

Постепенно уходило в небытие изображение прежней России как «тюрьмы народов», тем более что в планы власти входило возрождение ее былых границ с возвратом в ближайшем будущем Бессарабии, Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии. К середине 1930-х гг. контуры тоталитаризма в СССР были уже четко обозначены. Конституция 1936 г. в статье 15 Главы II, посвященной государственному устройству, почти точно повторяла пункт 3 Главы II предыдущей Конституции. Функции союзных структур расширялись и уточнялись, полномочия республик оговаривались ссылкой на компетенции, не входившие в общесоюзные органы. Сравнивая приоритеты национальных политик большевизма и сталинизма, Л.Троцкий писал в 1938 г. в «Бюллетене оппозиции»: «Октябрьская революция провозгласила право каждой нации не только на самостоятельное культурное развитие, но и на государственное отделение. На деле бюрократия превратила Советский Союз в новую тюрьму народов. Правда, национальный язык и школа продолжают существовать: в этой области самый могущественный деспотизм не может уже повернуть колесо развития назад. Но язык разных национальностей является не органом их самостоятельного развития, а органом бюрократического командования над ними. Правительства национальных республик назначаются, разумеется, Москвой, точнее сказать, Сталиным» [220].

Союзные республики оказались в полной зависимости в решении большинства вопросов как местного, так общесоюзного значения. Фактически принцип федерации был подменен жестким унитаризмом, беспрекословным подчинением центру в лице единолично правящего вождя. По любому поводу приходилось поступать в соответствии с прямыми указаниями или рекомендациями Центра. Для более плотного контроля над деятельностью республиканских партийных и государственных органов режим предпринимал разнообразные меры, расширяя свое присутствие в регионах. Местные органы НКВД получили широкие полномочия; регулярно направлялись на работу в республики партийные и государственные функционеры; постоянно наезжали всевозможные комиссии с проверками (и установкой набрать критический материал). Следует заметить, что одновременно, с целью обретения широкой народной поддержки, в национальной политике тоталитарный режим допускал коренизацию кадров, развитие национально-культурных учреждений и школ для удовлетворения национальных интересов различных народов, в особенности в полиэтничных по своему составу республиках.

«Марксизм–ленинизм» руководствуется фундаментальной установкой на разрушение до основания старого мира и построении на его обломках новой общественной системы, по самой своей сути не мог принять национальную идею, национальное начало, там более

национализм, поскольку они рассматривались (собственно, и были таковыми) как важнейшее препятствие на пути интернационального единения народов на принципах классовой солидарности и классовой борьбы» [216, с. 10].

Идея образования Молдавской Автономной Советской Социалистической республики, высказанная инициативной группой в феврале 1924 года, была представлена партийному руководству в самом привлекательном виде - она одновременно поддерживала имперскую тенденцию к «собираанию земель» и перспективу развертывания мировой революции. Создатели МАССР в своем письме в ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У подчеркивали: «Молдавская республика может сыграть ту же роль политическо-пропагандистского фактора, что и Белорусская республика по отношению к Польше, и Карельская - по отношению к Финляндии. Она служила бы объектом привлечения внимания и симпатий бессарабского населения и дала бы еще больший повод претендовать на воссоединение с ней Заднестровья» [101, с. 43]. Участники инициативной группы «преследовали цель воздвигнуть... аванпост коммунистической революции, плацдарм для распространения своих идей в Бессарабию, Румынию и далее - на Балканы и Западную Европу» [73, с. 30]. «...Окружкам, в районах которых имелось молдавское население... была дана инструкция... всю работу организовать таким образом, чтобы она имела характер движения снизу, исходящего от народных масс. Пожалуй, нигде на всей территории бывшего СССР создание слагающих его национально-территориальных единиц не сопровождалось столь откровенной имитацией общедемократических процедур, и нигде цели этой имитации не были столь тесно связаны с идеологией мировой революции» [221, с. 22]. «...создание МАССР явилось сигналом о кристаллизации новой аргументации против румынской оккупации Бессарабии...» [67, р. 86].

Как видно из приведенных цитат, исследователи разных научных направлений, считают бесспорным тот факт, что образование МАССР – политическая акция, инициатива «сверху». Заметим, что в отличие от других автономных образований, МАССР получила собственную Конституцию, что уже само по себе ставило ее в особое положение. Намерение новой власти вернуть страну в старые имперские границы и не скрывалось: «Правда» от 28 октября 1924 г. указывала, что капиталисты временно удерживают Бессарабию, и она будет возвращена, а МАССР рассматривалась, таким образом, как «временная родина» единой «молдавской нации». Советское руководство, обосновывало, таким образом, и свои территориальные претензии и, одновременно, право на судьбу целой национальности. Новоявленной автономии отводилась роль «магнита» для возврата Бессарабии, также как созданной в 1923 г. Автономной Карельской Советской Социалистической

Республике (АКССР) предстояло стать альтернативой для Финляндии. Две автономии роднит и то, что для их территориального оформления были заимствованы районы, входившие в состав УССР (в первом случае) и РСФСР (во втором). По национальному составу автономий также наблюдается сходство ситуаций. По данным переписи 1926 г. очевидно, что титульные нации в них не преобладали:

в МАССР [187, с. 43]	в АКССР [222, с. 9]
48,49 % - украинцев	57,2 % - русских
30,13 % - молдаван	37,4 % - карелов
8,54 % - русских	3,2 % - вепсов
8,48 % - евреев	1,3 % - прочих
4,36 % - прочих	0,9 % - финнов

Для рядовых граждан СССР - простых людей, оторванных революцией и гражданской войной от родных мест, не искушенных в политике, в подобных заявлениях была важна лишь одна перспектива на будущее – воссоединение с близкими, с Родиной. Из письма коммуниста Рутковского: «Узнав об образовании в нашем Союзе еще одной Республики - Молдавской, я как молдаванин по национальности, не могу не выразить по этому поводу своего горячего привета... Я глубоко убежден, что образование Молдавской республики - это первый камень фундамента, который послужит к образованию и расширению Молдавской республики, которая включит в себя весь без исключения трудящийся угнетенный молдавский народ, а это в недалеком будущем должно случиться, и наш Союз... будет увеличен...» [223, с.63]. Подобные высказывания фиксировались в прессе, в выступлениях и резолюциях митингов и подтверждают вышеприведенный вывод. Специалисты, О.Галущенко, например, считают, что процесс создания МАССР в сравнении с образованием МССР определенно выигрывает по качеству усилий: «...в первом случае к делу подошли более серьезно. Была проведена специальная кампания, имевшая целью представить организацию МАССР как положительную реакцию властей на требования молдавского населения Приднестровья» [101, с. 47].

Если политические обоснования были убедительны и опирались на излюбленную идею мировой революции, то с точки зрения организации национально–государственного строительства все было не так ясно, особенно в отношении статуса органов управления МАССР и кадровой политики. Так, в вопросе о руководстве противостояли друг другу две группы: «коммунисты Бессарабии» и «коммунистическая эмиграция» из Румынии (так именовала их статья Г.Флориану в стенной газете румынской секции Коммунистического Университета национальных меньшинств Запада, опубликованная 15 ноября 1924 г.).

Румынские коммунисты–инициаторы создания республики были недовольны тем, что их фактически проигнорировали, решив опереться на бессарабцев. Представление Г.Флориану о перспективах МАССР шло значительно дальше пределов Бессарабии: «Создание Молдавской Республики мы должны понимать как организацию первого аванпоста для наступления на Румынию...» [224, л. 3]. Разворачивалась откровенно жесткая борьба за руководящие посты в республике. Оппоненты румынских коммунистов в лице секретаря партбюро И.Бадеева и ревкома АМССР утверждали в письме секретарю ЦК КП(б)У Квирингу: «Мы считаем, что молдаване являются одной из ветвей Романской расы и имеют право на самоопределение... Румынские же т.т. стоят на другой точке зрения, а именно: молдаване являются частью румынского народа, а Бессарабская экономика тесно связана с румынской...». И далее указывалось: «считаем необходимым выдвижения в руководящую группу работников АМССР т.т. бессарабцев, связанных с Бессарабским революционным движением, имена которых знакомы бессарабским рабочим и крестьянам, и имеющих в то же время практический опыт советской работы. Наличие двух точек зрения, по нашему глубокому убеждению, в руководящей группе работников АМССР неминуемо парализует всю работу» [225, л. 2]. Выступив в сложившейся ситуации в роли арбитра, Центр предпочел опереться не на амбициозную румынскую иммиграцию, а на свои проверенные кадры. Венгерский ученый А.Воронович высказался по поводу этого выбора так: во-первых, украинское руководство «отталкивало» от румынских коммунистов и их планов румынизации в автономии, то, что на территории республики должно было проживать немало украинцев; во-вторых, осложнялась возможность реального политического контроля, поскольку иммигранты предпочитали игнорировать мнение ЦК КП(б)У и обращаться за решением вопросов любого характера непосредственно в Москву и использовать каналы Коминтерна, а стало быть не приняли бы жесткого контроля над собой [150]. Конечно, более привлекательной выглядела позиция их конкурентов - бессарабцев и коммунистов Левобережья с их программой молдовенизации и более реальным политическим планом по возвращению Бессарабии. Помимо этого, многие из них обладали опытом работы в партийном и советском аппаратах Украины.

Создание МАССР предоставляло официальную родину для молдаван и положение о том, что румыны и молдаване в Бессарабии и МАССР - это две отдельные этнонациональные группы с отдельными языками и историко-культурными характеристиками, с течением времени стало стандартным элементом советского дискурса по бессарабскому вопросу и главным оправданием территориальных требований, с чем сегодня согласна часть западных ученых [67, р. 58, 62].

Сложность была и в том, что как этнонациональная группа (определяющая номинально республику) молдаване должны были и физически не могли доминировать во всех областях деятельности этого нового государственного образования.

Постановление Политбюро ЦК КП(б)У по вопросу о создании МАССР (19 сентября 1924) в разделе «О языках» четко определяло, что необходимо «держать курс на развитие народного молдавского языка». И при этом указывалось, что молдавский, украинский языки равноправны, здесь же звучало довольно туманное распоряжение, о том, что «далее делопроизводство должно вестись на языке большинства населения каждой ее [МАССР] части» [226, л. 2-3]. Отметим одно немаловажное обстоятельство - до революции и после в Левобережье не было молдавских школ, язык не изучался, «разговорная речь молдаван отличалась архаичностью, частым употреблением слов и выражений из украинского и русского языков, в разных селах по-разному произносились слова одного значения» [100, с. 90]. Какой же язык должен был оказаться в основе жизнедеятельности автономии? Язык на лингвистической основе заднестровских и бессарабских молдаван или развивающийся язык, обогащаемый румынизмами? Кто будет осуществлять обучение и на основе каких учебных пособий? К моменту образования МАССР не обладала ни средними, ни высшими учебными заведениями. Тем не менее, политически было чрезвычайно важно продемонстрировать функционирование молдавского языка в качестве элемента, связующего все структуры и области государственной, общественной и культурной жизни МАССР.

Уже с первых шагов своей деятельности руководство МАССР столкнулось с тем, что не находило возможностей проводить в жизнь декларированные принципы функционирования молдавского языка как языка титульной нации в республике. Из выступления И.Бадеева на I Все молдавской областной партконференции 19 декабря 1924 г.: «По Советской линии мы имеем мало знающих молдавский язык советских работников. Знающих молдавский язык в партии всего около 70 человек... Из 800 учителей двухсот деревенских школ лишь около 40 человек могут с грехом пополам говорить по-молдавски, а не больше 20-25 учителей в селах провести нашу национальную политику в школах... Были случаи пребывания по несколько лет в молдавском селе работников и не научившихся за это время ни слова по-молдавски. Это значит, что товарищ был чужим в селе. Мы поэтому должны взять курс на молдаванизацию наших ячеек... Нужно только большевистское желание и мы скоро научимся молдавскому языку...» [223, с.65]. В этой связи интересно проследить тенденцию в этническом составе внутри коммунистической партии автономии, которая являлась составной частью единой компартии большевиков СССР, олицетворявшей реальный правящий политический режим в стране. Так, на 1 января 1925 г. в молдавской

областной партийной организации собственно молдаван было 6,3 %, украинцев 31,67 %, русских 41,64 %, евреев 15,7 %, поляков 1,91 %, немцев 0,44 %, болгар 0,59 %, армян 0,15 %, прочих - 2,4 %. [227, л. 49]. Таким образом, национальный состав парторганизации автономии, конечно, не отражал адекватно этническое многообразие общества, тем более, если иметь ввиду молдаван как титульную его часть. Действительно, партийцам предстояло приложить сверхусилия, чтобы преодолеть языковую проблему в короткие сроки. При заданном темпе и, несмотря на энтузиазм, к 1 октября 1927 г. в центральных учреждениях МАССР и районных исполнительных структурах процент владеющих языком был все же чрезвычайно низким - 9 %, ничего не знающих - 49,8 % (тем более что сведения о грамотности руководящих работников на молдавском языке вообще не даются) [228, л. 1]. Интерес представляет не только национальный, но и социальный состав партийной организации: рабочих (у станка) - 17,59 %; крестьян (у сохи) - 11 %; партийные, советские и профсоюзные и прочие советские работники - 67,3 %; военные - 2,2 % прочие (кустари, на прочих работах и не указавшие) - 1,47 % [227, л. 49].

Среди общего массива поставленных перед коммунистами МАССР задач освоение языка не заняло сразу ведущего положения, поскольку трудности на всех без исключения направлениях работы отнимали все время и силы. Для характеристики важно учесть то обстоятельство, что партия большевиков к 1924 г. была профессиональной подпольной организацией, прошла испытание гражданской войной, но не имела опыта мирного хозяйствования. Отсюда проистекает военная лексика и стиль руководства, как наиболее эффективные, склонность к штурмовщине и шапкозакидательству, а в случае неудач - поиск врагов. Вынужденное сотрудничество с профессионалами - интеллигентами, которые (в большинстве) считали Советскую власть нелегитимной, было для партии фактическим признанием собственной неспособности самостоятельно преобразовывать страну.

Образовательный (культурный) уровень населения в докладной записке Профобра от 14 марта 1925 г. оценивался как низкий среди взрослых и среди детей школьного возраста, налицо был «громadнейший» процент неграмотности среди молдавского населения, 70 % детей находились вне школы: «Кроме того, недостаточен педагогический кадр учителей, который мог бы проводить работу в школе по национальному принципу. Культурная отсталость молдаван, религиозность приводит к тому, что молдавское население в своей массе слабо посещает школы...». Учителей с высшим образованием было 6 %, средним - 64 %, низшим - 18 %, имевших звание учителя - 12 % [229, л. 3,4]. Первыми книгами на молдавском языке, вышедшими в 1925 г. были букварь для взрослых *Ланул нострул* и *Арифметика*, в создании которых участвовали приднестровские учителя.

Постановлением ЦИК и СНК от 29 сентября 1926 г. была сделана попытка ввести всеобщее обучение: в ряде сел предполагалось обязательное и бесплатное обучение детей в начальной школе. Однако постановление не выполнялось из-за нехватки не только материальных и финансовых средств (в 1925 г. на развитие образования из государственного бюджета СССР было выделено 98 тысяч рублей, т.е. по 333,3 рубля на каждую из имевшихся 294 школ) [31, с. 48], но и по причине отсутствия учительских кадров. На подготовку преподавателей требовались средства и время. Но взятые темпы по всеобучу были слишком быстрыми и далекими от реальных возможностей, а потому и через 2 года решить задачи постановления оказалось невозможно. Постановление было отменено на заседании ЦИК и СНК 11 сентября 1928 г., тогда же была удовлетворена просьба Наркома просвещения Г.Бучушкану об освобождении от должности. Исследователи отмечают и парадоксы советской системы - в условиях острой нехватки преподавательских кадров, в 1926 г. Балтский педагогический техникум («молдавская Сорбонна») готовил кадры не только для МАССР, но резервировал места для молодых людей из РСФСР (3 человека) и УССР (24 человека) [77, р. 149].

Приведенные материалы еще раз подтверждают мысль о том, что создание МАССР было, прежде всего, демонстративным политическим актом, больше похожим на политический демарш, чем на перспективный проект. МАССР выступала в качестве временного и условного явления, своеобразного эксперимента или полигона для отработки основных приемов сталинской национальной политики образца 1922-1929 гг. и для других регионов. Как известно, современными исследователями советского периода, 1922-1928 годы считаются менее тоталитарными (скорее проявлялась тенденция к авторитаризму) [230, с. 15], а национальная политика характеризуется как в целом позитивная. Как показывают документы, этот короткий отрезок времени был лишь вынужденной, транзитной мерой на пути унификации народов и вычищению их национальной специфики. Позже, во время триумфа тоталитаризма национальные начала стали выступать в качестве своеобразных преград на пути интернационального единства народов на принципах классовой солидарности и классовой борьбы. Характерный пример: 17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О национальных школах». В нем говорилось: «Признать вредным существование особых национальных школ (финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и др.) на территориях соответствующих республик. Предложить наркомпросам национальных республик реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа» [104, с. 57]. На этом заседании было принято также решение «О ликвидации национальных районов и сельсоветов».

Преодоление национального стало основой социальной, социокультурной и политической программы руководства СССР. Особенностью этой программы было стремление к систематической переделке этнонационального в духе сталинских установок, направленных на создание «новой исторической общности» - советского народа. «Большевики возвращали национальные элиты там, где их не было или они были слабы; распространяли в массах и поддерживали различные формы национальной культуры и идентичности; создавали национальные образования разных уровней и решали в них некоторые задачи, характерные для национальных либо национализирующихся государств, выдвигая новые национальные элиты и насаждая новые официальные языки», писал в своем аналитическом исследовании В.Шишков [231, с. 135].

Выделяя создание МАССР в общем русле перспективной политики тоталитаризма, отметим, что автономия представляла собой политически организованную основу для создания собственной государственности, но без опоры на профессиональные квалифицированные кадры многие планы остались бы нереализованными. Для практического воплощения в жизнь этого политического проекта интеллигенция была жизненно необходима, а формирование новой интеллигенции выдвигалось как одна из важнейших задач. Импульсом к ее выращиванию становилась поощрительная кадровая политика в национальной программе партии.

2.2. «Выдвиженцы» и «буржуазные» специалисты в кадровой политике ВКП(б) и их роль в процессе формирования новой советской интеллигенции в МАССР

В основу политики сталинского режима в отношении интеллигенции были положены ленинские принципы недоверия, в основе которых – подозрения в политической неблагонадежности. Зыбкое положение новой власти, вынуждало ее идти на компромиссы, ставило в ситуацию принудительной лояльности к интеллектуалам. Но это не мешало сбору материалов о настроениях и возможных действиях столь опасно и независимо мыслящей «социально чуждой» части общества. В докладной записке ГПУ в Политбюро (1922 г.) указывалось, что в условиях нэпа «антисоветская интеллигенция широко использует открывшиеся ей возможности организации и собирания своих сил, созданные мирным курсом Советской власти и ослаблением деятельности репрессивных органов» [178]. Однако политическое руководство все же понимало, что без специалистов старой школы, без их опыта ни одной государственной проблемы не разрешить.

В 1920-1930 гг. одним из требований времени стало преодоление «кадрового голода» путем создания интеллигенции из народа, профессионально и политически надежной, которая могла бы занять ключевые посты в управлении. Об этом писал Н.Бердяев: «... нужна новая мотивация труда, новая техническая структура, нужно, чтобы появился новый коллективный человек...». По мнению философа, тоталитарному режиму было нужно новое поколение, «которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение...» [232, с. 119]. Режиму были нужны проводники генеральной линии, надежные и профессиональные управленцы на местах, которые одновременно не вызывали бы у населения недоверия и были бы «своими» (по классу и по национальности). Решение этой задачи стало первоочередным. Поэтому в многонациональном СССР особенно внимательно относились к настроениям национальной интеллигенции, которая была опасна еще и сепаратистскими тенденциями. Ее считалось необходимым постоянно контролировать, пресекая любое проявление «буржуазного национализма», постепенно складывалась практика, при которой высшие посты в национальных республиках (первый и второй секретари ЦК) занимал своего рода тандем из представителя титульной и нетитульной национальностей. В этом была некая подстраховка от угрозы впадения руководства республик в «национал-уклонизм».

На XII съезде партии, в 1923 г., была провозглашена политика «коренизации», «предусматривавшая усиление национальных моментов в партийном и государственном строительстве, выдвижение местных национальных кадров на руководящую работу, ведение делопроизводства на национальном языке, широкую издательскую деятельность... Таким образом большевики рассчитывали создать лояльные этнические политические элиты, при помощи которых велось бы управление огромной территорией» [95, с. 97]. Национальность могла стать теперь залогом удачной карьеры. Новая этническая элита (номенклатурная и интеллигентская) должна была выступить как противовес старой «буржуазной». Как констатировал О.Цыку, Советский Союз имел претензию стать государством-нацией, и для этого были инициированы процессы, которые должны были бы ускорять образование единой советской мобилизованной национальности [80, р. 333].

Одновременное преодоление национального в каждой нации и национальных различий в государстве в целом стало одной из задач тоталитарного режима. Но для достижения этой цели было нужно время и иные политические обстоятельства. СССР же в 1920-е гг. настолько остро нуждался в интеллектуалах, могущих способствовать его подъему во всех сферах жизни, что приходилось на местах опираться на специалистов,

которые были не только представителями «старой» школы, но и носителями (с точки зрения режима) буржуазных националистических идей.

На основные проблемы, связанные с качеством и положением интеллектуальных кадров большое воздействие имело форсирование режимом подготовки специалистов через создание и развитие сети учебных заведений, необходимых для выпуска «своей» рабоче-крестьянской интеллигенции. Уже 2 августа 1918 г. Совнарком в декрете «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» снимал все ограничения на поступление в вузы - документ о среднем образовании не требовался, отменялись вступительные испытания и плата за обучение. В начале 1918 г. было 60 тыс. студентов вузов, осенью 1919 г. - 117 тыс. В 1920 г. число студентов вузов и техникумов составляло 317 тыс. чел., в 1921 г. - 224 тыс. [230, с. 68] Положение о вузах 1921 г. предписывало принимать всех детей рабочих и крестьян, имевших направления партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Снижение качества образования, протесты преподавателей привели к тому, что к 1924 г. был отменен прием по «командировкам» разных организаций и учреждений; дети некоторых групп интеллигенции (педагогов, инженеров, врачей и т.п.) при поступлении были уравниены в правах с детьми рабочих. Одновременно усилился приток представителей «чуждых» классов, которые, проработав некоторое время на производстве, поступали в вуз уже в новом социальном статусе, на правах рабочих. Вступавшая в индустриализацию страна слишком нуждалась в специалистах, чтобы отказаться от тех из них, кто хоть и относился к «бывшим», но вырос и обучен уже при Советской власти. «Социальное происхождение было значимым, но не единственным и не главным фактором, определявшим дальнейшую судьбу человека в послереволюционном обществе, причем к началу 1930-х и значимость данного фактора резко сократилась, и его место заняли политическая благонадежность, идеологическая выдержанность и т.п.», утверждает Т.Смирнова [196, с. 41]. «Перестройка высшего и среднего образования на рубеже 20-30-х годов, упор на технические, экономические дисциплины несли в себе скрытые противоречия, вели к тиражированию узких специалистов, технократов с ограниченным кругозором и слепой верой в незыблемость идеологических догматов, внушаемых в кружках и на занятиях политграмоты» [233, с. 127]. Цель власти была вполне определенной: лишить специалистов «старого» образца их общественно-привилегированного статуса, растворить в массе «новых». При этом помимо экономических, решался и ряд политических задач:

- Исключался вопрос сохранения, независимости и самостоятельности интеллигенции и не допускалась любая форма оппозиции с ее стороны.

- Разжижение этого социального слоя способствовало разрушению корпоративности и солидарности, столь ему присущей.
- Всегда можно было заменить саботирующих или репрессируемых специалистов без ущерба для дела другими, более лояльными.

«Советская реальность отмечена целым рядом парадоксов. Один из них состоял в том, что, с одной стороны, советское государство, как и любое другое, было заинтересовано в социальной стабильности. Но - с другой стороны, своей политикой оно расшатывало, разрушало эту стабильность, выталкивая часть граждан из социума, превращая их в социальных маргиналов. Эта ситуация была особенно характерна для 1920-1930-х гг., когда шел процесс массового вытеснения на периферию социальной жизни всех, кто по тем или иным причинам не вписывался в новый порядок», отметила Е.Зубкова [234, с. 103].

По разным социально–политическим обстоятельствам весомое количество людей с высоким уровнем образования было вынуждено переместиться ниже привычного положения, став конторщиками, учетчиками, счетоводами. На смену им должны были прийти новые люди. Один из примеров подобного вынужденного изменения социального статуса - судьба Николая Николаевича Кривицкого (инженера-строителя железнодорожных мостов), который в середине 1920-х, в период «борьбы с вредителями в промышленности» поселился в с. Парканы МАССР и стал рядовым колхозником [101, с. 114].

Власть только по определению была «рабоче-крестьянской», а в действительности, все же, аппарат состоял в основном из представителей непролетарских слоев. Данные Центрального Статистического Управления СССР 1929 г. по личному составу государственного аппарата позволяют сделать вывод, что 2/3 работников вербовались не из пролетарской среды. Они работали под руководством «ответственных работников, помогали им преодолевать ежедневные трудности. Партия прилагала определенные усилия для оздоровления аппарата, прибегала к чисткам, что поспособствовало во многом лишь снижению интеллектуального уровня руководящих кадров: «в 1923 г... директоров-коммунистов общегосударственных трестов с высшим образованием насчитывалось 5 %, со средним -15 %, с начальным - 80 %. Другое соотношение у беспартийных директоров: соответственно 56 %, 18 % и 29 %...» [158, с. 65]. Подавляющее большинство руководителей местных органов имели *нижнее* образование: в районных исполкомах - 82,2 %, в окружных - 71,6 %, причем большая часть из них была малограмотной [159, с. 44-45]. В МАССР среди членов Президиума РИКов в 1930 г., также, как и во всем СССР, преобладали работники с начальным и средним образованием - 82,4 % и 12,7 %, был в их числе и 1 неграмотный [235, л. 11]. Многие места, требовавшие высокой квалификации, заняли недавние выпускники

учебных заведений, множество должностей досталось тем, кто по своему интеллектуальному уровню и образованию никогда бы не занял их до переворота 1917 г. Это вело к расширению профессиональной некомпетентности и профанации задач, ставившихся новой властью.

Формирование советской интеллигенции происходило на основе трех источников - это интеллектуалы старой школы; выдвиженцы из рабочих и крестьян; молодые специалисты, выпускники вузов и техникумов.

В целом для страны и в национальных республиках и автономиях кадровой вопрос был острым, особенно в сельскохозяйственных регионах, где процент интеллектуалов в соотношении с неграмотным или малограмотным населением был чрезвычайно низким. В таких исходных условиях местным властям необходимо было не просто преодолеть кадровый голод, но еще и продемонстрировать на деле политическую значимость приобретения молдаванами левобережного Приднестровья национальной государственности. В короткие сроки предстояло ликвидировать неграмотность титульного населения (не имея должного количества учителей, владеющих языком) и показать не только наличие культурных учреждений, но и достижения молдавской науки и культуры, которые продвигает вперед национальная интеллигенция в интернациональном сплочении с другими народами республики. Задача утопическая для региона, где до 1926 г. преобладало немолдавское население. Впрочем, даже если бы оно было моноэтничным, высокий уровень неграмотности (в октябре 1924 г. процент способных написать фамилию составил 29,8%) также сильно тормозил бы его культурный, экономический и, безусловно, социальный рост [77, р. 208]. Интеллигенция Приднестровья была малочисленной, полиэтничной; отношение к ней со стороны партийных структур было потребительским: требуя от интеллигенции служения, руководство никогда не доверяло ей. Не отличавшаяся в своем большинстве достаточным образовательным уровнем, партийная номенклатура всегда опасалась интеллектуалов не только старой, «буржуазной» школы, но и своих, выпестованных выдвиженцев из рабочих и крестьян. Однако именно интеллигенция была способна по своему призванию вдохнуть жизнь в новорожденную МАССР, обеспечить необходимое функционирование республики, научных и культурных учреждений. Надежды возлагались на «выдвиженцев» и на молодежь, «новую» интеллигенцию, способную приобрести необходимые стране знания и навыки.

По подсчетам российского историка С.Волкова, чтобы из рабфаковца* сделать квалифицированного специалиста необходимо было 8-10 лет (при условии обладания начальным образованием) [157], а потому ожидать существенных сдвигов в составе национального слоя следовало нескоро. Б.Бомешко пришел к выводу, что в МАССР имел место парадокс: «Тысячи человек успешно заканчивали школы ликбеза, но через несколько лет вновь становились неграмотными. Они забывали выученное в школах, так как приобретенные знания и навыки оказывались ненужными в повседневной жизни. Не способствовал успешному обучению и принудительный характер привлечения к занятиям, практиковавшийся в некоторых селах...» [98, с. 51]. В итоге по данным переписи 1926 г. грамотное население автономии составило 36,9 %.

Нехватку учителей должны были восполнить Педагогические курсы (**Приложение 3**). Потребности народного образования росли: в 1928/29 учебном году школы I и II ступени нуждались в 187 учителях, курсы выпустили 79; в 1929/30 было нужно уже 331, выпустили 139. Причем неуклонно исполнялась линия на увеличение количества специалистов-молдаван, если среди выпускников курсов в 1929 г. их было 32, то в 1930 г. уже 68.

Молдобком в лице первого секретаря Ильина призывал: «Сегодня у нас ощущается особая потребность в инженерах, педагогах... давайте вырастим своих культурных людей, дадим свои культурные силы, выходцев из рабочего класса, бедняков, т.е. родных нам по крови, которые сумеют дать примеры и образцы как надо строить социалистическое отечество» [236, л. 20]. Однако специалист в области любой профессии - это еще не интеллигент. В общепринятом представлении интеллигенция - это специфическая категория людей, обладающая не только профессиональными навыками, но особыми нравственными признаками, роднящими их вне границ государств. Среди прочих и известных черт, следует особо выделить способность мыслить не по условиям, предлагаемым властью, а в рамках морально-качественных критериев, выработанных столетиями, т.е. интеллигентом может быть учитель, врач, рабочий, крестьянин или домохозяйка. При тоталитарном режиме «от Москвы до самых до окраин» самостоятельное мышление отменялось в числе первых, что не могло не отразиться на внутреннем самоощущении новой интеллигенции. Поэтому обществу навязывалось представление тоталитарной власти об интеллигентах как «специалистах», зарабатывающих на жизнь умственным трудом и не более.

* Рабфаковцы - слушатели рабочих факультетов (рабфак), учреждений народного образования, осуществлявших подготовку (повышение до среднеобразовательного уровня) абитуриентов вузов в 1919-сер.1930-х гг.

По нашему мнению, сложилась тенденция быстрого роста общей численности лиц умственного труда за счет выдвиженцев. Массовые назначения на должности интеллектуального труда людей, не получивших необходимого образования, происходил за счет привлечения в первую очередь членов партии. Такой подход облегчал высшему руководству проведение через своих представителей избранного направления во внутренней политике, но одновременно способствовал формированию партийной бюрократии и возникновению «комчванства» (высокомерия и зазнайства).

Система выдвиженчества среди источников формирования советской интеллигенции заняла особое место. Усилия режима постоянно направлялись на выдвижение в советский и хозяйственный аппарат представителей «в прошлом угнетенных классов» в качестве комиссаров, начальников, чиновников всех уровней. Принцип партийной и классовой принадлежности в МАССР дополнялся строгим соблюдением нужного процента национального выдвижения: за 6 лет (1929-1934) на руководящие посты в качестве председателей сельсоветов было выдвинуто 587 человек (в том числе 249 или 46,5 % были молдаванами); в райисполкомы секретарями и инструкторами 28 (14 молдаван) [76, р. 150]. Надо признать, что чаще всего они были беспомощны в новой среде и сфере деятельности и нуждались в поддержке «спецов», чтобы приобрести, хотя бы, начальные знания и умения. Ведь существовали такие области деятельности, где подобная некомпетентность выдвиженца могла сломать жизнь. Даже в те времена находились руководители, решительно протестовавшие против подобного пополнения штатов. Так, например, нарком юстиции МАССР Фролов секретной записке в ЦИК МАССР и Молдобком КП(б)У писал, что «вопрос о пополнении штатов Прокуратуры АМССР товарищами, лишь изъявившими желание работать в органах юстиции, никоим образом не может быть решен удовлетворительно. Из всех работников НКЮ АМССР лишь один... может считаться вполне квалифицированным... и уделить время и силы для квалификации двух совершенно неопытных товарищей не может...» [237, л. 17]. Отмечались случаи, когда, даже пройдя специальную подготовку, выдвиженцы не справлялись с работой, как, в частности, судья 15-го участка Ананьевского района Копиевская. Бюро Ананьевского райпаркома было вынуждено признать, что «она своими решениями дискредитирует суд в глазах населения... Решения ее, рассматриваемые в кассационном порядке Главсудом, совершенно безграмотны... Принимая во внимание, что тов. Копиевская пробыла на 9-ти месячных Юркурсах, что в течение 3-х месяцев практики она не продвинулась ни на один шаг вперед... стоит вопрос о снятии...» [237, л. 34]. В отчете о чистке советского аппарата 1929 г. отдельно указано: «А вообще специалисты, прошедшие чистку, за малым

исключением, не представляют особо большой ценности, в среде их большой % самоучек, что свидетельствует о низкой квалификации...». Видимо, подобные кадровые неудачи особо стимулировали кампанию по самообразованию среди партийных и беспартийных выдвиженцев, проводившуюся с октября 1925 г. Было замечено, что «идея самообразования в среде крестьянских и рабочих масс прививается шире, чем можно было ожидать...» [238, л. 8]. И все же, как и в целом по стране, выдвиженцы занимали те посты, где их главной задачей было проведение линии партии, например, в промышленности, преобладали они среди руководителей трестов, заводов, Советов всех уровней и т.д., учреждений, служба в которых не требовала обширных специальных знаний. В первую очередь преимущество отдавалось лицам, окончившим совпартшколы или имевшим солидный трудовой стаж в партийных и советских низовых структурах, пользовавшихся доверием партийного руководства и органов безопасности. Так по итогам 1926-1927 гг. (из отчета Молдобкома) было выдвинуто 65 человек, среди которых 7 женщин (11 %). По социальному положению выдвиженцы были на 39 % рабочими, на 32 % - крестьянами, остальные 29 % - служащие; по «национальным признакам» молдаван было 29 %, украинцев 30 %, русских 19 %, евреев 18 %, прочих 3 %* (владеющих молдавским языком из них 43 %); 52 % - молодые коммунисты (с 1924 –1927 г.). Отмечено, что «из выдвинутых 33 на работу в областном и 32 - в районном масштабе, почти половина находится на непосредственно руководящей работе», а также «как достижение следует отметить, что 19 чел. - 30 % из выдвинутых пошли «по вертикали», т.е. прошли все ступени одной и той же отрасли работы». Согласно итогам, лишь 11 % выдвиженцев не оправдали себя [239, л.4].

По национальному составу среди сотрудников центральных учреждений молдаван было немного, кроме того, не все они владели родным языком. Как видно из таблицы **Приложения 1**, более всего национальных кадров трудилось в Наркомпросе (10 человек, только 1 из них знал язык) и НКВД (9 человек и 2 из них знали язык); в Наркомате юстиции их не было вообще (из 70 сотрудников, посещавших курсы, только 13 были удовлетворительно оценены, 32 человека курсы посещали мало и знаний не приобрели). Всего из 460 человек на 1 октября 1927 г. в составе центрального аппарата работало 37 молдаван (8 %), причем родным языком владели только 22 из них (5 %). Результаты обучения на курсах молдавского языка выявили, что из 401 сотрудника удовлетворительно освоить язык смогли 70 человек (15 %), слабо - 151 (33 %), ничего не знали, мало посещали

* Неточность документа: в процентном выражении общее количество составило 99 %.

курсы - 180 (39 %). Состав райисполкомов и подведомственных им районных учреждений (таблица **Приложения 2**) демонстрирует похожую картину: из 601 сотрудника молдаван - 79 человек (13,1 %), причем знающих язык - 54 человека (9 %). Результаты обучения молдавскому языку: удовлетворительно знали - 54 сотрудника (9 %), слабо - 115 (19,1 %), ничего не знали и мало посещали курсы - 299 (49,8 %).

К 1931 г. выдвижение приобретает уже иной размах, связанный с необходимостью «разрешения вопроса кадров из коренного молдавского населения». Поскольку «этот участок работы еще ждет разрешения и несмотря на неоднократные постановления партконференции и обкома о молдаванизации, о коренизации, полностью директивы не выполнены». На основании постановлений бюро обкома на работу в областные аппараты запланировано выдвижение 130 молдаван и 130 украинцев. Из выдвигаемых в областные и районные аппараты должно было быть:

По партийности: членов партии 30 %; комсомольцев 40 %; беспартийных 30 %. По социальному положению: батраков 20 %; колхозников 50 %; бедняков-единоличников 20 %; единоличников-средняков 10 %. По полу: мужчин 70 %; женщин 30 %.

Выдвижение проводилось во все аппараты: советский, профсоюзный, административный. Было рекомендовано продвигать людей по той линии, на которой они добились определенных достижений. Из впервые выдвигаемых батраков, колхозников, предложено выбирать не работавших на руководящей работе, а «показавших себя во время последних хозяйственно-политических кампаний» [240, л. 1]. Как видно из разверстки, 70 % выдвигаемых должны были быть членами партии и комсомола (т.е. политически определившимися); 50 % - колхозниками, а оставшиеся 50 % - единоличная беднота (демонстрация доброжелательности власти к еще не вошедшим в колхозы крестьянам). Очевидно также, что при выдвижении 1931 г. практически не оговаривалось наличие элементарной грамотности, но важна политическая активность как гарантия надежности в будущем. Практически аналогичное решение принимается Бюро по выдвижению молдаван в 1933 г.: с теми же процентными требованиями, отличие состоит лишь в том, что дано жесткое указание: «В областные аппараты провести выдвижение исключительно молдаван» [241, л. 67]. Степень соответствия занимаемой должности оставалась низкой. Отсутствие квалификации заменялось энтузиазмом, а организованное заочное партийное обучение тормозилось бешеным ритмом, заданным первой пятилеткой. При всем желании люди не могли вырваться из круговорота кампаний (посевных, прополочных и т.д.), не говоря уже о том, что немногие были готовы к подобной форме обучения. Этот и другие факторы привели к «почти полному срыву учебных конференций» 1933 г.

Укомплектованные группы заочников практически бездействовали. Вот характерный пример: один из инструкторов по заочному обучению обратился в Слободзейский райпарком с вопросом о группе заочного обучения, которая уже 4 месяца не подавала признаков жизни. На свое обращение он получил сакраментальный ответ: «Заочное обучение - безнадежное дело, да у нас нет подходящих людей. Их надо всех в ликбез отослать». В Дубоссарском районе просто заявили, что им некогда этим заниматься, в Тираспольском отказались обсуждать вопрос, мотивируя тем, что есть «более важные дела», Каменский район категорически отказался от занятий - «еще не закончена прополочная кампания». Общий вывод - хоть и созданы все предпосылки для обучения, занятия почти не проводятся, задания не выполняются, т.к. «заочникам на местах не дают для этого никакой возможности» [242, л. 4].

Новое поколение руководителей физически не успевало обрести черты интеллигента, занимающегося интеллектуальным трудом, ему приходилось «брать горлом» там, где не хватало образования и культуры. Оставшись на одном уровне с основной массой населения, выдвиженцы были лишены того авторитета, который обретал в глазах подчиненных человек знающий, способный разрешать возникающие проблемы без ссылок на трудности «текущего момента» и «генеральную линию партии».

Выдвиженчество было мало способно к руководству, не имело опыта организации работы, но ведь его главной задачей был контроль за соблюдением интересов власти, лояльностью населения. Неэффективность работы компенсировалась порой жесткостью методов и штурмовщиной.

Идея выдвиженчества, конечно, была перспективной, и могла дать прекрасные результаты в случае, если бы не превратилась в очередную кампанию системы, в которой благородная цель дать образование тем, кто был его лишен, и открыть новые возможности выходцам из рабочих и крестьян, была изуродована исполнением. Трудовой человек, выдвигаясь, едва успевал овладеть знаниями, когда уже должен был проводить линию партии и правительства теми методами, которые навязывались «сверху».

Формирование советской интеллигенции из рабоче-крестьянской среды означало для системы появление другой уже «непролетарской» социальной категории. Безусловно, это были перспективные думающие люди, но нельзя отрицать, что в массе вместо интеллигента-специалиста новой советской школы, формировался тип заурядного, среднего, но рьяного исполнителя.

Ш.Фицпатрик пришла к выводу, что интеллигенции «удалось в ходе революции и гражданской войны в какой-то степени сохранить целостность своей группы и острое

осознание своей принадлежности к ней» [114, с. 22]. По мнению современных исследователей, после гражданской войны старый образованный слой составлял не более 1,5–1,7 млн. человек. К 1921 г. учителями работали 2,7 % бывших помещиков, 3 % крестьян, 0,2 % рабочих, по 0,8 % военных и торговых служащих, 64,5 % учащихся, 28 % прочих (среди них преобладали духовенство и «буржуазия»). В МАССР в 1925 г. из 638 учителей было 3,5 % дворян, 4 % представителей духовенства, 4 % служащих, 6 % рабочих, 72 % крестьян. Имели звание учителя 12 %; высшее образование имело 6 %, среднее - 64 %, низшее - 18 % [229, л. 3].

По уточнению С. Волкова, понятие «старые специалисты» не совпадает с категориями «служащих» и «прочих» по «социальному положению»* [157]. Изучив социальное строение советского общества, С.Красильников предложил рассматривать модель его социальной структуры, исходя из триады общностей: лидерные группы (номенклатура); базисные группы (устойчивые социальные или профессиональные группы); маргинальные группы (подвергшиеся дискриминации или прямым репрессиям). Перемещения между тремя группами рабочих и крестьян более или менее понятны: «выдвиженцы» попадали в лидерную группу, основная масса составляла базисную. Определенная часть рабочих пополняла и маргинальную группу в период террора, но в отличие от рабочих маргинализация крестьянства в годы коллективизации приняла такие размеры, что образовалась новая социальная категория - спецпереселенцы. Перемещения интеллигенции «носили отчетливый, классический характер: одна ее часть приняла участие в формировании новой власти (профессиональные революционеры - большевики, стали из вчерашних маргиналов ядром номенклатуры), другая часть заняла свое место среди базисной категории (без профессии врачей, учителей, инженеров не могли нормально существовать ни власть, ни общество). Однако, как и в случае с крестьянством, налицо была принявшая катастрофические размеры маргинализация как результат активно проводимой режимом искусственной селекции и реструктурирования общества – значительная часть «старой интеллигенции» - «буржуазные спецы» подвергались репрессиям и пополняли ряды маргиналов». В результате происшедшей, по выражению С. Красильникова, «рефеодализации», возникла новая советская сословность, в которой внятно выделились (по объему прав, привилегий и повинностей по отношению к государству) пять групп: номенклатура, рабочие («квазипривилегированное сословие»),

* Социальное положение - понятие, которое в 20-30-х годах включало в себя как социальное положение до революции, так и происхождение. Выходцы из низших сословий, получившие образование до революции, могли относиться советской статистикой к категории «рабочих и крестьян».

специалисты и служащие, крестьянство, маргиналы (остатки привилегированных сословий - духовенство, купечество, дворянство, спецпереселенцы) [155].

На первых порах старая интеллигенция пока еще играла ведущую роль, и большевикам приходилось с этим считаться. «Если во время гражданской войны «нейтральная» позиция интеллигенции, ее «аполитичность» получали молчаливое одобрение со стороны Советской власти как отказ от активной контрреволюционной борьбы, то с переходом к мирному строительству, с трансформацией общественно-политической обстановки в стране отношение к такой позиции изменяется», отметил А.Квакин [243, с. 25]. В программе РКП(б), принятой на VIII съезде в 1919 г. говорилось: «...задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве пропитаны буржуазным мирозерцанием и навыками...» [173, с. 52] Согласно программе, партия должна была, не делая политических уступок «буржуазным специалистам», но все-таки при этом «беспощадно бороться» с невежественным самомнением, будто «трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов». Опасность была в том, что интеллигент, благодаря знаниям, опыту, культуре мог стать объектом для подражания, авторитетом для сотрудников-выдвиженцев. Подражание «бывшим» было решительно недопустимо, а потому культивировались следующие суждения об интеллигенте: «Отвратительный тип отжившего класса, подхалим. Он сегодня пожимает руку нашему партийцу и старается низко ему поклониться, а на самом деле до глубины души ненавидит этого коммуниста, ненавидит все коммунистическое, что насаждают рабочий класс и партия» [114, с. 22].

Интеллигента старой школы трудно было убедить, что литература партийна, а нравственность носит классовый характер, не говоря уже о том, что возможно одно единственно верное мировоззрение. Это качество интеллигенции отчетливо понимал В.Ленин: «Их нам учить нечему, если задаться ребяческой целью «учить» буржуазных специалистов социализму: их надо не учить, а экспроприировать... их надо как слой или группу подчинить Советской власти» [174, с. 218]. Интеллигенция заняла свое особое место в рядах потенциальных врагов власти, в глазах режима любой представитель «бывших» привилегированных классов - потенциальный союзник реваншистов-эмигрантов. Даже занимая скромное подчиненное положение, оттесняемая от политической жизни, интеллигенция была опасна для власти, для которой интеллигент тем ценнее, «чем он безыдейнее», по словам Луначарского [192, с. 16]. В резолюции 13 партконференции,

прозвучало: «... поворот в сторону Советской власти широких слоев интеллигенции, будучи в своей основе глубоко политическим явлением, может иметь и отрицательные последствия, ибо увеличивает опасность идеологического окружения коммунистов. Борьба за идеологическую чистоту партии... является поэтому точно так же одной из очередных задач партии» [173, с. 501].

Утрированный классовый подход к образованному специалисту как к замаскированному врагу, ждущему удобного случая навредить, был тем оружием из арсенала власти, которое вынуждало интеллигенцию сторониться политики. Стремление политического режима подчинить собственному контролю все социальные институты и, в конце концов, пресечь любую попытку препятствовать этому, признано исследователями как одно из привычных проявлений тоталитаризма [244, р. 36]. Однако, не обладая сколько-нибудь значительным количеством такой изначально подконтрольной интеллигенции, власть на первых порах была вынуждена временно мириться с преобладанием классово-чуждых элементов практически во всех сферах умственного труда. Население страны по-прежнему состояло на 80 % из беспартийных крестьян.

Касательно МАССР, интеллектуалы старой школы представляли собой весьма малочисленное образование. По данным Отчетного доклада ЦИКа МАССР на 1.01. 1926 г. по отдельным отраслям труда были следующие показатели: 148 человек - работники транспорта; 663 человека - в обслуживании связи; 950 человек - работники умственного труда; 1082 человека - работники промышленного труда; 11683 человека - чернорабочие. Отмечено и количество безработных - 14526 человек [245, л.12]

На первых порах приходилось сдерживать негативные настроения среди рядовых членов партии в отношении «буржуазных специалистов». На II Все молдавской партконференции, в докладе ЦКК, словно в извинение за такой подход, говорилось: «О спецах, здесь нечего греха таить, частенько бывает некоторый перегиб. Иногда хозяйственники перебарщивают в смысле чрезвычайно большой уплаты жалованья специалистам, получения жилья и т.д. Такие моменты у нас имеются, это сейчас раздражает тех или иных коммунистов, те или иные ячейки...» [246, л. 29]. В прениях прозвучало и мнение об отношении к руководителям-интеллигентам в рабочей среде: «У нас процветает режим недоверия к руководителям-интеллигентам. Рабочие считают, что они могут выступать как хотят, т.к. их все равно интеллигенты не посмеют критиковать» [246, л. 42-43]. При этом по сведениям на 1 января 1925 г., по социальному положению в самой Молдавской областной парторганизации «служащих и прочих» было соответственно 9,68 и 0,59 % [232, л. 49]. Действительно, в то время старым кадрам создавались более

приемлемые условия - режим понимал, что именно на них ложится бремя воспитания и подготовки молодых кадров, обучения и компетентной поддержки выдвиженцев. Поэтому можно считать ее (хотя бы отчасти) важным фактором в формировании советской интеллигенции 1920-1930-х гг. В Отчетном докладе правительства МАССР на II Всеболдавском съезде профсоюзов 1926 г. отмечалось с удовлетворением: «За последние годы между партией и рабочей интеллигенцией как-то: учительством, врачами, агрономами и друг. нет прений и проводим работу в полном с ними контакте, причем партия всегда идет навстречу их нуждам...» [247, л. 48].

Но уже в конце 1920-х гг., когда положение советской власти упрочилось, она перешла к политике вытеснения представителей старого образовательного слоя из сферы умственного труда. Происходило неотвратимое пополнение выдвиженцами мест в различных экономических, производственных, общественных и других структурах, с попутным избавлением от представителей «старой» школы с обвинениями в самых тяжких грехах перед партией, советской властью и народом. Уже появились первые выпускники вузов, техникумов и совпартшкол. Достаточно было сохранить некоторую часть наиболее квалифицированных специалистов для подготовки тех, кто придет им на смену и для работы на тех должностях, где полуграмотные выдвиженцы не могли справиться. В апреле 1929 г. партфункционеры отчитывались по спущенной из ВКП(б) директиве о чистке низового советского аппарата: «...3. Чистка выявила антисоветский элемент, засоряющий наш низовой и кооперативный соаппарат, как и выявила вообще политическое лицо советского сотрудника, в особенности сельской интеллигенции, формально-лояльно относящихся к мероприятиям Сов. Власти (учитель, агроном, врач и т.д.). При правильной дальнейшей работе по замене чистка безусловно оздоровит Соаппарат» [238, л. 10]. В этом же документе можно увидеть наметившуюся тенденцию преследования по социальному происхождению не только «старых», но и «новых» советских специалистов: «...Необходимо отметить довольно ненормальное положение в части отношения руководящего аппарата к специалистам. Тут чрезвычайная сумятица: бывают случаи, когда жандарм царской России у нас в советской экономике - является незаменимым специалистом (Совхоз имени Котовского) и наоборот, окончивший советский ВТУЗ - агроном - молодой специалист по коллективизации преследуется за то, что дочь дворянина (Тирасполь)» [238, л. 8].

Директива ВКП(б) всем ЦК Нацкомпартий, Облбюро, Крайкомам, Обкомам, Губкомам и Округкомам «О чистке средних и высших учебных заведений» указывала: «Считать... необходимым исключить из числа учащихся... учебных заведений, явно

засоряющих состав учащихся элементов по мере их обнаружения...». Предлагалось издать на местах специальное постановление по этому поводу, в основу которого нужно было положить и некоторые определенные условия, помимо, например, сокрытого уголовного преступления: «...б) намеренное сокрытие учащимся при поступлении в учебное заведение своего социального происхождения или социального положения; антисоветское поведение учащегося, выражающееся в соответствующих выступлениях...» [248, л. 5]

В 1929 г. была проведена перепись служащих и специалистов в масштабах всей страны. Она по состоянию на 1 октября охватила 825086 человек. Во время проведения переписи было установлено 74400 чиновников советской системы, которые в прошлом служили в старом государственном аппарате. В целом лиц «нежелательных» социальных категорий насчитали 174802 человека (57,7 %). С.Волков особо отметил, что представители старого культурного слоя составляли в союзных наркоматах около 80 %, причем существовала закономерность: «чем выше орган управления, тем выше среди его служащих процент представителей старого образовательного слоя» [157]. В МАССР, среди руководящих работников, согласно сводной таблице по итогам первой пятилетки (1928–1932 гг.), «служащие и прочие» составили 55,77 % (1343 человека), причем членов партии среди служащих было 33,58 % (225 человек) (**Приложение 4**)*.

Решение о ликвидации комиссий по «чистке» было принято в 1932 г. Снова была произведена перепись, которая должна была показать результаты проведенной кампании. В итогах переписи был выделен только процент рабочих, так как систему интересовало, насколько насыщен ими советский аппарат. Удельный вес старого образованного слоя и выходцев из него снизился, но «старая» интеллигенция продолжала составлять не менее половины всех служащих. Из специалистов с высшим образованием 11,3 % были рабочими, хотя 45,2 % специалистов с высшим образованием окончили вузы в годы I пятилетки, рабочих среди них было 18,8 % [157].

Одной из задач было добиться снижения доли служащих в партии и представительных органах. А.Северин, деловод сахарного завода в Рыбнице, подав заявление в партию в 1926 г., получил ответ о том, что социальный состав партии должен регулироваться и с принятием в партию придется подождать. Возмущенный этим, он в 1929 г. обратился с заявлением в Молдобком: «Ноябрьский пленум, подчеркивал значение роста партии в основном за счет рабочего от станка и вовсе не закрывает двери для «прочих» к числу которых к сожалению,

* Процентные подсчеты по таблице выполнены автором.

причислили и меня... Но теперь, когда я увидел, что ... приняли в партию инженера–химика, тут я уже никак не понимаю. Неужели он больше меня заслуживает быть в партии рабочего класса?» [249, л. 1-2]. Не обошлось без бюрократических курьезов и в отношении молодых специалистов, которые автоматически переводились в разряд служащих и оказывались в положении, подобном тому, что описал в своем письме в Молдобком учитель с. Чорна А.Баланюк: «... Я сын батрака, с 1920 г. в Комсомоле, был партизаном... Сейчас уже год как я работаю обществоведом в Чернянской 7 л. И ровно 1 год как я подал заявление о вступлении в партию... Мне пришивают «интеллигентский стаж», дело маринуется около года, я выполняю нагрузки по всем общественным работам, какие только на меня возлагаются с комсомольской совестью, прикладываю все свои знания и силы, но меня тревожит мысль, что ко мне уже отношение и со стороны райкома Комсомола и Райпаркома как «интеллигенту–чиновнику» или чуждому элементу...» [249, л. 5]. Примечательная черта времени: своего представителя в интеллектуальной среде система уже относилась к категории чуждых, а значит потенциально ненадежных и опасных. Характерна и лексика, которую использовал учитель (!), излагая ситуацию – «дело маринуется», «пришивают» - это вполне наглядно показывает его общий уровень. Ведь это специалист сферы общественных наук, для которых правильная речь крайне важна. Боязнь, что с обретением диплома будет утрачено доверие «товарищей по классу» не была безосновательной. Вот как определялось к примеру, секретным циркуляром Молдобкома КП(б)У от 16.06.1931 г. направление действий в области кадровой политики в народном просвещении: «Нам нужны работники классово–выдержанные, могущие обеспечить проведение тех задач, которые поставлены в настоящее время социалистическим строительством...». И далее, среди конкретных указаний: «...4. Рассмотреть всех Завов и Завпедов с точки зрения обеспечения идеологического политруководства на предмет изъятия нетерпимых педработников и руководителей с работы, выдвигая на этот участок товарищей, выявивших свое классовое лицо в проводимых политхоз. кампаниях, энергично дравшись с классовым врагом...» [250, л. 16]. Подобные рекомендации были в духе общесоюзных акций по массовому размыванию интеллектуального слоя «практиками», что со временем должно было выразиться в ощутимом преобладании специалистов - выходцев из рабочих и крестьян в сфере интеллектуальной деятельности. Снова подчеркнем, что в результате часто страдали «свои» кадры с революционным прошлым, оказавшиеся в положении неблагонадежных из-за перехода в категорию «служащих и пр.».

«Нетерпимость» старых специалистов к власти выражалась, как правило, в виде нелюбезных собственных мнений. Среди примеров подобного неприемлемого

поведения - заседание медицинской секции I-го Всеомолдавского слета трудовой интеллигенции, проходившего 23 августа 1930 г. На нем ярко выступил А.Милеант (заведующий I-й Балтской больницей), заявивший, что к врачу-коммунисту относится более отрицательно, чем к рабочему-коммунисту (поскольку невозможно порвать со старыми врачебными традициями во имя идей). Доктор также посмел утверждать, что не понимает смысла социального подхода к больным и что истина едина для всех людей; указал, что частная практика не прекращается из-за порождения ее «ответственными работниками», которых приходится принимать на дому. Разумеется, речь доктора дружно осудили. Присутствовавших особенно возмутило, что А.Милеант аргументировал свое мнение цитатами из классиков марксизма (!). Доктор Архипова выступила с гневной отповедью: «...порой наши враги стараются свои контрреволюционные выступления прикрывать искажением великих и дорогих каждому рабочему учений и этим свести его ж с истинного пути на путь оппортунизма и контрреволюции...» Договорились до того, что у таких идеологически ненадежных специалистов молодые врачи «не в состоянии почерпнуть должное»; «нет единой истины для всех, ибо та истина, которая полезна для буржуазии, гибель для рабочего класса...» [251, с. 238]. Интересным примером может послужить, и докладная записка о работе Педтехникума (1931 г.), в которой отмечается «враждебно-классовая идеология», проявляемая преподавателем Ворниковым: «... на уроке Русского языка нужно было разобрать вопрос о подлежащем и сказуемом, на вопрос кто из студентов подберет предложение... было дано студентом действительно боевое предложение «коммунистическая партия - авангард рабочего класса». Это предложение бракуется - Ворников дает свое «предложенъице»: «В поле растут цветы» [252, л. 2]. Подобная вольность в учебном процессе могла обернуться серьезными последствиями - уже через несколько лет вплоть до обвинений в контрреволюции. Обращаясь к студенчеству, партфункционер И.Ильин призывал: «Давайте выбросим всех дряхлых, чуждых и враждебных нам, которые не хотят работать вместе с рабочим классом...» [236, л. 21].

«Оптимизация» социального состава интеллектуального слоя была одной из постоянных задач власти. И все же полностью устранить представителей старой интеллигенции не удавалось - для нужд государства требовался определенный минимум по-настоящему образованных и ответственных людей. В большинстве своем советский образовательный слой состоял из интеллигенции первого поколения. Исключение составили академическая и творческая среда, где преобладала доля потомственных интеллектуалов.

Новая советская интеллигенция поначалу была мала количественно и представлена в большей степени профессиональными революционерами с дореволюционным

образованием или маргиналами - выходцами из рядов «старой» интеллигенции, которые по разным причинам примкнули к новому строю. Но довольно скоро ее ряды стали активно пополняться молодежью, на которую режимом возлагались главные надежды, так как он остро нуждался в поддержке больше, чем в конструктивной критике.

Политический поворот 1928 - 1929 гг. в СССР был связан с последним всплеском открытой фракционной борьбы внутри партии. Сталин сумел сосредоточить власть в своих руках, а ответственность за просчеты в экономике частью была возложена на буржуазных спецов, о чем можно прочесть в резолюции Пленума ЦК ВКП(б): «Шахтинское дело подчеркнуло, что при наличии преобладающей массы добросовестно работающих специалистов до сих пор, особенно среди более привилегированных в прошлом элементов этой среды, имеются прямые проводники саботажа и вредительства... это дела еще острее поставило перед нами проблему подготовки новых кадров красных специалистов для промышленности и транспорта» [173, с. 112]. Позже, подводя итоги первой пятилетки, вождь снова предупреждал: «... оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, вского рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы... Задача состоит в том, чтобы вышибить этих бывших людей из наших же собственных предприятий и учреждений и окончательно их обезвредить» [253] .

С тех пор, как идеологический тон стали задавать Сталин и его окружение, партия и ее методы «подверглись неуклонной милитаризации». Области политики превращались во «фронты» - зерновой, плановой, философский, литературный... Задачи и проблемы становились «крепостями» - «нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики» [134, с. 378]. Возрождались политика гражданской войны с ее чрезвычайными мерами. Теория классовой борьбы и ее перманентного обострения по мере приближения к социализму стала главным содержанием официальной идеологии массового террора. «Обстановка потенциально возможной «гражданской войны»... создавала атмосферу, где... призывы к бдительности всегда падали на благодатную почву...» резюмировал Д.Волгогонов [52, с. 34-35]. Был отброшен один из центральных принципов официальной идеологии - сотрудничество классов и гражданский мир. Нэповская атмосфера относительной терпимости и многообразия культурной жизни осталась в прошлом, отвергнутая официально с ярлыком времени «гнилого либерализма». Классовая борьба стала главным содержанием новой эпохи, все сводилось к противостоянию

«красных» и «буржуазных» специалистов. По данным 1934 г., пополнившие народное хозяйство молодые специалисты, окончившие вузы после 1928 г. большей частью трудились Наркоземле - 106 человек, Наркомснабе - 73 человека, Наркомпросе - 28 человек (таблица **Приложения 5**). Республике по-прежнему хронически не доставало представительства титульной национальности во всех звеньях народного хозяйства и государственного аппарата.

Новая интеллигенция, создававшаяся в спешке, мало отличалась по культурному уровню от основной массы населения. Ее судьба складывалась сложно: она физически не успевала осознать своих социальных задач. Основная причина этого была в том, что система не требовала этого, государству были нужны работники, способные решать конкретные проблемы без рассуждений и выражения собственного, отличного от генеральной линии, мнения. Новую интеллигенцию отличала благодарность власти за образование и продвижение по служебной лестнице. Нужно признать, что в годы первых пятилеток многие успехи были связаны с энтузиазмом и беззаветной самоотдачей молодых специалистов. Тоталитарная система вложила в термин «интеллигенция» свое понимание, а потому предпочла называть ее «трудовой», отделяя от всей остальной «прослойки».

Политика высшего руководства СССР и методы ее проведения в отношении интеллигенции носила тотальный характер на всей территории страны. Разница состояла лишь в тех оттенках ее, которые были связаны с региональными особенностями, привязанными к внешнеполитической линии режима.

Основу кадрового корпуса республики (и особенно в области культуры) должны были составить в первую очередь этнические молдаване. При посылке в вузы Молдобком настоятельно рекомендовал отдавать предпочтение им. Но для того, чтобы посылать людей в высшую школу, необходимо, прежде всего, обеспечить им соответствующую подготовку. Нужны были школы, учебники, программы, главным образом, профессиональные педагоги, владеющие молдавским языком. В «Тезисах по Отчетному докладу ЦИКа МАССР» (1926 г.) по поводу «педагогической подготовки учителей» отмечено, что «из 778 учителей...в повышении педагогической квалификации особенно нуждаются работники в национальных школах» [245, л. 14].

Вопрос о статусе языка был постоянным поводом для споров. Общий уровень руководителей советского государства не всегда позволял им разбираться в тонкостях, которые выступали поводами для расхождения во мнениях о происхождении народа и его языка. Специальных научных исследований никто не проводил, власть действовала по упрощенной схеме, привязывая идеи марксизма к национальной почве любого региона

СССР. Проводилась целенаправленная пропаганда, которая вторгалась в сложившиеся традиции, не учитывая самоидентификацию коренного этноса, роль и значение функционирования и преемственности языка. Игнорировались достижения исторической науки прошлого, тем более, что страна писала «новую, передовую историю». Правда, авторами отредактированных учебников были уже не столько ученые, сколько вождь, лично указывавший на необходимость вписать и извлечь кого-нибудь или что-нибудь из современных летописей. Все зависело от текущего момента. То, что происходило в целом по СССР, для национальных республик было образцом для подражания. Поэтому, ориентируясь на директивы центра, основная линия Молдобкома была направлена на «развитие молдавского народного языка», а не румынского, «являющегося в силу целого ряда исторических условий непонятным молдаванам» [226, л. 1]. Это положение «молдаване - не румыны» распространялось на все сферы культурной и общественной жизни. Оно фактически призывало отделять «свои» историю, культуру, достижения в науке от «чужих». Единство исторических корней населения должно было раздробиться. Отсюда проведение разделительной линии: одна часть МАССР и Бессарабии, другая - Румынии. Языку предстояло «обогатиться» за счет включения новых слов на основе народных корней, интернациональных слов, «привившихся благодаря революции».

К новому 1928/1929 учебному году молдавские школы должны были целиком перейти на молдавский язык, хотя не хватало школьных зданий и не было нужного количества учителей. Организованные в срочном порядке курсы выпустили 100 человек, обеспечив школы на 70%. В «Краткой докладной записке по вопросу народного просвещения АМССР» говорилось: «...были приняты меры к нормальному разрешению вопроса подготовки кадров интеллигенции, были реорганизованы 3-х годичные педагогические курсы для подготовки учителей младшего концентрa, молдавский Педтехникум реорганизован в высшую Педагогическую школу для подготовки учителей 2-го концентрa* и будет продолжать организовывать курсы скороспешные для пополнения недостающих кадров... Молдавских грамотных кадров способных стать учителями...в природе не существует, частично если и есть, то эти лица по своей идеологии являются не нашими (дети попов, кулаков). Поэтому НКП не пошел по линии наименьшего сопротивления в смысле привлечения этих кадров к преподаванию...». Как видно, никакие

* Программы советских школ в этот период состояли из I (4 года) и II (5 лет: 1 концентр - 3 года, 2 концентр - 2 года) ступеней. Концентр - принцип организации обучения по замкнутым циклам, причем каждый последующий этап (концентр) предполагал обучение на уровне большей сложности и объема учебного материала. Преподавание должно было соответствовать качественно.

трудности не могли заставить режим отступить от задачи соблюдения идейной чистоты советской педагогики, даже - качество преподавания: «Наркомпросом был сознательно снижен образовательный ценз для вступающих на молдавские курсы, выигрывая зато на социальном положении, но все же не допустил задерживания темпа открытия школ...» [254, л. 29, 30].

Докладная записка рапортовала и о количественном росте Союза писателей: «Писатели за исключением небольшой группы работников центральных учреждений, являются из крестьянской молодежи по социальному составу бедняцко-средняцкой. Среди писателей партийный и комсомольский состав доходит до 40 %... Писатели, конечно, не имеют еще соответствующего культурного уровня, ни писательской техники, ни оформленного коммунистического мировоззрения, поскольку эти товарищи недавно вышли из села и многие дальше пределов своего района не бывали...» [254, л. 29]. Характерная черта времени: люди, едва владеющие грамотой, пусть даже очень одаренные, нуждались, прежде всего, в образовании и всестороннем культурном развитии, а из них уже лепили в спешке «инженеров человеческих душ»

Не лучше обстояли дела и у Молдавского Научного Комитета. В 1933 г. согласно отчету о национально-культурном строительстве в МАССР на волне кампании по борьбе с буржуазным национализмом, в МНК было выявлено «кубло националистических элементов». В библиотеке комитета был обнаружен «различный хлам и библиографическими редкости» [255, л. 18] и не оказалось произведений Маркса, Ленина и Сталина, что довершило общую картину разложения и особенной «засоренности» классово-враждебными элементами. Основные затруднения были не только в отсутствии штатов и финансов, но и в том, что не было «молдавских научных кадров, настоящие молдавские научные силы являются просто людьми с высшим образованием, в большинстве своем бывшие педагоги, которые взялись за работу, не имея навыка вообще в этой работе и, главное, не владеющие марксистской идеологией...» [255, л. 23]. И снова проблема упиралась в идеологический фактор, из-за которого в дальнейшем вся деятельность Молдавского Научного Комитета рассматривалась прежде всего с позиций недоверия и подозрительности.

К социальному составу учебных заведений вообще местные власти относились серьезно - нужны были благонадежные, социально соответствующие кадры. Наркомат просвещения отмечал в докладной записке свою решительную борьбу «за улучшение социального состава»: в 1928/1929 учебном году среди слушателей профтехшкол было 1,5 % зажиточных, 8,7 % кустарей, 39,3 % служащих, 7,8 % прочих и 5,8 % рабочих, 10,9 %

средняков, 20,6 % бедноты, 0,9 % батраков. Зато к новому набору 1929/1930 учебного года, согласно директиве по максимальному привлечению рабочих, батраков, крестьянской бедноты, соотношение было следующим: батраков - 2,26 %, рабочих - 23,42 %, освобожденных от сельхозналога - 20,7 %, селян, платящих сельхозналог - 26,58 %, кустарей - 5,8 %, служащих - 12,1 %, детей спецов, учителей и пенсионеров - 9 %. В 1929/1930 учебном году социальный состав Педкурсов и Педтехникума был следующим: рабочих - 0,66 %. Батраков - 3,95 %, крестьянской бедноты - 82,89 %, средняков - 11,19 %, прочих - 1,31 % [254, л. 30]. Ускорение темпов и снижение образовательного ценза принесли свои плоды: согласно плану пятилетки ожидалось 36 специалистов, а фактически подготовлено 218 человек, и по национальности большинство составили молдаване (таблица **Приложения 3**). Остается только предполагать, каким был общий профессиональный уровень «скороспешно» подготовленных специалистов, но результаты их деятельности впоследствии заполнили высшие учебные заведения страны, где бывшие учащиеся школ изумляли своим невежеством. В 1930/1931 учебном году секретный циркуляр Молдобкома отмечал слабый качественный уровень имеющихся кадров, но при этом все равно рекомендовал избавляться от «нетерпимых» педработников.

Политическая целесообразность тоталитарным режимом ставилась выше качества преподавания. Секретарь обкома И.Ильин, выступая перед студенчеством, определил линию власти так: «... Нет науки бесклассовой, нет науки ради науки. Наша наука есть марксистское понимание и на этом понимании мы и хотим воспитывать наши кадры и этого марксистского понимания мы требуем от наших педагогов, даже от специалистов–некоммунистов...» [236, л.21]. Подобное мнение секретаря Молдобкома отражало настрой всего руководства автономии в период становления образовательной системы в МАССР.

Вся эта образовательная деятельность шла в одном ритме с общесоюзной гонкой за общими показателями, когда число учащихся и учебных заведений многократно возросло, а преподавателей катастрофически не хватало. Немногочисленным старым кадрам не давали работать, занимаясь поиском в их рядах остатков «зиновьевско-троцкистских подонков». Об успехе в выявлении таковых в преподавательской среде и свидетельствует докладная записка ЛКСМУ: «В Тираспольском с/х институте долгое время проводил работу петлюровец контрреволюционер - Бородай, скрывавшийся под маркой лектора... Подготовив себе среди отсталых слоев студенчества соответствующую почву и завоевав авторитет и репутацию «своего лектора» и «хорошего человека» Бородай на лекциях и беседах начал клеветать на Советскую власть и опорочивать линию партии...» Особо

возмутило авторов записки, что другие лекторы и студенты встали на защиту коллеги и преподавателя и долго отказывались признать это свое поведение как ошибку [252, с. 198].

Докладная записка о национально–культурном строительстве в МАССР (1934) с сожалением отмечала, что «очень низка партийная прослойка в составе учащихся». Из 149 студентов педагогического и сельскохозяйственного институтов всего 15 членов партии и кандидатов на вступление в нее (3,5 %), недостаточным оказалось и рабочее ядро в этих вузах - 45 (10,8 %). Еще хуже были показатели по техникумам - в 8-ми из них только 25 партийцев (1,9 %), 488 комсомольцев (36,4 %), что «безусловно недостаточно». Данные о преподавательском составе вузов и техникумов указывали на незначительную прослойку преподавателей из рабочих по вузам 14 % и техникумам 13 %, недостаточны и партийно-преподавательские кадры: в вузах членов партии 24 %, а в техникумах 8,8 %... В техникумах молдаван преподавателей 20,8 %...» [253, л. 11, 12].

В условиях тоталитарного режима, и наука становилась тоталитарной, бюрократизируясь и преследуя инакомыслие, на котором всегда и основывался прогресс. Жизнь в ожидании ареста, в постоянном страхе за близких загоняла ученых в границы сталинских цитат.

Стремительные темпы в образовании в период 1-й пятилетки для МАССР были в какой-то мере оправданы - республика остро нуждалась в специалистах с высокой квалификацией. В вузы и на рабфаки направлялись десятки и сотни абитуриентов. Молдаване с высшим образованием вообще на вес золота. Как видно из таблицы **Приложения 5**, молодые специалисты, окончившие вузы после 1928 г., составили более половины ведомственной и отраслевой системы среди работников того же образовательного уровня, а выпускники со средним специальным образованием - почти 2/3. Можно отметить и отрасли народного хозяйства, куда было направлено наибольшее количество выпускников - это земледелие, снабжение, коммунальное хозяйство, финансы, легкая промышленность. Просвещение, юстиция, здравоохранение оставались на вторых ролях, приоритет имела экономическая сфера.

По результатам первой пятилетки количество служащих значительно возросло, как заметно по таблице **Приложения 4**. Эти данные свидетельствуют как о росте бюрократизации, что было характерно для советской системы, так и о смене статуса за счет «перешедших» из одной социальной категории в другую представителей «прежде угнетенных классов». Они олицетворяли собой «трудовую советскую интеллигенцию», еще достаточно молодую и перспективную. Ее отношения с властью раньше строились как бы в виде опеки. Государство твердо выводило рабоче-крестьянскую молодежь и

выдвиженцев на новый, необходимый для решения экономических задач, путь. Теперь же ей предстояло оправдать доверие и средства, затраченные на нее, возместить их трудом и абсолютной преданностью. Система воспитывала советскую интеллигенцию методом кнута и пряника, совершенствуя ее на свой вкус. Интеллигенция МАССР такая разная по происхождению, воспитанию, образованию и национальности испытала на себе все приемы тоталитаризма от заигрывания по необходимости до устрашения.

2.3. Выводы по главе 2

1. МАССР - государственное образование, появившееся в качестве убедительного политико-пропагандистского обоснования территориальных претензий СССР. При этом не играло никакой существенной роли то, что из одиннадцати районов автономии можно было отметить более или менее выраженное присутствие титульной национальности лишь в пяти.

2. Специфические черты советского тоталитаризма в полной мере проявились в его политике по отношению к МАССР. Задачи, поставленные перед партийным руководством автономной республики, должны были быть решены в короткие сроки, при обязательном участии во всех государственных кампаниях. Строго выполнялись все директивы центральной власти в отношении чисток партийной организации, советского аппарата и образовательных учреждений от социально чуждых элементов. Поощрялось выдвижение национальных кадров в рамках программы на коренизацию, несмотря на проблемы их неграмотности и нескрываемой религиозности.

3. Распространение на молдаван Приднестровья государственной национальной политики периода становления тоталитаризма происходило в форме постоянного стимулирования ускоренного культурного развития (в рамках идеологии режима) столь важного для решения политических и экономических проблем страны. МАССР, наряду с другими регионами охватывалась планами индустриализации, но как можно увидеть из приведенных выше данных, не была способна обеспечить себя необходимыми кадрами даже на первом этапе в виду своей ярко выраженной сельскохозяйственной специфики и внушительного количества неграмотных, а, следовательно, неквалифицированных рабочих рук.

4. Одними из главных проблем национально-культурной политики становились две, наиболее насущные: объединить и мобилизовать приднестровскую интеллигенцию для решения насущных задач и создать молодую молдавскую интеллигенцию. Достижения молдавской интеллигенции стали бы ярким доказательством успешности государственной

национальной политики, разумеется, при условии соблюдения основных правил политической системы (подчинение руководящей линии партии, согласие с идеологическими установками, полная подконтрольность центру и его пониманию местных проблем). Однако, в ходе очередной политической кампании в Молдавском Научном Комитете было выявлено «националистическое кубло», и это не могло не отразиться на результатах деятельности его научных сотрудников. Первые итоги их работы были оценены предвзято, без учета малоопытности и сложного положения, в отсутствии поддержки власти.

5. Также, как и по всей стране, проблема нехватки квалифицированных специалистов решалась за счет «буржуазной» интеллигенции и «выдвиженцев». Выдвиженчество могло выявить немало ярких индивидуальностей, которые обладали и тягой к обучению и организаторскими способностями. Однако бешеный ритм сталинских пятилеток, физически не оставлял времени на успешное сочетание руководящей работы и самообразования, а потому, в лице выдвиженцев режим чаще приобретал активных исполнителей директив. Массовые назначения членов партии и национальных кадров на руководящие должности без необходимой подготовки вели к падению авторитета власти у населения.

6. Местные власти были вынуждены опираться на интеллигенцию старой школы, ибо только она могла помочь ей в создании новой «пролетарской» интеллектуальной силы. Поэтому приходилось временно отходить от политики недоверия к практике сотрудничества со старыми кадрами, преодолевая классовую подозрительность. В новой социальной структуре советского общества, созданной политическим режимом «старая» интеллигенция все-таки вошла в базисную группу, поскольку без ее профессиональной деятельности невозможно нормального существования ни власти, ни общества. При этом она находилась под постоянной угрозой маргинализации в результате репрессий, которые были частью искусственной социальной оселекции, проводимой властью. Кампании по чистке, проводимые по директивам из Москвы, продублированным КП(б)У, рьяно проводились Молдобкомом, но полностью освободиться от интеллектуалов первого поколения было невозможно из-за острых нужд МАССР в профессиональных и опытных работниках.

7. Высокие темпы подготовки молодых кадров, взятые народным образованием МАССР, дали первые плоды уже к 1934 году. Однако это были специалисты в области экономики, а учреждения народного образования, например, по-прежнему оставались без пополнения, преподавателей не хватало. В отличие от выдвиженцев, молодая советская

интеллигенция не обладала сколько-нибудь значительным жизненным опытом и с историей страны знакомилась в интерпретации И.Сталина, моральными эталонами для нее были партийный лидеры, герои гражданской войны и т.д. Тоталитарная система сознательно исключала саму возможность преемственности между «старой» и «новой» интеллигенцией, тщательно следя за тем, чтобы образование, наука, литература не выходили за рамки советских догм.

3. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА В ОТНОШЕНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МАССР

3.1. Политика тоталитарной власти в отношении интеллигенции МАССР, её репрессивный характер и идеологические обоснования

Своеобразная трактовка понятия «диктатуры пролетариата» как подавления несогласных, стала ведущей в системе идей, брошенных в массы. Е.Гимпельсон отметил, что «партия учила относиться к человеку в зависимости от его классовой принадлежности. Терялось представление о том, что нравственно, а что безнравственно. Этому способствовало и отрицание религиозных ценностей, а также коммунистический постулат: нравственно то, что служит интересам пролетариата» [158, с. 63]. «Методы войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента...он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, ...он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором. Только с таким молодым человеком из крестьян, рабочих и полу-интеллигенции можно сделать коммунистическую революцию», констатировал Н.Бердяев [232, с. 113]. М.Найндорф дал свой психологический портрет: «Новый герой происходил из толщи народа, отличался личной неприязнательностью и дисциплинированностью, энтузиазмом в труде, беззаветной верой в справедливость и мудрость власти» [258]. Власть сортировала граждан, добиваясь безоговорочного подчинения и слияния индивида с режимом. Несвобода освобождала от личной ответственности - этот груз брал на себя вождь или коллектив. Российский ученый В.Михайленко констатировал, что одной из важнейших задач, которые поставил перед собой тоталитарный режим было - создание «нового человека» и гомогенного массового общества, а сплачивающим фактором этого процесса обычно служил внешний или внутренний враг, избранный «на базе расизма или социальной ненависти» [259, с. 185]. Создание идеального бесклассового общества так и осталось химерой, зато целенаправленная борьба за упразднение классов породила новые кастовые перегородки и заложила новые социальные «мины».

«Красный террор» обрушился на общество раньше своего официального провозглашения. ЦК РКП(б) в одном из выдвинутых на похоронах М.Урицкого лозунгах

четко обозначил будущую стратегию по отношению к «эксплуататорским классам»*: «Они убивали личности, мы убьем классы» [195, с. 40]. «Большевики... вполне отдавали себе отчет в том, что их реальными противниками в гражданской войне были не мифические «капиталисты и помещики», а интеллигенция - в погонах и без оных», отметил С.Волков, приведя слова М.Лациса (одного из руководителей ВЧК): «Юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и вся учащаяся молодежь... они-то и составляли боевые соединения наших противников...» [157]. Выступая 17 сентября 1918 г. на 7-й общегородской партийной конференции в Петрограде Г.Зиновьев заявил: «Мы должны увлечь за собой 30 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить - их надо уничтожить», ему вторил на XVI съезде ВКП (б) Л.Каганович: «Лучшие элементы из специалистов перевоспитать, привлечь на свою сторону, выгнать негодных и вредных, расстрелять, выслать в Соловки тех, кто занимается вредительством и срывает наше социалистическое строительство» [233, с. 130].

Ключевым положением идеологии начала 1930-х годов стала сталинская теория перманентного обострения классовой борьбы, которая была призвана прикрывать, кроме того, все провалы режима. Выступая 19 мая 1928 г. на VIII съезде ВЛКСМ, Сталин заявил: «Неверно, что у нас нет классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют. И не только существуют, но и растут...» [253]. Одной из важнейших задач становилось создание в обществе представления о внутренних врагах, действующих и, особенно, потенциальных. СССР обретал сущность «осажденной крепости», окруженной неприятелем, который через свою агентуру и «пятую колонну» намерен разрушить страну. Враги народа могли оказаться повсюду: в партийном, советском аппаратах, хозяйственных организациях, в РККА, вузах...

На июльском пленуме ЦК уже говорилось о «неизбежном» обострении классовой борьбы в связи с продвижением рабочего класса к социализму. По мере ужесточения классовой политики, в атмосфере доноительства, проходили чистки - партии, комсомола, РККА и безработных. Практика «чисток» партийных рядов утвердилась задолго до прихода большевиков к власти. В статье «Партийная организация и партийная литература» 1905 г. В.И.Ленин утверждал, что партия неминуемо распалась бы идейно, а потом и материально, если бы не очищала себя от членов с антипартийными взглядами. Кульминацией чисток «сталинского» периода были чистки государственного аппарата в 1929–1932 гг., и

* Эксплуататорские классы - бывшая социальная элита в расширенном понимании. В эту категорию включались также мелкая буржуазия и интеллигенция, за которой прочно закрепились такие определения как «прислужники», «приспешники», «пособники, тянущие руку буржуазии» и т.п.

генеральная чистка партии 1929-1930 гг., которые считаются «прелюдией и своеобразной репетицией массовых репрессий» 1937-1938 гг. [197, с. 97].

Молдобкому органами КП(б)У «спускались» директивы, указания и распоряжения центральной власти, обязательные для исполнения. Рекомендовалось брать под подозрение всех коммунистов, которые когда-либо выступали против генеральной линии и вождя. Все это происходило в условиях, когда каждый дельный служащий был жизненно необходим автономии. В «Отчете о чистке низового Советского аппарата в АМССР» 1929 г. были представлены данные по национальному составу служащих: 5,4 % - молдаван, 39,6 % - украинцев, 2,4 % - русских, 25,5 % - евреев, 6 % - прочих [238, л. 3]

«...На 15/IV проверено по 11 районам 4847 человек, из них выбранных 588. Снято 330 человек или 7,78 %... Специалистов - 16 человек...Причины, по которым вычищены из Соваппарата: за искривление классовой линии - 43 человека; за связь с кулачеством - 82; за вредительство - 15; за бандитизм в прошлом - 9; бывших полицейских - 15; за антисоветские выступления в настоящий момент (срыв кампаний) - 12; бывших помещиков, предпринимателей, спекулянтов, лишенцев в настоящее время - 45; за грубое обращение с населением - 29; за волокиту и невыполнение директив - 25; за бесхозяйственность - 26; за взяточничество - 9...» [238, л. 4].

Учитывая, что большой массив источников по МАССР был утрачен, существует небольшая надежда узнать, в какую из категорий в ходе подобных акций власти был включен «вычищенный» из партии и из Советского аппарата один из основателей, и первый председатель колхоза «Красный интенсивник» Борис Дмитриевич Христодуло-Финити [203, л. 1]. Уроженец г. Измаила, по происхождению - дворянин, участник коллективизации, он во время голода раздал хлеб из колхозного закрома. В соответствии с подходами этого периода его могли включить в категории: вредительство; антисоветское выступление или просто припомнить как «социально-чуждому элементу» дворянское происхождение.

В МАССР (как и по всему СССР) каждый гражданин, заполняя «Личный листок по учету кадров», должен был подробно ответить в 14 и 26 графах: «Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда)»; «Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств» [260, л. 1,3]. При составлении списков подозрительных, в Одессе, например, решили во время «изысканий» в партархивах, разбить реестр на несколько граф: указание на старые ошибки; местонахождение, род занятий и поведение на данный момент; рекомендация «изолировать» или применить другие санкции [160, с. 49].

Страну втягивали в большую чистку медленно. В мае 1935 г. было разослано письмо ЦК ВКП(б) о беспорядках в учете, выдаче и хранении партийных документов. Письмо требовало навести порядок и исключить возможность проникновения в партию чуждых элементов. Для эффективности помощь организациям должен оказать НКВД. О.Хлевнюк приводит в своем исследовании следующие данные: «Помимо сборов компрометирующих материалов на коммунистов (а только НКВД Украины всего за несколько месяцев - к декабрю 1935 г. предоставил партийным органам такие досье на 17368 человек) чекисты брали на учет всех исключенных из партии и организовывали за ними агентурное наблюдение. Многие потерявшие в ходе чистки партийный билет под разными предлогами были арестованы. По неполным данным, только на 1 декабря 1935 г. в связи с проверкой партдокументов было отобрано 249 тысяч партийных билетов» [160, с. 57]. Тысячи рабочих и колхозников были исключены за так называемую «пассивность», хотя в действительности они просто работали, не привлекая к себе особого внимания. Категория исключенных за подобный проступок составила 23,2 %. Гонений не избежали ветераны, вступившие в партию в 1917–1920-х гг. Место уничтоженной большевистской партии заняла новая партия с новым составом и новым духовным обликом.

В момент назревания политических кризисов, власть провоцировала очередные нападки и преследования «буржуазных специалистов». Тоталитаризм, нацеленный на создание новой общественной системы, представлял ее в как слияние одного вождя, одной партии, одного народа во имя осуществления единой цели. Наступало время, когда он уже не терпел пассивной лояльности. «Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью...» [261, с. 99].

Произвольный террор через нагнетание атмосферы страха и беспомощности перед системой вынуждал людей приспосабливаться к ней: вера в социализм стала оборотной стороной страха: «Режим умело, когда это было нужно, создавал ситуацию массовой истерии и психоза, которые давили своей агрессивностью... Помимо страха возникало жгучее чувство абсолютной бесперспективности какого-либо сопротивления...» [209, с. 156]. Изоляционизм как одна из сторон сталинской стратегии внутренней политики выводил мыслящую личность за рамки системы как потенциально опасную. В итоге сложилось общество, каждый гражданин которого вполне рационален - когда речь идет о житейских или технических

вопросах, но живет по законам мифа, когда речь идет о политических и идеологических вопросах.

В сравнении с царской социальной политикой, в которой деление населения происходило по вероисповеданию, в СССР каждая национальность оказывалась под пристальным вниманием. Это было предопределено стратегическими планами, которые предусматривали создание мощной монолитной державы. «Реинкорпорация Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии имели не только «геополитическое значение, но и политико-идеологический смысл. Москва получала реальную возможность доказать всему миру, и в первую очередь великим державам, что историческая правда - на ее стороне и что границы ее имперских владений незыблемы» [230, с. 191]. Появление МССР в ряду других национальных республик стало финальной точкой в недолгой истории существования МАССР.

Главной задачей государственного строительства в МАССР было продемонстрировать (хотя бы формально) национально-культурное развитие титульной национальности. Счастливая будущность молдаван должна была быть очевидна, то есть были необходимы весомые результаты. Изначально власть, как уже было сказано, пыталась представить республику как национальную по количеству и представительству титульной нации. Но, логика простых подсчетов не давала ей оснований ни показать преобладание молдавской нации, ни ее политическую волю, ни элементарную готовность к ней. К сожалению, в это время (нельзя не признать эти последствия имперской политики до 1917 года и войн) молдавская часть населения Приднестровья отличалась религиозностью и малограмотностью. Трудно было ожидать ощутимого скачка в короткие сроки. Подобный неутешительный прогноз мог сделать любой человек на уровне руководства, которому были доступны цифры, предоставляемые постоянно сводками и докладами из региона, что показывают приведенные таблицы.

С конца 20-х гг. Сталин стал вкладывать в понятие «национал-уклонизм» особый преступный смысл. Опасный опыт самостоятельности, приобретенный многими регионами, прежде входившими в состав Российской империи в период гражданской войны, (по мнению вождя) мог побуждать их к сепаратизму в будущем. Памятные дискуссии о Конституции СССР подпитывали это убеждение. Исходя из концепции усиления классовой борьбы по мере приближения к социализму, Сталин приписывал «правым уклонистам» стремление к реставрации капитализма в СССР, а «национал-уклонистам» - смыкание с интервенционистами, ставившими своей целью расчленение СССР и восстановление эксплуататорского строя. Опасность местного национализма

Сталин видел в том, что «он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам... Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия, необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР» [182].

Под понятие «национал-уклонизма» подводились любые действия политического руководства республик и автономий, в которых усматривались преувеличение значения отдельных национальностей или рецидивы великорусского шовинизма. В 1926-1928 гг. были разгромлены «правые националисты» Казахстана, Узбекистана, Армении, которых обвинили в выпячивании особенностей своих этносов, стремлении расширить суверенитет в решении внутренних дел.

На особом счету у генсека была Украинская ССР (он не забыл особого мнения украинского руководства по Конституции СССР 1924 г.)*. С.Николишин (представитель эмигрантской украинской диаспоры) еще в 1939 году выделил три периода в культурной политике большевиков в Украине: период русификации 1917-1922 гг., период украинизации 1923-1932 гг. и период советизации, начавшийся в 1933 г. [163]. Можно согласиться с подобной периодизацией, учитывая обстоятельства как внешние, так и внутренние, при которых осуществлялась национальная советская политика.

В 1923-1932 годах по замыслу политической власти, политика *коренизации* в национальных республиках должна была способствовать появлению новой этнической элиты рабоче-крестьянского происхождения, советской по самосознанию, на которую могло бы опереться политическое руководство СССР. МАССР была включена в этот процесс наряду с другими республиками, и так же, как все они, столкнулась со многими проблемами. Еще в 1925 году в «Общих выводах по информационному отчету Областкома» говорилось о главных недостатках, мешающих проведению национальной политики: «Во-первых малое количество коммунистов молдаван... 2) ничтожное количество молдавской интеллигенции...» [262, р. 44-45]. В «Тезисах по докладу на IV Молдпартконференции» 1927 г. прослеживается развитие ситуации: «Привлечение к работе уже имеющейся, крайне малочисленной, молдавской интеллигенции и всемерное содействие росту и развитию новой интеллигенции из ряда молдавского батрачества и бедняцко-средняцких групп села - является одним из серьезнейших моментов проведения национальной политики» [259, л. 1-2].

* Украинский ЦИК в 1923 г. предложил собственный проект Конституции СССР, направленный против принципа централизованной власти и отдававший предпочтение договорным отношениям, сохранявшим суверенитет союзных республик.

Для реализации задач по украинизации в УССР, к примеру, было даже позволено привлекать западноукраинскую интеллигенцию (галичан), которая ради блага украинской нации готова была работать даже в условиях «советской украинизации» [160]. Вопреки ожиданиям, на практике выходило, что предложенная политика далеко не стабилизирует обстановку на местах, а напротив, вызывает сопротивление и нескрываемое недовольство нетитульных этносов. И УССР и МАССР были многонациональными республиками и, в основном, ведущую роль в них играли те, кого намеревались подвергнуть «украинизации» или «молдовенизации». Сохранился проект статьи П.Киора «Национальный вопрос на Молдавии», в которой он написал о молдаванизации следующее: «Научились молдавскому языку лишь единицы, серьезно относившиеся к изучению языка и работавшие над собою... Основная же масса, проходившая изучение с перебоями, с пропусками, несерьезно относившихся, подчас злобно к изучению непонятого им языка - мало что приобрели, кроме бессвяного понимания отдельных слов... Мы имеем полное право, мне кажется, требовать от служащих, проходящих за счет государства 2 года изучение молдавского языка, если не знание (что очень трудно за 2 года), то хотя бы понимание письма и живой речи...» [263, л. 15-16]. Бывали и случаи, когда специалист мог работать на молдавском языке, но отказывался. В «Отчете ректора Высшей Коммунистической сельскохозяйственной школы за 1932-1933 г.» указано: «В текущем учебном году диамат на II курсе III-х г/отд. (т. ОЧИНСКИЙ) и История Молдавии - на всех группах (тов. БОГРОВ) - были прочитаны... на русском языке, хотя упомянутые т.т. - могущие вести преподавание на молд. яз. - отказались преподавать на молд. яз., мотивируя отказ, что им легче работать на русском языке...» [264, р. 158]. По всем имеющимся данным, основной штат бюрократического аппарата, профессорско-преподавательский состав вузов, инженерно-техническая интеллигенция были русскоязычными в большинстве.

В Харькове и в Балте при практическом проведении национальной политики пытались сделать все возможное, чтобы в короткие сроки найти и привлечь к работе всех, кто владеет украинским и молдавским языками, особенно среди членов партии. Для этого второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З.Лебедь призывал комиссию Политбюро ЦК КП(б)У «взять на учет всех членов партии, говорящих на украинском языке, и членов партии - коренных украинцев... выяснить указанных работников, говорящих на украинском языке, отозванных и откомандированных на территории других республик...» [163]. Молдавский обком КП(б)У в письме Организационному Отделу КП(б)У просил «при посылке мобилизованных работников в АМССР учесть их знание молдавского языка» [265, л. 45]. Однако возникали ситуации, в которых даже обращение главы Молдобкома не могло

способствовать тому, чтобы республика приобрела столь необходимые ей кадры. Так, в июле 1929 г. на просьбу оставить выпускницу Ленинградского Комвуза Максимову (уроженку Бессарабии, владевшую молдавским языком), был получен ответ Ленинградского обкома: «...согласно разверстки ЦК ВКП(б) Т. Максимова оставлена для работы в Ленинградской области и поэтому откомандирована в Ваше распоряжение не может быть» [266, с. 203]. Кадровый голод, особенно в 1920-1930-е годы также способствовал миграции специалистов разных национальностей. В МАССР, например, только в начале 1930-х годов, было направлено 367 человек из Российской Федерации, Украины, Кабардино-Балкарии, Туркестана и других мест. Всевозможные комсомольские стройки и прочие «фронты индустриализации» поглощали молодые силы наций, только 1930-1931 гг. из МАССР уехали на стройки Днепрогэса - 500, Донбасса - 750, Днепростали - 200 молодых людей [263, л. 31]. Это было в стиле сталинского руководства - с одной стороны поощрять развитие этносов и одновременно делать все возможное для отрыва их от родных мест. При этом власть не снимала с повестки дня вопроса о молдовенизации и создании молодой молдавской интеллигенции, в провалах которых фактически была виновата сама.

Развитие национальных культур в условиях тоталитаризма всегда находилось в состоянии балансирования, когда один шаг мог привести к обвинению в национализме. Сталин в своих выступлениях на XVI и XVII съездах ВКП(б) связывал теорию обострения классовой борьбы с обострением национальных трений, а уклоны в партии с великодержавным шовинизмом или местным национализмом. Такая установка вождя провоцировала погромы тех элементов общества, которые будто бы препятствовали продвижению к социализму. Национальное начало рассматривалось «как важнейшее препятствие на пути интернационального единения народов на принципах классовой солидарности и классовой борьбы» [194, с. 10]. Социокультурная программа была основана на систематической идеологической обработке, большевизации и советизации всех аспектов жизни.

В случае УССР центральное руководство постоянно испытывало некоторую тревогу, и уже в 1926 г., заметно обеспокоилось в связи с деятельностью, развернутой наркомом просвещения Шумским в области украинизации пролетариата: «Шумский считал необходимым украинизировать пролетариат в целях «смычки» его с крестьянством и нейтрализации воздействия на эти массы «буржуазной интеллигенции». Кроме того, Шумский считал явно недостаточными темпы украинизации партии, обращая внимание прежде всего на низкую численность украинцев в партии» [163]. Дело дошло до личного вмешательства Сталина, обратившегося с письмом Л.М.Кагановичу и другим членам

Политбюро ЦК КП(б)У с письмом о «теневых сторонах украинизации»: «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком - украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей... Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения - ленинизма» [163]. В результате А.Я.Шумского на посту сменил Н.А.Скрыпник, а в политический обиход вошло понятие «шумщина» как уклон в сторону буржуазного национализма. Но в МАССР от перспектив такого перегиба сразу отмежевались, поскольку, мнению того же П.Киора, подобного в автономии быть не может: «...если на Украине в силу разных исторических условий, дело развития украинской культуры до революции находилось в руках шовинистических мелкобуржуазных группировок и партий, и что если даже влияние их передавалось уже в послереволюционное время в ряды КП(б)У, - то в наших молдавских условиях мы имеем большой исторический козырь. Дело развития молдавской культуры попало сразу в руки отдельных партийцев, которые под руководством Обкома, группируют вокруг себя молдавскую интеллигенцию, комсомольцев, селькоров и т.д. И по сему весьма странно, когда некоторые наши товарищи усматривают в выступлениях партийцев молдаван «Шумщину» и т.д. Фактически же темп молдаванизации так медленен, наши партийцы молдаване даже рта не открывают по вопросам нацполитики, боясь подобного рода обвинения. Наоборот, их надо всячески активизировать. Огонь надо сейчас открыть по сопротивляющимся молдаванизации, а не по товарищам, стоящим за усиление темпа молдаванизации. «Шумщина» у нас не имеет пока никаких социальных и прочих корней. Как известно Шумский стоял за «Западную ориентацию», т.е. за то, против чего мы боремся в молдавских условиях (Румынская ориентация)» [268, р. 70-71]. Заметим, что позже (при переходе автономии на латинский алфавит) П.Киору это мнение припомнили.

С момента образования для МАССР одной из очевидных трудностей был вопрос о том, какой путь развития местной национальной культуры и языка избрать. С одной стороны, создание республики было прямо связано с будущим изменением границ СССР (как выразился И.Бадеев в ноябре 1927 г., «стоит вопрос: кто кого, румыны сюда или мы туда»), а, стало быть, важно сблизить левый и правый берег, приспособив язык молдаван автономии к румынскому языку, к которому вынужденно приобщаются бессарабские

молдаване (позиция «румынизаторов»). Но, с другой стороны, как заявил в мае 1931 г. на пленуме Молдобкома В.Затонский выступавший от имени украинского партийного руководства, нужно «поменьше здесь филологических тонкостей, потому что за этими тонкостями скрывается самая настоящая враждебная идеология», кроме того, «когда Румыния станет советской, в чем мы не сомневаемся, ...этот вопрос разрешится гораздо проще». Он коснулся и языковых проблем в «совершенно аналогичной» МАССР Карельской республике, где «нашлись многоумные руководители, которые решили, что ввиду малой развитости карельской культуры надо взять финский язык, и на нем строить Карельскую республику», но финская буржуазная культура развивается «по ту сторону», зачем же карелов «финнизировать»? Затонский даже посетовал: «Мы с товарищем Скрипником полемизируя имели возможность выступать и приводить Вас в пример, а оказалось, что у вас тоже такая история, приходится теперь Вам приводить в пример карельское дело...» [269, р. 113-114]. Секретарь Молдобкома И.Ильин, выразился совершенно определенно: в Советской Молдавии создается молдавская пролетарская культура и «расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры является могучим фактором революционирования правобережной Молдавии» [104, с. 47].

В результате в МАССР в перспективе обозначились два убедительных повода для борьбы с национализмом: государственных и советских деятелей, писателей, исследователей обвиняли либо в стремлении отделить МАССР от СССР, либо в чрезмерном увлечении специфическими чертами и особенностями молдавской нации. По воспоминаниям Г.Бучушкана (в 1926 г. был членом президиума ЦИК МАССР, затем наркомом юстиции, научным сотрудником МНК), «с самого начала моей работы в Молдавской республике я заметил, что основные работники знают друг друга уже давно и делятся на две группировки: бадеевцев и старовцев... Группировка Старого: Старый, Криворуков, Бубновский, Ботев и другие считали, что молдавский язык - не язык, а жаргон, молдаване не имеют своей культуры, а потому нужно ввести в Молдавии румынский язык и культуру... Группировка Бадеева (Галицкий, Богопольский, Раевич, Холостенко, Россинский и др.) якобы стояла за народный молдавский язык, на самом деле приписывали молдавскому языку то, что ему чуждо или создавали искусственно слова и пр.» [103, с. 68]. Периодически преобладала то одна то другая точка зрения: в конце 20-х годов победу одержали самобытники и политика «молдаванизации» активизировалась, однако приоритет был нарушен уже в 1932 г. Новый секретарь Молдобкома И.Плачинда-Спорош ознакомил членов бюро с решением ЦК КП(б)У о переходе МАССР на латинский алфавит. Как

отметил О.Галущенко, протокол заседания не содержит сведений об обсуждении выступления секретаря, «поскольку дискуссии просто не было. В то время все члены бюро разделяли взгляды самобытников. Единственным аргументом...было то, что это решение принял ЦК КП(б)У, а значит его надо выполнить» [104, с. 48]. В Постановлении Бюро Молдобкома КП(б)У теперь указывалось: «Латинизация молдавской письменности, которая проводится в интересах пролетарской революции по обе стороны Днестра - есть следующий этап развития молдавской социалистической по содержанию и национальной по форме культуры» [230, р. 147]. Иной реакции и быть не могло: к 1933 г. сталинская установка на централизацию власти, беспрекословное подчинение республик решению ЦК ВКП(б) была претворена в жизнь. Пирамидальная вертикаль всеобщего контроля над обществом пронизывала все социальные слои через систему партийных структур - союзной, республиканской и далее по областям, автономиям, краям.

В республику стали возвращаться уехавшие в конце 20-х годов «румынизаторы»*, Председателем СНК МАССР стал Г.Старый, общение с которым еще в мае 1930 г. не одобрялось (председателю областной контрольной комиссии А.Пудову пришлось за это публично отчитываться и уверять, что он не разделяет точку зрения Старого в вопросах национальной политики) [104, с. 47]. Самобытникам пришлось подчиниться новой линии, но в большинстве, они остались на своих позициях, выполняя партийное решение без особого энтузиазма.

Мы выделяем период 1932-1934 годов особо, поскольку именно в это время национальная политика советского государства была в полной зависимости от внешнеполитической обстановки. Переход от одной графики к другой (от кириллицы к латинице и обратно) был прямо связан с перспективой возвращения Бессарабии в границы СССР. В условиях «напряженного политсостояния» МАССР, вызванного голодом и нарастанием «эмигрантских тенденций», появлением повстанческих групп [271, р.136], должна была одновременно проводится кампания по латинизации. Во многих случаях это означало отбрасывание автономии назад, так как приходилось начинать обучение заново, ликвидировать неграмотность уже на новой графике, что запутывало и сбивало всех, кто лишь недавно стал грамотным на кириллице.

* В 1928 г. МАССР покинули Е.Арборе-Ралли, В.Попович, до них - И.Криворуков. В ходе латинизации возникло много проблем со шрифтом, с внедрением румынского литературного языка. Румынские политэмигранты - Е.Арборе-Ралли, Г.Гейнц-Каган, А.Дымбул, А.Залик, П.Корнелиу, А.Николау, Н.Плоештяну, приехавшие в МАССР как на постоянную, так и на временную работу, активно участвовали в латинизации, при поддержке Г.Старого и Е.Багрова.

Несмотря на все усилия, в 1932-1935 годах парторганизация автономии была вынуждена констатировать провалы в латинизации, связанные с откровенным саботированием ее мероприятий не только на местах, но и в центральном аппарате: «из 13 полученных «Молдснабсбытом» машинок - 8 используются не по назначению, в них вредительски выброшен латинский шрифт и заменен русским... Бюро Обкома отмечает полную бездеятельность Комитета по молдаванизации, не сумевшего даже уследить за правильным использованием полученных латинских машинок, предназначенных для облегчения молдаванизации аппарата [272, р. 238]. Известно, что в период перехода сократилось число подписчиков на молдавскую прессу, родители стали определять детей не в молдавские, а в украинские и русские школы. Документацию на всех уровнях предпочитали вести на украинском и русском языках, указывая на неудобство при наличии трех алфавитов [99, с. 97].

Сменявшие друг друга секретари Молдобкома то поддерживали самобытников, как это сделал И.Сирко (при котором бюро Молдобком одобрило работу Молдавского Научного Комитета под руководством И.Очинского в 1933 г.), то - гневно обрушивались с резкой критикой на МНК (Г.Булат, приступивший к работе в том же 1933 г.): «Синтаксис кто пишет? Человек, а если этот человек контрреволюционер, то он и пишет контрреволюционную книгу...нужно всю эту сволочь выгнать, укрепить аппарат, повести классовую борьбу, посмотреть, кто учится в вузах... Там есть немало сволочи, которая пролезла туда...» [104, с.50]. Практически создалась ситуация, при которой и «самобытники» и «румынизаторы» (особенно после отмены решения о латинском шрифте) могли быть ошельмованы властью как «вредители» или «враги народа» в любой удобный для нее момент, подобно «старой» украинской интеллигенции, «как только в ней отпала необходимость», по выражению Е.Борисенок [163]. Раскрытие контрреволюционных организаций «Союза освобождения Украины» (1929 г.) и «Союза освобождения Белоруссии» (1930 г.), дело «Украинского национального центра» (1931 г.) - это акции, направленные на дискредитацию национальной интеллигенции старшего поколения и их единомышленников, учеников. Руководителями этих вымышленных организаций чекисты называли академиков С.Ефремова, В.Игнатовского и М.Грушевского. Вот и в МАССР, в мае 1938 года на IV Тираспольской городской партийной конференции в выступлении одного из секретарей Молдобкома, Зеленчука, прозвучало, что «враги народа, орудовавшие долгое время, как Вам известно, здесь на Молдавии, специально проводили так называемую латинизацию с целью того, чтобы проводить румынизацию молдавского языка...» [273, р. 297].

Однажды начавшись, борьба с национализмом становилась безотказным приемом государственной политики, позволявшим изымать из политической и духовной жизни наиболее талантливую и самобытную часть интеллектуальной элиты, навязывать обществу идеальный с точки зрения системы образ «безнациональной нации» - советского народа.

Репрессии в СССР, по нашему мнению, не носили строго избирательного характера: в моменты политических и экономических кризисов под их лавину попадали и те, кто представлял собой намеченную жертву и те, кто никакой угрозы для системы не представлял. Первоначально удары приходились по «старой» интеллигенции, затем - по «новой». В применении политических репрессий власть была предельно жестока, нанося в автономии удары по крестьянству, служителям культа, она разрушала вековые традиционные устои села; по интеллигенции, проводя кампании по чистке национально-культурных организаций, уничтожая и спорное, и дельное.

Данные, характеризующие демографический состав заключенных ГУЛАГа в 1937 г. показывают, что удельный вес лиц, имевших образование от среднего и выше, в лагерях был в 2 раза выше, чем в целом по стране (соотношение 10 и 5 %). Таким образом, репрессии, очевидно, коснулись представителей как старой, так и новой, советской интеллигенции [152]. В своем исследовании С.Красильников приводит сведения, согласно которым «только 9 % в составе заключенных на 1940 г. имели т.н. социально-чуждое происхождение, т.е. в прошлом относились к привилегированным группам, при этом 75 % узников ГУЛАГа квалифицировались как «кулаки». Подавляющую же часть заключенных составляли «социально-близкие», т.е. бывшие до ареста рабочими, колхозниками и крестьянами, служащими советских учреждений...» В ходе репрессий происходил разрыв межличностных связей: семейных, профессиональных и национальных (по национальным мотивам жертвы «большого террора» 1937-1938 гг. составили 10 % всех арестованных) [270, с. 128].

Вторгаясь в процессы развития каждого этноса, режим перестраивал их на свой лад, подрывал устои национального образа жизни, прививал новые традиции. Репрессии отрывали людей от родного очага, высылки в ходе коллективизации опустошали целые районы, масса трудолюбивых крестьян была вынуждена выживать в суровых условиях отдаленных районов страны. Не всем при этом удавалось сохранить самобытность своей национальной культуры, языка.

В Закрытом письме бригады корреспондентов газеты «Правда» (февраль 1932 года) помимо описания так называемых «левацких перегибов» местных властей во время хлебозаготовок в МАССР, выражавшихся в прямых издевательствах над населением,

читаем: «...Были обыски не только в деревнях, обыскивали и районные центры (Балта), рабочих и служащих, не исключая членов партии. «Потрусить город» - установка наркомснаба АМССР Купермана. В Балте во время обысков забирали у рабочих последние запасы хлеба, даже если они исчислялись фунтами. В Балте же было дано задание школьникам принести по 2,5 фунта муки (в порядке вовлечения в хлебозаготовку школяров) ...». Несмотря на жесткий обличительный тон, письмо обращало внимание на то, что все же перегибы могли быть подготовлены «наемной рукой» Румынии, но ответственные работники ГПУ Балты, Тирасполя так не считают. Авторы обратили внимание и на факты прямого попустительства органов в отношении советских работников, которые поощряли грабежи, избиения и не понесли должного наказания: «За последнее время снято в Молдавии 5 контрреволюционных шпионских и белоэмигрантских организаций, арестовано более 150 чел., и когда мы спросили, есть ли среди арестованных хотя бы один человек, участвовавший лично в обысках, избиениях, арестах крестьян или влиявший на других в этом смысле, нам вначале вообще не могли ответить на этот вопрос (в этом направлении никто не думал), а затем минут через пять ответили, что таковых нет». Далее корреспонденты не обошли и самый тяжкий политический результат «хлебозаготовок»: «...остается прибавить, что из деревень, расположенных у самой границы, пачками бегут крестьяне–колхозники и не колхозники в Румынию. Есть факты неблагоприятных настроений среди пограничной охраны, которая видит, конечно, и повальные обыски у бедняков, и разваленные печи, и прочие издевательства...» [180].

Массовое бегство особенно усилилось к зиме-весне 1932 года, людей не останавливал даже смертельный риск, их исход был сознательным, а Днестр стали называть «рекой смерти» (число ушедших за Днестр, несмотря на жестокие меры властей, перевалило за 20 тысяч) [271, с. 25]. Тем же, кто оставался на левом берегу, приходилось впоследствии отвечать за родственников, избравших иную жизнь. Так было и с молодой семьей Волошенко-Негруша из села Спя. Мария Волошенко была родом из крепкой крестьянской семьи, в которой она первая сумела получить классическое гимназическое образование в городе Тирасполе. Когда семью мужа, Емельяна Негруши, раскулачили, он бежал по пути, а впоследствии сумел уйти в Румынию, Мария сделала все, чтобы спасти от возможных преследований себя и детей. Переехала в Тирасполь, развелась, вернула девичью фамилию, окончила фельдшерские курсы и работала в туберкулезном диспансере. Прекрасно говорившая на русском и молдавском языках, молодая женщина, могла бы принести немало пользы обществу, стране. Но ей никогда не давали забыть, кто она по происхождению и кто был ее

мужем. В ходе «румынской операции» она была арестована в октябре и расстреляна уже в декабре 1937 года [276].

Поиск «своих» и «чужих» в республике пошел достаточно активно: в журнале «Красная Бессарабия» в № 8-9 за 1932 год была опубликована статья И.В.Очинского «Молдавская литература в портретах и характеристиках», в которой, собственно анализу литературы было посвящено не так много усилий, но характеристики данные автором достаточно определенно указывали на опасное идейное многообразие в писательской среде: «пролетарско-колхозное ядро», «союзники», «идеологи кулачества», «идеологи буржуазии». Отмечены в статье и основные направления молодой республиканской литературы - романтизм, упадничество, поповщина. Автор указывал тем самым на то, что классовое расслоение внутри писательской организации и есть причина многих ее трудностей. Профессор И.Очинский, откомандированный ЦК КП(б)У в октябре 1931 года для научной работы в МАССР, по замыслу властей, должен был быть одновременно и «избавителем» от всех бед в сфере науки и активным борцом с различными уклонами. Однако и ему пришлось почувствовать себя в роли «националиста» и «уклониста», как только он попытался убедить коллег по МНК, а затем и руководство автономии в необходимости отказаться от латинского алфавита. Заведующий этнографической секцией МНК Ю.Сырбул тут же написал в отдел культуры и пропаганды Молдобкома «Докладную записку», в которой детально описывал намерения Очинского, особенно в отношении сотрудников МНК: «...Осуществление мероприятий, проектируемых т. Очинским, помимо полной ликвидации, проведенной до сего времени работы по латинизации... должно привести к необходимости привлечения в основном новых авторских кадров...». То, что коммунист Очинский усомнился в правильности генеральной линии партии в языковой политике, уже само по себе вызывало подозрение в его политической благонадежности [277, с. 234].

Из ЦК КП(б)У в Молдобком (совершенно секретно) обращали внимание «на факты недопустимого ослабления бдительности к работе врагов партии и советской власти - троцкистов, эсеров, меньшевиков. Ослабление бдительности выражается чаще всего в том, что троцкистам, эсерам, меньшевикам легко дают работу (хозяйственную, научную, преподавательскую и даже партийную) ...Надо проверить хорошенько отдельных работников аппаратов, ведающих кадрами и распределением людей, выгнать гниль. А что там гнилые элементы примиренцы есть - в этом нет никакого сомнения... На предсъездовских партийных ячейковых собраниях нужно вскрывать и разоблачать скрытые антипартийные элементы, особенно тех, кто уклоняется от открытых выступлений и

высказывания своих взглядов, предпочитая высказывать эти взгляды в узком кругу и в частных беседах...» (18.11.1933. П.Постышев) [278, л. 67].

Таким образом, власть в МАССР должна была одновременно заниматься социалистическим строительством и бороться с внутренним врагом, разоблачая и лишая работы столь необходимые кадры. В 1933 г. ситуация и без этого - критическая: тяжелое положение с хлебом (недостаточное снабжение) вызвало «различные слухи и разговоры, сводящиеся, в основном к следующему: «Весь хлеб вывезен за границу, а мужик и рабочий голодает; хлеб у крестьян забрали, а нас кормят глиной, коммунисты не умеют хозяйничать...», «политическое настроение интеллигенции на селе в связи с кампаниями партии (хлебозаготовки, налог, самообложение) и недородом нельзя считать здоровым...явно антисоветская ее часть твердит и том, что проводимая политика соввласти ведет к обнищанию населения...» (из информационного письма Молдобкома) [279, л. 11-12]. По данным Л.Репида, от голода в 1932–1933 гг. умерло более 20000 человек [112, с. 91]. М.Цуркан, студентка Комвуза в 1932–1933 годах, вспоминала: «...получали паек по 0,5 кг в день... а учиться и работать надо было по-большевистскому. Дума о хлебе была... видим проходит бутка с хлебом а мы студенты так и думаем вот если бы упала бы буханка так и подняли бы и распределили на всех...» [229, л. 1].

Люди правдами и неправдами, под любыми предлогами пытались выехать за хлебом или вообще покинуть республику. Молдобком признавал, что имел место массовый выезд из ряда сел [276, л. 27]. Применяя жесткие меры к удержанию контроля над ситуацией, власть разворачивала очередную кампанию по борьбе контрреволюционными элементами, на которых собиралась возложить ответственность за тяжелое положение на тех, кто своими настроениями разлагает общество.

В докладной записке «О национально-культурном строительстве АМССР» вслед за перечислением успехов, рапортовалось, что достижения социалистического строительства в МАССР сопровождаются «заостренными формами классовой борьбы» на «культурном фронте»: «Система Наркомпроса сверху донизу оказалась засоренной классово-враждебными элементами. Методсектором НКП почти с основания АМССР руководил отъявленный националист ДУМИТРАШКО протаскивающий буржуазно-националистическую идеологию в учебники, писавший явно враждебные буквари для детей, механически списывавший с румынских учебников буржуазно-националистический хлам... Инспектором соцвосо затесался сын урядника ГАНЬ, поддерживавший кулацкие элементы в школе, представивший к премированию как лучшего педагога отъявленного кулака учителя ПЛАШКО... Не менее засоренными...оказались ряд педагогических техникумов... Состав

учителей сельских школ на 10 % засорен классово-чуждыми, враждебными элементами. Сынки попов, кулаков, дьячков, урядников, махновцев и др. проходимцев, ведущих кулацкую вредительскую работу в школе, так, например: в Слободзейском районе учителя СИГАНУР, ЦИМБАЛЮК (сын кулака) совместно с завшколой ШМЫМСКИМ, требовали организовать забастовку в связи с несвоевременной выплатой заработной платы, призывали к объединению другие школы...» [251, л. 14-16].

11 декабря 1932 года, молодые учителя Парканской семилетки объявили забастовку в знак протеста против задержки зарплаты, плохих условий жилья и труда (школа не отапливалась). Несмотря на то, что их требования были признаны справедливыми, Тираспольский райком партии дал этой акции вполне ясную политическую оценку: «В парканский педколлектив проникла группа вражеских элементов, сынов кулаков, которые открыто занимались организацией саботажа...» [107, с. 145]. В школе началась чистка, а инициаторов забастовки В.Мильчевского, П.Киосева и И.Калчева немедленно отстранили от занятий. Система не прощала даже попытки инакомыслия тем, кто фактически на пустом месте поднимал образование, к тем немногим интеллектуальным силам, которые способствовали ее укреплению (хотя бы отчасти). Для Молдавского Научного Комитета кампания поиска классово чуждых врагов, «вредительскую буржуазно-националистическую работу» обернулась тяжкими последствиями. Если судить по отчетам Молдобкома, то там засели настоящие недоброжелатели Советской власти. А если взглянуть с высоты сегодняшнего дня, то нужно признать: не каждый научный орган сегодня может блеснуть таким разнообразием идей, новаторством и самобытностью. И главное - способностью к полемике. Докладная записка беспощадна: «особенная засоренность», «схоластические споры», «вредительство в области развития языка», «махровые националисты». Безусловно, в лингвистике, как и в любой области науки возможны прорывы и псевдооткрытия, но нельзя же осуждать их с точки зрения идеологии как политические, «абсурдные». Поиск, творчество естественны для исследователя – многое отвергалось, но есть примеры того, как (по выражению записки) «искусственные» слова становились частью мировой культуры. Дело в том, что от комитета ждали быстрых результатов, предсказуемых ангажированных работ. Вместо этого вышла грамматика, которая «пронизана идеологически вредными, анти-партийными, контр-революционными, националистическими иллюстрациями, подобранными так, чтобы дискредитировать вождей партии, социалистическое строительство... Научный Комитет... фактически превратился в кубло националистических элементов... в ненужную, никому неизвестную организацию...» [255, л. 18-24]. В самом деле, тоталитарному режиму хватило бы национально-культурного

развития на уровне собирания фольклора как выражения экзотики края. При этом конечно, было важно показать определяющую роль молдавского народа и, разумеется, заботу партии, правительства СССР, интернациональное единство граждан республики с советским народом. Не все интеллигенты оказались способны понять столь циничную игру. Были те, кто искренне верил, что молдавскому народу представилась возможность выйти на новый исторический уровень, продвинуться вперед, показать всю глубину и красоту собственной культуры, богатство языка и музыки. Поэтому находились идеалисты, искренне убежденные, что для национально–культурного строительства в Молдавии делается не все, так как все эти вопросы «как–то отошли на задний план, ими никто не интересуется, никто не руководит...». Не до них было партии, которая переживала политические процессы и чистки, проигрывала одну экономическую кампанию за другой.

Заигрывать с интеллигенцией власть уже не видела резона, поскольку основную работу - поддержку в сложные времена и обучение молодежи она выполнила. Несмотря на скороспелость и отсутствие опыта, молодые специалисты были более надежны и угрозы для системы не представляли. Для нормальной государственной жизнедеятельности было достаточно и небольшого процента старых квалифицированных специалистов «для подготовки тех, кто должен был прийти им на смену, и для работы на тех должностях, где полуграмотные «образованцы» справиться бы никак уже не могли» [157]. Проблемы национального развития стали играть прикладную роль, некую обязательную программу для местной республиканской власти. Стали падать и без того невысокие темпы коренизации и латинизации.

В материалах «О состоянии молдаванизации и латинизации советс-опр.-хозяйств. аппарата на август 1933 г.», было отмечено: «Делом коренизации аппарата не занимаются... По некоторым уч[режде]ниям количество молдаван и знающих молдавский язык за последнее время даже уменьшилось (Госбанк, НКЗдрав, НКЮст и проч.) Есть и такие учреждения, где нет ни одного молдаванина, либо знающего молдавский язык (Страхкасса, Молдснаб, Соцзембанк) ... Комиссии вопросом изучения языка работниками аппарата - почти не занимаются... В предназначенные дни для молдаванизации всегда проводятся какие угодно собрания. заседания и проч. Бывают и такие явления, когда администрация не отпускает работников на лекции (Дорожное управление, База Умчеко, ЦРК и проч.). Если в 1930-1931 годах были организации, молдаванизированные полностью, то под предлогом сложности латинизации они в большинстве переходят на украинский язык» [281, р. 162-163].

Одной из попыток недопустить казенного бюрократического отношения к проблемам национальной культуры в МАССР стало письмо в ЦК КП(б)У от заведующего исторической секцией Молдавского Научного Комитета Е.Багрова, в которой положение в автономии, представленное в самом неприглядном виде: «...имеются техникумы, но нет преподавателей, имеются ВУЗы, но нет профессоров, имеется научный комитет, но не имеется в нем научных работников... Можно без преувеличения сказать, что ни одно центральное, районное или сельское учреждение не ведет делопроизводство на молдавском языке... Думаю, что излишне доказывать невозможность сколько нибудь серьезно руководить нацкультурным строительством через переводчиков...» [282, л.1,4]. Е.Багров фактически доказывал, что национально-культурное строительство в МАССР проваливается, его планы не реализуются, а результаты - сомнительны. Он указал и на то, что из-за тяжелой гнетущей обстановки специалисты покидают республику, а те кого приглашают, отказываются ехать, поскольку уже наслышаны о том, что любой работник культуры может быть обвинен в чем угодно, в любом уклоне.

Особенно возмутила Е.Багрова кампания, развязанная Культпропом, который просто давал наряды на разгром националистов в учреждениях: «разумеется, что руководители стараясь выполнить приказ начальства, не особенно стеснялись фактами и квалификациями. А так как в учреждениях молдаван вообще мало, то чтобы выполнить хоть отчасти норму приходилось зачислять всех по ведомству... И действительно, получалось так, что все без исключения молдаване, работающие на фронте нацкультстроительства оказались буржуазными националистами, протаскивающими националистическую контрабанду, саботирующими линию партии и т.п.» [282, л.10]. Искренность письма, настоящая боль за дело, которое явно заброшено и никому не нужно, обличительность без доносительства, критика убийственно точная. Наверное, только так и нужно было вести себя интеллигенту. Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня - это безумие, самоуничтожение. Система уже отрабатывала приемы воздействия на тех, кто еще говорил «я думаю». Их окружали холодом подозрительности и недоверия, вынуждали на общих собраниях признавать «ошибки», которых не было. Так поступили и с автором этого письма. Действительно, есть протокол собрания и его признание, что все, что он написал, является поклепом на «нашу молдавскую парторганизацию» [282, с. 236-237].

1 августа 1933 года было принято постановление Молдобкома и Президиума Контрольной Комиссии об И.Очинском, которого было решено снять с работы и исключить из партии, так как он: развалил работу Молдавского Научного Комитета и журнала «Октомбрие»; не боролся с классовым врагом на идеологическом фронте; допустил

засорение подчиненных ему организаций классово-чуждыми элементами; саботировал решения партии; двурушничал и способствовал активизации буржуазно-националистических настроений. 3 августа появилось новое постановление о назначении временным председателем МНК Д.Престеску (ректора Комвуза) ввиду болезни ученого секретаря МНК П.Корнелиу. В 1934 году ученый секретарь будет вынужден покинуть республику из-за обвинений в антипартийных действиях, а новый председатель МНК окажется в оперативных списках НКВД в 1937 году [90, р. 438]. 30 октября 1933 г. в центральной украинской прессе (газета «Коммунист») вышла статья И.Хаита о молдавском буржуазном национализме и тех, кто его поддерживал. Названы были и фамилии - Мадан, Бучушкан, Гоян, «кулацкий поэт» Кафтанаки; не был забыт и Скрыпник, побывавший в МАССР в 1932 г. [100, с. 99]. В ноябре 1933 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У, на котором в основном шла речь о борьбе с национализмом. В принятой резолюции предполагалось осуществить ряд мероприятий, обеспечивавших дальнейшее развертывание культурного строительства в Молдавии и усиление борьбы с буржуазным национализмом.

Замкнула историю МНК, на наш взгляд, статья Б.Лехтмана «Классовая борьба на научном фронте» вышедшая в сентябре 1934 года в журнале «Красная Бессарабия». В ней (в духе времени и новой генеральной линии ВКП(б)) подчеркивалось, что социалистическое строительство в Молдавии происходило условиях «беспощадной классовой борьбы». Было сформулировано понятие «маданизм», как течение реакционно-настроенной части молдавской интеллигенции (Л.Мадан до 1932 г. был ученым секретарем МНК, возглавлял лингвистическую секцию, был по убеждению самобытником). Статья Б.Лехтмана уличала Л.Мадана в старании «вытеснять из молдавского языка слова, рожденные Октябрем, и интернациональные термины», взамен которых «искусственно» создавались «слова, искривлявшие и засорявшие молдавский язык». Ему ставилось в вину и саботирование (вместе с разоблаченным «авантюристом» Очинским) выпуска «стабильных» учебников и словарей. Помимо Л.Мадана, представителями «местного национализма» были названы А.Игнатович, И.Гоян, И.Иремица, Ф.Думитрашко, которые, по мнению автора, «старались давать «румынское» выражение таким словам, как «совет», «колхоз», «пяtilетка» давно вошедшим в обиход интернационального революционного движения». Досталось и Ф.Малаю («румынизатору» в прошлом) за «легкость мыслей» и «эксперименты» над молдавским языком. Именно теперь вспомнили и о П.Киору, не проявившем «классово-партийной бдительности», и отрицавшем «возможность появления молдавского шовинизма». Не были забыты и его рассуждения о привлечении к делу

развития молдавской культуры «лояльных строителей новой жизни», в которых он проглядел замаскировавшегося «классового врага». И.Очинский был просто назван «проходимцем с партийным билетом», «петлюровцем», которому бывшее руководство (в лице И.Сирко) доверило «культурный фронт». Ну и наконец, было высказано то, что впоследствии легло в основу обвинений в адрес многих репрессированных: «Люди, ошибки или вредительские установки которых мы здесь обрисовали, по сути дела вели, в связи с украинскими националистами и при поддержке Скрыпника, контрреволюционную буржуазно-националистическую линию в области национально-культурного строительства, линию, которая вела к отрыву от СССР Украины и ее неразрывной части АМССР, линию реставрации капитализма...» [17, р. 208-211]. Таким образом, сталинская теория перманентного обострения классовой борьбы, став идеологическим обоснованием для поиска внутренних врагов, в МАССР была использована для обвинений части интеллигенции в буржуазном национализме и потере бдительности. Это позволило тоталитарной власти оправдать несостоятельность и непоследовательность собственной национальной политики.

3.2. Репрессивные методы тоталитарного режима и их применение в отношении интеллигенции МАССР в годы развертывания «Большого террора» 1937 – 1938 годов

В процессе определения сущности репрессивной политики и ее методов выделим 1922, 1928, 1934 годы, так как гипертрофированное развитие репрессивного аппарата на этих этапах связано с тем, что на каждом рубеже этому предшествовали жесточайшие политические и экономические кризисы в стране. Они, с одной стороны, вынуждали партию идти на уступки и «порозовение», а с другой давали возможность исподволь расширять и укреплять карательные структуры (на будущее).

Предэтапом можно назвать период октября-декабря 1917 г., когда были заложены основы ленинской репрессивной внутренней политики. Так, Декретом о суде от 5 декабря 1917 г. параллельно с местными судами были учреждены революционные трибуналы. 20 декабря 1917 г. постановлением СНК РСФСР образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) с неограниченными полицейскими полномочиями. Другой Декрет СНК от 26 февраля 1918 г. дал ВЧК право на вынесение смертных приговоров, а 26 июня 1918 г. ВЧК получила право расстрела на месте, а также право административного ареста граждан на неопределенный срок (без доказательств их вины).

Правительственный Декрет от 5 сентября 1918 г. легализовал государственный, «красный» террор, идеологом которого стал В.И. Ленин. Совнарком ставил задачу ограждения Советской республики от классовых врагов путем заключения их в концентрационные лагеря. Философию происходившего изложил М. Лацис (один из руководителей ВЧК) в журнале «Красный террор» от 1 октября 1918 г.: «Мы уничтожаем класс буржуазии. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или иное лицо словом или делом против Советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее: к какому классу он принадлежит, откуда он происходит, какое воспитание он имел и какова его специальность? Эти вопросы должны решить судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция Красного террора» [283]. Новая власть отбрасывала в сторону все процессуальные нормы и правовые гарантии, для подавления сопротивления в обществе вводилась новая карательная мера, которую до революции не применялась – взятие заложников. В.И. Ленин сформулировал и основной принцип «революционного правосознания», и «советской законности»: «...посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна...открыто выставить принципиальное и политически правдивое...положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [284, с. 177-178].

В 1927 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), бывшее ВЧК, получило право рассмотрения дел во внесудебном порядке. В несколько этапов утвердились так называемые «органы несудебного реагирования»: «двойки», «тройки», «особые совещания». В состав их обычно входили первый секретарь райкома, председатель райисполкома и начальник ГПУ, они имели полномочия выносить любой приговор и немедленно приводить его в исполнение без права обжалования. Функции судебных органов были узурпированы партийной и исполнительной властью. Фальсификация как метод активно вводилась в повседневную практику. 2 января 1928 г. 18 пленум Верховного Суда принял постановление, которое распространяло понятие о контрреволюционном преступлении не только на деяния, совершенные умышленно, но и на неосторожные действия. Даже делам бытовым, по сути, могла быть придана политическая окраска. 24 апреля 1930 г. было образовано Управление лагерями ОГПУ при СНК СССР, в феврале 1931 г. переименованное в Главное управление лагерей ОГПУ (ГУЛАГ).

За шесть месяцев (с 1 июня по 1 декабря) 1934 г. была развернута активнейшая законотворческая деятельность, совершенно реакционная по своей сути. Появилась

аббревиатура «ЧСИР» (член семьи изменника Родины). 10 июля 1934 г. ЦИК принял сразу два закона, которые назывались «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел» и «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых народным комиссариатом внутренних дел и его местными органами». Компетенции НКВД постоянно расширялись, вплоть до возможности приговаривать к смертной казни.

Убийство Кирова дало режиму повод для дальнейшего ужесточения мер в борьбе с врагом, поскольку, как пояснил позже, в 1937 г., И.В.Сталин: «Злодейское убийство т. Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации» [175]. Два закона от 1 декабря 1934 г.: первый, «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», обязывал следствие идти ускоренным порядком, суды «не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства преступников о помиловании», а органы НКВД – приводить приговоры в исполнение «немедленно по вынесении судебных решений». Второй назывался нейтрально – «О внесении изменений в действующее уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», предписывал заканчивать следствие в 10-дневный срок, обвинительное заключение вручать обвиняемым за сутки до суда, дела слушать без участия прокурора и защитника, кассационного обжалования и ходатайства о помиловании не допускать, приговор о высшей мере приводить в исполнение немедленно. «Постановление... установило таким образом такой порядок производства дел о террористических актах, при котором особенно важна четкость, точность и безошибочность работы следственных, прокурорских и судебных органов» (А.Вышинский) [285, с. 65]. Фактически был устранен прокурорский надзор за деятельностью НКВД. Суд отныне не защищал права и законные интересы граждан, он стал органом «борьбы с преступностью». Политическая система приобретала все более «карательно-бюрократическое» содержание, основанное на убеждении, что ради достижения цели хороши любые средства. Страна, которую призывали строить принципиально новый строй, была, таким образом, отброшена в средневековье.

Репрессивные методы содержали в себе не только аресты, ссылки, лишение прав, но и создание особой атмосферы в обществе. После уничтожения гласности и оппозиции можно было беспрепятственно навязывать образы врагов народа, а в этот коллективный портрет интеллигенция всегда вписывалась легко. Политическая власть словно делала прививку недоверия и подозрительности к «бывшим», связь с которыми, даже самая безобидная, уже была порочна. В Закрытом письме ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года,

направленном обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б) утверждалось: «...все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован...» [286, с. 195]. Вертикальный террор власти дополнялся горизонтальным – доношением сослуживцев, соседей, родственников и т.д. Простые люди, сами страдавшие от репрессий, были втянуты в акции их поддержки.

С 1933 года в УССР развернулась кампания по борьбе с национализмом, в ходе которой, не выдержав травли, покончил с собой председатель Госплана и заместитель председателя СНК УССР Скрыпник. По обвинению в непринятии мер по борьбе с украинским и молдавским национализмом снят с работы и отозван из республики секретарь Молдобкома Сирко. С 7 июня 1933 г. парторганизацию автономии возглавил Г.Булат. ЦК КП(б)У проявил острую обеспокоенность состоянием национально-культурного строительства в МАССР и с осени 1933 года в республике работала комиссия И.Хаита, давшая отрицательную оценку деятельности областных и районных организаций и (особенно) Наркомпроса. 26 июня 1933 года к секретарю Молдобкома Булату обратился с письмом ученый секретарь МНК Корнелиу. Отзываясь о «внешнем лице латинизации», он утверждал, что используемые в автономии синтаксис, орфография и терминология «не выдерживают никакой критики» (особо выделил газету «Молдова Сочалисты»); вывески на учреждениях вызывают «смех или сожаление»; радио «пользуется очень непонятным молдавским языком». П.Корнелиу считал, что в республике происходило не просто саботирование перехода на латинский алфавит, но и «компрамирование» этого решения власти [282, л. 22].

Определенную роль в судьбах республиканской интеллигенции сыграла и упоминавшаяся «Докладная записка о национально-культурном строительстве МАССР», которую руководство автономии готовило параллельно с работой комиссии. Как отметили специалисты по истории МАССР, «документ был составлен в особо критическом, а для Научного комитета, можно сказать, в разгромном тоне» [100, с. 99]. Жесткие характеристики наводят на определенный вывод: докладная записка прямо указывала на виноватых в провалах национально-культурного строительства и должна была обезопасить ее составителей.

Но существовал и еще один документ, появившийся по личной инициативе одного из сотрудников МНК, М.Андриеску. Адресованный самой Комиссии ЦК КП(б)У, он содержал нелицеприятное мнение по многим актуальным вопросам. М.Андриеску как поэт и как заведующий секцией в МНК выражал собственное мнение о положении в

писательской среде, кадровых трудностях и, разумеется, о национализме: «Считаю, что в нашей Молдавской действительности великодержавный шовинизм является опаснее сильнее местного... Организованных и согласованных выступлений какой-либо группы местных националов с какими-либо политическими требованиями, обвинениями и т.п. не было». О кадрах: «На мой взгляд выращивание кадров из местного трудящегося населения, идет достаточно хорошо... Плохо обстоит дело с подготовкой кадров специальной квалификации (научная аспирантура, писатели, газетные работники и др.). Непростительное отношение к концентрации культурных молдавских кадров из-за пределов республики. Имеется более двадцати молдаван и румын с высшим образованием, которые сидят в крупных центрах и ехать в АМССР отказываются лишь потому, что здесь не создают им минимальных условий (не дают квартир, плохо снабжают и пр.). Именно сейчас, когда наши кадры слабы и малочисленны, эти люди нам крайне нужны. Массу глупостей, обходящихся нам в десятки и сотни тысяч рублей - мы могли бы не допускать и обойти при условии затраты лишнего десятка тысяч рублей (изъятие неграмотно переведенных книг, калечение студентов педагогами, не знающими преподаваемого языка; скандальные извращения смысла и языка неграмотными дикторами из радицентра и т.п.)» [287, л. 79-81].

Заявление содержало, в определенном смысле, подведение своеобразных итогов национальной политики партии за восемь лет существования МАССР с ее спешкой и стремлением с кавалерийского наскока разрешить чрезвычайно сложные задачи национально-государственного строительства. Следствием самоуверенности и стала эта самая «масса глупостей», обошедшаяся столь дорого. Чехарда на руководящих постах в Молдобкоме (Г.Булат был уже 6-м секретарем!) не могла не отразиться на качестве управления. В большинстве случаев деятельность партийного руководства сводилась к штурмовщине, некомпетентному вторжению в области культуры и науки. Нацеленность на быстрый результат, желание в самые сжатые сроки показать состоятельность самой идеи образования МАССР, приводили чаще к неудачам, срывам и переносам планов. Всего за 16 лет существования МАССР, в ранге секретаря Молдобкома (с 1932 г. «первого» секретаря) побывало одиннадцать человек*, В.Тодрес-Селектор пробыл на посту меньше всех: с апреля

* Ни один из них не был родом из Левобережного Приднестровья, только трое (З.Сидерский, В.Борисов, П.Бородин) в дальнейшем ушли «на повышение», остальных снимали с постов «за провалы в работе». Интересно, что из всех 11-ти секретарей Молдобкома только двое владели молдавским языком - уроженцы Бессарабии И.Бадеев (1924-1928 гг.) и Х.Богопольский (1928-1930 гг.).

по август 1937 года** да и задачи его были далеки от дел созидательных. Как член «особой тройки», он подписывал протоколы, в которых преобладали решения о расстрелах. Довольно скоро его фамилию в составе «тройки» сменила фамилия временно исполнявшего обязанности прокурора МАССР Приходько.

Во второй половине 1934 г. в МАССР прошла кампания по чистке партии. Затем Молдобком получил письмо («совершенно секретно, только лично») от 27 февраля 1935 г. В нем говорилось: «Чтобы не допустить повторного проникновения...врагов партии на культурный фронт, ЦК КП(б)У составляет список лиц, которые не могут быть допущены на культурный фронт работы без особого согласия ЦК КП(б)У в каждом отдельном случае. Для составления этого списка необходимо, чтобы Обком КП(б)У в пятидневный срок составил список всех исключенных из партии и комсомола и всех беспартийных, снятых партийными органами...с культурного фронта... После составления объединенного списка для всей Украины он будет разослан всем Обкомам. Секретарь ЦК КП(б)У П.Постышев» [287, л. 65]. К 1 января 1936 г. в МАССР осталось 2177 коммунистов и 1248 кандидатов в члены партии из 2893 коммунистов и 2875 кандидатов в члены партии (по данным на 1 января 1933 г.). За период с 1 января 1934 г. по 10 апреля 1937 г. из партии было исключено 2153 человека [60, с. 89]. По национальностям на 15 апреля 1937 г. состав исключенных был следующим:

	Члены партии	Кандидаты в члены партии
Молдаван	42	31
Украинцев	91	85
Русских	39	24
Прочих	14	13
Всего	226	183 [289, р. 276]

По всей видимости, именно списки исключенных были использованы при подготовке репрессий, так как содержали компрометирующие людей сведения.

Вскоре ЦК КП(б)У было прислано очередное письмо («совершенно секретно, лично» от 28.04.1935 г.) о наличии антисоветских настроений в школах: «...имеют место открытые антисоветские выступления...распространяются контрреволюционные стихи, песни, частушки, анекдоты... Особого внимания заслуживает вскрытие фактов террористических

** В.Тодрес-Селектор, исключенный из партии «как враг партии и народа» 11 сентября 1937 г., был арестован через месяц - 11 октября, провел под следствием два года и был приговорен к 8 годам ИТЛ.

настроений у отдельных школьников... Указанные отрицательные явления в школах обуславливаются работой классового врага... Состав учительства в ряде школ засорен антисоветскими элементами. Поэтому нередки случаи, когда учителя не только не борются с отрицательными настроениями учеников школ, но в ряде случаев, наоборот, поощряют их и способствуют их распространению...» [289, л. 38-39]. Было предложено дать ответ по каждому приведенному случаю: в отношении 11-летнего школьника, сына помпрокурора АМСССР (распространял антисоветские анекдоты), а также против детей, у которых были выявлены антисоветские стихи и т.п. НКВД республики откликнулось на призыв уже в августе, представив собственную докладную записку о засоренности учительства. Было решено в 10-дневный срок «сделать необходимые выводы по очищению школ» [290, л. 9]. Примером подобных дел может быть выявленный в школе № 6 Слободзейского района учитель Вердеш, который «протаскивал классово-чуждую идеологию на уроках лепки. Давая задания ученику слепить человека, не давал установку именно какого типа. Дети приносили в школу выклеенные лица классово-чуждых нам людей (помещиков, святых, барских прислужников и т.д.). Учитель Вердеш эти образцы... как лучшие переносил в другую школу как пример. Учитель Вердеш говорил, что урок лепки не должен быть пронизан коммунистическим воспитанием. При проверке выяснилось, что он сын попа» [256, л.205]. Власти еще не раз указывали интеллигенции, что искусство, наука, литература, прежде всего партийны и не могут существовать отдельно от идеологических установок в условиях постоянно обостряющейся классовой борьбы.

Ректор Молдавской ВКСХШ Престеску в кратком отчете о состоянии партийной организации приводил и вовсе вопиющие случаи: «...зав. Кафедрой спец.культур проф. МОРГИНШТЕРН - протаскивал в преподавании кондратьевско-чаяновскую концепцию, утверждая... что яблоко СИМЕРЕНКО является очень хорошим сортом и рентабельной культурой, но поскольку СИМЕРЕНКО арестован, - его сорт яблок нельзя культивировать; что ЛЕНИНА он читать не может, потому что ЛЕНИН пишет трудно и неграмотно и др.

Доцент по Ленинизму - КРАНГА (член партии с 19 г.) - работавший... по совместительству (основная работа Пред. Радиокomiteта при СНК АМСССР) ... в докладе на тему «11 лет без ЛЕНИНА» ... выступил с контрреволюционной клеветой на КОМИНТЕРН, ВКП(б) и ее вождей т.т. СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА. В своем докладе КРАНГА утверждал, что Коммунистический Интернационал недостаточно большевистский; - оппозиция побита не СТАЛИНЫМ и ВОРОШИЛОВЫМ, а нашими победами; - что т. СТАЛИНУ было скучно на XVII съезде партии «так как некого было бить» ... [256, л. 245-246]. Далее были зафиксированы простоя вопиющие для системы факты: «Доцент истории ВКП(б), он же

Зав. Кафедрой Истории т. ПАТРАШКО (чл. партии с 20 г.) ... в рецензии заочнику на тему «Большевистская оценка характера и движущих сил в революции 1905-7 гг.» допустил ошибку, искажавшую историю партии... В рецензии, троцкизм ПАТРАШКО называет как разновидность меньшевизма, не подчеркивая дальнейшего развития троцкизма как передового отряда международной контрреволюционной буржуазии...» [256, л. 245-246]. Итогом для упомянутых преподавателей (за исключением Патрашко, признавшего ошибки «как в устной так и письменной форме») стало снятие с работы.

Доцент Кранга (или Крянга) был также снят с работы в Радиокомитете - ему припомнили партийный выговор 1934 г. за «буржуазно-националистический уклон» по вопросам национально-культурного строительства. Степан Матвеевич Крянга, политэмигрант, был членом ВКП(б) с 1919 г. - не самого легкого года в истории партии. В прошлом рабочий-столяр, получил образование в Свердловском Комуниверситете. Он искренне верил в партию, в ее стремление действительно создать молдавскую автономию как политический аванпост. Его не удовлетворял бюрократический, формальный подход ко многим вопросам национально-культурного строительства. Будучи патриотом, с одной стороны, и выдвиженцем, с другой, Крянга пытался честно служить новой родине. Работая в Радиокомитете, он боролся с «литературным браком», и был за это (по его словам) «выставлен буржуазным националистом и врагом молдавской социалистической литературы» в областной газете за то, что засорял «французизмами» молдавский язык. Во время разбора дела Крянга на уровне Молдобкома, отвечая на критику, он говорил: «Я пребываю в рядах ВКП(б) 15 лет и был всегда не плохим партийцем... Приехав на Молдавию я окунулся в работу, работаю день и ночь, не взирая на слабое здоровье, работаю для пользы молдавской культуры... И вот, за 6 месяцев я успел стать националистом, успел очутиться в компании контрреволюционеров, успел стать вредным человеком для партии. **Я не предполагал, что это так легко. Воля бюро Обкома в интересах партии ставит меня вне рядов партии или не ставит** [выделено мной - Л.Б.]» [291, л. 15-16]. Очевидно, Крянга недооценил ситуацию, которая наступила и в стране, и в партии. 25 января 1935 г. он был исключен из ВКП(б) «за контрреволюционную клевету на партию». После попытки самоубийства, он тяжело ранил себя и в больнице скончался. Решением партколлегии КПК «по показаниям ряда членов партии (гг. Дик, Доброджеан, Ляхов, Арборе-Ралли, Лебедев, Певцова), знающим т. Крянга с 1919 г. и дальше, подтверждающих, что он все время активно боролся против уклонов и к-р. троцкизма...». Крянга был все-таки политически реабилитирован, а о решении Бюро Молдобкома сказано лишь, что оно «невнимательно разобрало это дело». Основанием для реабилитации послужило не признание правоты, а недостатки в работе бюро Молдобкома,

которое за его неправильными, антипартийными формулировками покойного не увидела проявлений тяжелой наследственной болезни [252, л. 79]. Этот прием - объявить несогласного с политикой режима тяжело больным в дальнейшем широко эксплуатировался системой, вплоть до самого ее конца. Во взаимоотношениях власти и интеллигенции завершался определенный этап, для которого было характерно достаточно сдержанное сосуществование. В это время исключение из партии и снятие с работы, не влекло за собой обязательной расправы. После реорганизации МНК, например, многие сотрудники смогли покинуть автономию, но, в дальнейшем, при вхождении страны в новый жестко-репрессивный этап, им не удалось избежать преследований со стороны карательных органов.

Конституция 1936 года, которую часто называют «сталинской» или «Конституцией победившего социализма», в Главе I ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, статьей 1 провозглашала: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян». Самого термина «интеллигенция» не упоминалось (даже в качестве социальной «прослойки»). Статья 125 Главы X ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН гарантировала гражданам СССР: свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, свободу уличных шествий и демонстраций, Очевидная декларативность статьи, поскольку сложившаяся политическая система не допускала многопартийности, оппозиции, политических дискуссий. Статья 127: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора» [170]. Одним из делегатов VIII Чрезвычайного съезда Советов СССР, голосовавшим за новую Конституцию, был Е.Воронович (председатель ЦИК МАССР). В справке о его аресте содержалась стандартная формулировка: «органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности» и «трудно судить, была ли на его арест санкция прокурора» [57, с. 40]. А в ходе реализации оперативного приказа № 00447 прокуроры республик, краев, областей, военных округов и железных дорог СССР указанием А.Я.Вышинского от 7 августа 1937 г. были обязаны «присутствовать на заседаниях Троек, где прокуроров составе Троек нет. Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются. Решения троек окончательны...» [125, с. 173]. По протоколу № 24 от 20 ноября 1937 г. такой «тройкой» к расстрелу был приговорен Гарбузник Я.А., «родственник врага народа - быв. пред. ЦИКа Вороновича», благодаря «покровительству которого...укрылся от раскулачивания» [88, р. 389].

Развертыванию кампании террора 1937-1938 гг. предшествовали открытые политические процессы 1935-1936 гг., которые должны были продемонстрировать обществу реальных врагов, боровшихся с системой изнутри и сотрудничавших с внешним врагом.

В Докладе на февральско-мартовском Пленуме Сталин предлагал: «...в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома... Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодинокы. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР...Необходимо помнить все это и быть начеку» [175]. После подобных рекомендаций партийным организациям, наученным опытом открытых политических процессов, пришлось изыскивать «двурушников», «вредителей», «шпионов» и «диверсантов» в своих рядах.

12-17 мая 1937 г. состоялась X Молдавская областная партконференция, на которой в основном докладе прозвучало: «Гнилая и вредная теория о потухании у нас классовой борьбы... пустила у нас в Молдавии глубокие корни. Между тем, за последний период органами НКВД вскрыт ряд диверсионных и шпионских актов со стороны агентуры иностранных разведок... Вспомните спор между так называемыми самобытниками... и румынизаторами... Наши люди спорили, а агентура буржуазной Румынии делала свой вражеское дело, они тормозили процесс развития молдавской культуры... Наша партийная организация разоблачила этих буржуазных националистов, разгромила их. Однако не справилась с последующей задачей. Не разгромила этой враждебной и опасной теории, что местные молдаване не могут строить свою советскую национальную культуру без импортированных кадров, не взяла поэтому, процесса строительства молдавской культуры в свои руки. Не вырастила своих кадров, не взяла в свои руки литературный фронт, не взялась по настоящему за строительство языка, за латинизацию» [292, л. 84-89]. Подготавливалась кампания по преследованию «националистов». Среди первых действий - решение ЦК КП(б)У освободить Г.Старого и отозвать из МАССР. Арестованный 22 июня 1937 г., Г.Старый выдержал 10 дней допросов, прежде чем начал давать показания.

В докладе Н.Ежова на июньском (1937) пленуме ЦК ВКП(б) 23 июня 1937 г. утверждалось, что «существует законспирированное подполье, страна находится на грани новой Гражданской войны, и только органы государственной безопасности под мудрым руководством И.Сталина способны ее предотвратить». Вскоре началась подготовка оперативного приказа № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.

Первоначально приказ был направлен против кулаков и уголовников, но постепенно рамки репрессируемого контингента расширились, что не могло не сказаться на планируемых цифрах. Власти на местах должны были представить, говоря современным языком, базовые данные об учтенных «враждебных» элементах и о составе «троек». В течение 3-7 июля начали поступать первые сведения. Шифротелеграмма секретаря Молдобкома Тодреса в ЦК ВКП(б) была отправлена 11 июля 1937 г.

На основании представленной информации, Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) (протокол заседания 51, пункт 212) об утверждении троек и лимитов репрессированных от 11 июля 1937 года, по МАССР «тройка» утверждена в составе «т.т. Тодреса, Корнева, Коллодий», а лимит - «к расстрелу 11 чел. и высылке 248 чел.» [124, с. 85]. По данным, которые приводятся в коллективном исследовании «Через трупы врагов на благо народа», «примерно 30 % шифротелеграмм, поступивших в ЦК содержали ходатайство региональных партийных руководителей подвергнуть репрессиям, наряду с кулаками и уголовниками, **другие слои населения, отмеченные печатью враждебности**» [выделено мной - Л.Б.]. Авторы считают, что «желание регионов вовлечь и другие целевые группы в крупную акцию общесоюзного масштаба обосновывалось на коалиции интересов регионов и московского центра» [185, с. 28, 31].

Все, кто попадал под расширение списка, определенного властью, имели прошлое, а это облегчало и упрощало для местных карательных органов процесс преследования. Еще в марте 1937 г. по циркуляру из Москвы была проведена оперативная и агентурная работа по сбору материалов о деятельности религиозных общин, которая фактически подготовила решение «о включении духовенства в контингент, подлежащий репрессиям». Нужно особо подчеркнуть, что преследованиям подвергались не только священнослужители традиционной православной церкви, но и те служители культа и их паства, что оказались в оппозиции и к власти, и к официальной линии церкви. Среди таких - «члены контрреволюционной баптистской организации», «контрреволюционная группа ИПЦ»,* старообрядцы. А. Давидович, священник с. Попенки, был допрошен один раз, 23 апреля 1938 г., а 25 апреля 1938 г. он был уже расстрелян. Репрессивная политика в отношении духовенства была последовательной и беспощадной. По выводам, сделанным Т. Царан, «к концу 30-х годов антицерковная политика практически привела в Молдавской АССР к

* ИПЦ - Истинно-Православная Церковь, возникла в результате раскола Русской Православной Церкви, как протест против ее лояльности атеистической власти («сергианства»), заявленной в Декларации митрополита Сергия (1927 г.). При допросах негативное отношение священнослужителя к Декларации давало власти повод причислить его к контрреволюции.

исчезновению священнослужителей как социальной группы» [293, с.204]. А они несли (подчас, в одиночку) ту просветительскую функцию, которую брал на себя интеллектуальный слой общества в отношении нуждавшихся в образовании. Добавим, что по данным Молдобкома 1925 г., среди учителей 4 % составляло духовенство [227, л. 3].

Попали в ряды дополнительно репрессированных и бывшие белые офицеры. Характерно дело Сушкевича П., офицера старой армии, которому удалось дважды избежать ссылки, как указано в материалах следствия, «благодаря родственным связям в сельсовете». Вернувшись в 1935 г. домой, в с. Рашково, он стал работать учителем в сельской школе и «проводил агитацию против... мероприятий Советской власти на селе... группировал вокруг себя отсталую часть колхозников...проводил среди учительства контрреволюционную работу». Согласно решению «особой тройки», по протоколу № 4 от 10 сентября 1937 г. приговорен к расстрелу [88, р. 24].

Оперативным приказом перед карательными органами ставилась задача – «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства. В разделе I приказа был существенно расширен контингент, подлежащих репрессиям лиц. Первые 3 пункта содержали различные категории «бывших кулаков», в 7 и 8 посвящены уголовникам, ведущим преступную деятельность, находясь на свободе или в заключении. Для нашего исследования особенно важны 4, 5, и 9 пункты:

«...4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переплавщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность». Если просмотреть опубликованные материалы следственных дел, то в МАССР, под эту категорию подходили люди самых разных социальных групп, и не в последнюю очередь, интеллигенция. Например, Урсул С. (бывший эсер, в прошлом депутат Ананьевской городской управы - расстрелян) [88, р. 292]; Долгополов А. (бывший эсер, преподаватель экономической географии в Балтском педтехникуме - расстрелян) [88, р. 560]; Кравченко П. (эмигрант из Бессарабии, служил начальником погранпоста, пытался официально вернуться в Румынию - расстрелян) [88, р. 292]; Горошко С. (бывший капитан царской и белой армий - расстрелян) [88, р. 33].

Далее в приказе: «...5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье–

белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены».

В мае 1937 г. были освобождены от должностей, затем исключены из партии и арестованы Старый Г. (Председатель СНК МАССР), Воронович Е. (Председатель ЦИК МАССР), Мороз Д. (Нарком земледелия МАССР), Скульский Д. (Нарком юстиции) и другие. В момент исполнения приказа их допросы велись интенсивно: «На допросе 30 июня 1937 г. Старый отрицал свою связь с румынской разведкой, через месяц - показал, что был завербован...» [63, с.53-54].

Затем в приказе четко указывалось: «...9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне - в колхозах, совхозах, сельско-хозяйственных предприятиях и в городе - на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве». Этот пункт «развязывал руки», позволял распространять зону поиска врагов народа и наращивать количественные показатели, не ограничиваясь ни должностью, ни социальным происхождением, ни сферой деятельности. Более того, последовавший за приказом № 00447, приказ № 00485 еще дальше расширил эти границы за счет национальной принадлежности жертв.

В разделе II приказа № 00447 утверждалось количество подлежащих репрессии, причем оговаривалось, что «утвержденные цифры являются ориентировочными. Какие бы то ни было самостоятельные увеличения цифр не допускались. В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства. Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории - во вторую категорию и, наоборот - разрешалось.

В соответствии с тем, что оперативный приказ распространился и на «другие антисоветские элементы», цифры в нем для всех республик (и МАССР) были уже другие. Хотя, по результатам исследования авторами «Через трупы врага на благо народа», утверждается факт, что по многим регионам цифры были даже сокращены: «...в ходе подготовки операции в 59 республиках, краях и областях были зарегистрированы 263 076 чел. «бывших кулаков и уголовников», из которых 81 514 чел. были отнесены к первой и

181 562 чел. - ко второй категории. Согласно же приказу № 00447 количество репресслируемых по первой категории составляло 59 200 чел., по второй - 174 500 чел., а общее количество подлежащих репрессии составляло 233 700 чел. Это означает, что в соответствии с приказом № 00447 количество репресслируемых по первой категории сократилось на 22 314 чел., по второй категории соответственно -на 7 062 чел., а всего на 29 376 чел.» [184, с. 42].

Опираясь на собранные в вышеуказанном научном труде данные, приведем составленную нами сравнительную таблицу (таблица **Приложения 6**) по УССР и МАССР, с целью показать: несмотря на имевшееся незначительное сокращение общих цифр по категориям, в УССР и в МАССР число репресслируемых по первой категории возросло. Только в МАССР произошло увеличение по первой категории на 189 человек, по второй - на 252 человека. В целом по УССР просчитывается результат, по которому существенные изменения в сторону уменьшения по обеим категориям (особенно в Харьковской, Киевской, Днепропетровской областях), в общем, по республике, не давали сокращения репресслируемых. В дальнейшем, лимиты по УССР и МАССР сохранили тенденцию к росту и не только по инициативе «снизу», хотя мы не будем отрицать установленных фактов почти маниакального желания украинского руководства «выделиться» по результатам операций в ряду других республик.

В ответ на директиву Ежова закончить операцию к 10 декабря (по истечении положенных 4 месяцев) Нарком внутренних дел Украины тот же день телеграфировал в Москву: «Я сообщаю, что установленный Вами в соответствии с приказом № 00447 лимит для Украины, а именно 24.150 чел. по первой категории и 47.800 чел. по второй, исчерпан. Ссылаясь на Вашу телеграмму № 50194, прошу Вас дополнительно предоставить лимит в 6 тыс. чел. по первой категории и 10 тыс. по второй для всех областных управлений НКВД Украины». 17 декабря руководство НКВД одобрило квоту [125, с. 151].

В IV разделе приказа № 00447 определялся порядок ведения следствия, в котором указывалось, что «следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке. В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного» [184]. Таким образом, карательным органам давалась практическая установка на максимальное расширение круга репресслируемых за счет родственников, друзей, сослуживцев и даже случайных знакомых.

1 августа 1937 г. вышел приказ НКВД СССР № 00485 о проведении «польской» операции. Людей арестовывали по специальным оперативным листам и спискам—протоколам. Принципиальным отличием было то, что при отборе контингента репресслируемых людей

значение имели уже не социальное происхождение или политическое прошлое, а факт пребывания в стране «потенциального врага», родственные связи или любые контакты с ним. Началась борьба против «пятой колонны». В УССР и МАССР, имевших общие границы с Польшей и Румынией, эта борьба была особенно жесткой. 31 января 1938 года Постановлением ЦК ВКП(б) НКВД было разрешено продолжить национальные операции «...по разгрому шпионско-диверсионных контингентов... как иностранно-поданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР. 2. Оставить до 15 апреля существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей вне зависимости от их подданства» [185]. Любой гражданин мог оказаться завербованным агентом, особенно если оказывался в связи с уже разоблаченным врагом. Например, Андроников А., служивший на Рыбницких каменных разработках, (согласно протоколу № 28 от 25 ноября 1937 г.), был расстрелян: как социально чуждый (сын помещика, служителя религиозного культа); как политического врага (исключенный из партии троцкист); как «близкий друг агента рум. разведки Старого» [88, р. 468]. Судя по упомянутому протоколу, в Рыбнице, благодаря рекомендованному выявлению «всех преступных связей» была вскрыта «шпионская сетка» среди служащих. Помимо Андроникова А., в нее входил председатель колхоза Балан Х. («имел тесную связь» с осужденными по первой категории «БОРИСОВЫМ*, КИОРОМ, ПАСКАРЕМ**»); Вакарчук С. («будучи на Советской руководящей работе... выдавал ложные справки, скрывал соц. происхождение кулаков, занимался вредительством», «был тесно связан с осужденными по первой категории ВОРОНОВИЧЕМ и ПАСКАРЕМ», «имел связь с агентом рум. разведки СТРАТОНОВЫМ, сообщал ему шпионские сведения») [88, р. 469].

Здесь не было столь тщательной подготовки, как по проведению предыдущего приказа. Под него попадали политэмигранты, реэмигранты и перебежчики, красноармейцы, побывавшие в плену. Для ареста было достаточно пересечь легально границу, побывав в служебной поездке. В воспоминаниях дочери Хрипливого В., (бывшего на разных витках карьеры в МАССР наркомом просвещения, завотделом Молдобкома и ректором Молдплодоовощинститута), он очень не хотел выезжать в зарубежную командировку, поскольку «многих побывавших за границей арестовывали» [202, л. 2]. А у Христодуло-Финити Б. в Измаиле и Кишиневе жили близкие родственники, которые смогли даже переслать ему наследственную долю за родительский дом. Деньги были потрачены на

* Борисов Б.И. - в 1937 г. второй секретарь Рыбницкого РК КП(б)У.

** Паскарь Т. В. член ЦИК МАССР, в 1937 г. - председатель Рыбницкого форпостного райисполкома.

покупку первого в районе автомобиля «Форд» для колхоза - (правда, потом на нем ездило партийное руководство Григориопольского района) [203, л.1, 4].

По Докладной записке заместителя наркома НКВД СССР Бельского о репрессиях на Украине по состоянию на 25 августа 1937 года арестовано 14 200 человек, «причем в эту цифру не входят арестованные по кулакам». Было арестовано «по польской контрреволюции и шпионажу» 5103 человека, «по антисоветской националистической контрреволюции 157, по немецкому шпионажу 1360, по румынскому шпионажу 751, по антисоветским троцкистским и правым организациям 2600, по военному заговору 391». «По румынам приступили несколько дней тому назад. Сознавшихся в румынском шпионаже 35 человек. Арестованные Криворуков, бывший директор Укрсадовинтреста, Киор - бывш. Секретарь РПК в Рыбнице, Престеско - бывш. директор пединститута - сознались, что они завербованы румынской сигуранцей и по ее заданию проводили шпионскую работу, а также создали националистическую организацию, возглавлявшуюся агентом румынской сигуранцы с 1918 года бывш[им] пред[седателем] Совнаркома МАССР Старым. Ликвидированы шпионские группы в Тирасполе, Каменке, Рыбнице...» [182, с. 166, 169].

В «Резолюции о разоблачении буржуазно-националистической и контрреволюционной организации на Молдавии» V пленума Тираспольского городского комитета ВКП(б)У (17-18 сентября 1937 г.) говорилось: «Пленум Горкома считает установленным, что вскрытая органами НКВД буржуазно-националистическая контрреволюционная организация на Молдавии (Старый, Голуб, Престеско, Балух, Груман, Осадчий и друг.) проводила свою диверсионную и шпионскую работу по заданию румынской охранки в блоке с украинскими националистами и троцкистско-бухаринскими фашистскими агентами, пытаясь отторгнуть Советскую Молдавию от Советской Украины и от Союза Советских Социалистических Республик.

Особо засоренный буржуазно-националистическими и троцкистско-бухаринскими предателями был фронт национально-культурного строительства. Разоблаченная буржуазно-националистическая организация на Молдавии, прикрываясь вредительской теорией об отсутствии Молдавских большевистских кадров, насаждала шпионов, перебрасываемых румынской охранкой по маркой «полит-эмигрантов» земляков на важнейшие участки национально-культурного фронта (Госиздат, Научный Комитет, Радиокomiteт, газета «Молдова социалистэ» и друг.), создавая в них гнезда для проведения контрреволюционной работы... Пленум ... признает свою грубейшую политическую ошибку, выразившуюся в том, что он не принял всех необходимых большевистских мер к своевременному разоблачению

врагов народа, оказавшихся в составе Пленума Горкома Тодрес, Голуб, Старый, Крестьянишин, Михайленко, кои разоблачены органами НКВД» [294, р. 291-292]

Докладная записка о состоянии оперативно–следственной работы НКВД МАССР сообщала, что на 5 октября 1937 года общее количество арестованных составило 2 036 человек, которые распределились следующим образом: румынский шпионаж - 1689 чел.; польский шпионаж - 168; немецкий шпионаж - 132; троцкисты - 21; правые - 11; меньшевики - 9; эсеры - 15; украинские националисты - 22; церковники и сектанты - 16; сельская к/р* - 47; военнослужащие и окружение - 45. Было сделано и примечание: «В том числе арестованные по националистической к/р, шпионской, повстанческой организации в Молдавии и по операции.

Операцию продолжаем за счет дальнейшего использования оставшихся агентурно–оперативных материалов (архивы) и получаемых показаний от арестованных... Усилием следственной работы количество сознавшихся арестованных увеличилось до 18,2 % к общему числу арестованных... Считаем, что процент сознавшихся еще далеко недостаточен и делаем отсюда соответствующие выводы. Имеется значительно количество арестованных, ни разу не допрошенных...

Кроме того, по операции по кулачеству, уголовному и к/р элементу всего арестовано 727 чел., из них: кулаков - 321 чел.; к/р элемента -165; уголовников - 24. Осуждено Тройкой всего 591 чел. По I-й категории 206 чел., по II-й категории 385.

Намечено к аресту по кулачеству 158 чел.

Всего по контингентам вскрыто 66 групповых дел, охватывающих всего 720 арестованных. Из них созналось 262 чел.

Особое внимание было уделено развороту следствия по делу к/р националистической, шпионско-повстанческой организации (дело «ЛИТЕРАТОРЫ») ... Вся повстанческая деятельность в Молдавии проводилась в полном контакте с украинскими националистами...» [184, с.522–524]. В Деле № 130309 Малая Ф., арестованного 17 июля 1938 г, говорилось, что еще с 1927 г. он был вовлечен в молдавскую националистическую контрреволюционную организацию Д.Милевым. По указаниям Милева (буржуазного националиста и агента румынской разведки), он проводил активную шпионскую деятельность, организовывал акты саботажа в области языка и литературы (вводил в молдавский язык румынские термины и обороты). Как и все участники

* Сельская к/р - сельская контрреволюция.

организации писал контрреволюционные произведения, в которых восхвалял врагов народа. Вину признал. Протокол № 16 от 8 октября 1938 г. содержит решение - «расстрелять» (Д.П.Милев был расстрелян за год до этого, 18 октября 1937 г.) [90, р. 435]. Н.Кабак по обвинительному заключению, «будучи еще студентом Молдавского пединститута с 1931 г. являлся участником контрреволюционной националистической группировки, возглавлявшейся ныне расстрелянными членами контрреволюционной организации Кафтанатием и Марковым... был связан и посещал ныне арестованных членов контрреволюционной националистической организации, агентов румынской разведки Милева и Василенко. Находился в близкой связи с осужденным в 1936 г. за контрреволюционную деятельность участником контрреволюционной группировки Дойбаном». Последним в деле был подшитый 17 ноября 1937 г. документ, который гласил: «Приговор НКВД СССР по протоколу № 33 (по румынской операции) в отношении осужденного к ВМН - расстрелу Кабака Н.П. Приведен в исполнение 16.XI.1937» [295, с. 75-76]. Я.Дойбань по праву считался одним из самых талантливых поэтов республики, в 1935 г. был призван в армию, стал курсантом командирской школы в г. Киеве. Был арестован за антисоветскую агитацию и приговорен 30 мая 1937 г. к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах [296, с. 102]. Поэт выжил, вернулся в родные места, но односельчане вспоминали, что он уже был совсем другим и походил на «призрак»: истощенный, дряхлый, «с испугом в глазах» [63, с.72-73]. По высказыванию Н.Мовиляну, «бездушная машина, перемалывающая своими зубьями судьбы целых поколений, проглотила мастеров художественного слова, стоявших у истоков молдавской советской литературы: Н.Кабака, Д.Милева, Н.Маркова, Ф.Малая, С.Лехтцира...» [63, с. 64].

В ходе национальных операций страшный удар был нанесен сельскому учительству. В селе Бутор осенью 1937 г. «за несколько ночей были взяты учителя Ф.Д.Диордиев, П.И.Переверзев, С.П.Гинкулов». В течение мая-июля 1937 г. в с. Перерыта было арестовано 270 человек, в том числе молодые учителя Н.Писарь, С.Лапшин и агроном Н.Бошканян (ему из-за недостатка педагогических кадров пришлось побывать учителем математики и директором школы). В декабре 1937 г. пришел черед Б.Христодуло-Финити, который работал в Григориопольской школе № 1 с 1934 г. Его взяли вслед за директором школы, арестованным накануне ночью: «пришли в дом два с винтовками и предъявили ордер...переписки с заграницей и оружия не нашли, а отца забрали. Это было 17 декабря...». Семью выселили из дома (они жили до того в школьном здании). Старшая дочь, Антонина, была исключена из комсомола из-за отца - «врага народа», но проявила такую волю и настойчивость, что в 1938 г. была восстановлена, поскольку вождем было сказано: «Сын за

отца не отвечает». [203, л. 2, 3]. Младшая дочь сумела закончить педучилище, а затем филологический факультет. Она всегда помнила об отце и написала стихи, посвященные памяти о трагедии своей семьи: Семья «врага народа» нас ругали.../ Нас сторонились все - упрек! Упрек! / А мама говорила: «Это Сталин/ Сгубил отца, страну не уберег!» [297, с.165].

В болгарском селе Парканы были арестованы учителя М.Стоянов, П.Киосев и В.Мильчевский (им напомнили о забастовке), И.Карионов, А.Проданов, Г.Инсаров-Дерменжи. Учитель Парканской школы №1, Г.Инсаров-Дерменжи (выходец из Бессарабии), как ищущий педагог хотел создать в своей школе класс «выравнивания», чтобы подтянуть неуспевающих. С точки зрения партийных властей, он «комплектовал 5-й класс «В» из отстающих учеников, что давало тридцать процентов неуспеваемости» [107, с. 149].

Первая половина 1938 года была исключительно кровавым периодом для Украины. По мнению специалистов, основанном на скрупулезной статистике НКВД УССР этого периода, «высшая мера наказания внезапно стала применяться сверхпропорционально. С 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. тройки на Украине осудили, включая также «молдавскую» тройку, 36.393 чел., из них 35.563 чел. - к смерти и только 830 - лагерному заключению. Доля смертных приговоров в 1938 г. составила 98 %, далеко оставив позади показатели 1937 г. с его «только» 39 % [125, с. 278].

В феврале 1938 года, выступая в Киеве перед начальниками областных управлений НКВД УССР и МАССР, нарком Ежов объявил, что массовые операции выходят на новый этап. Кандидатов на арест было рекомендовано отбирать исходя из их «социального клейма» (прежние судимости, социальное и политическое прошлое) и индивидуального поведения. О кулаках, а тем более, об уголовниках, речь практически уже не шла. Вообще, в это время центр начал отказывать регионам в увеличении лимитов в осуществлении «кулацкой операции», но для УССР сделали исключение, (установили лимит в 30 000 человек, разрешили самостоятельно определять категории для жертв). С этого момента репрессии были нацелены на тех, кто, по мнению режима, мог стать опорой угрозы извне. Таким образом, карательные органы были сосредоточены на «национальных операциях», в которых главным было уже не количество арестованных, а качество, «строго дифференцированный, индивидуальный подход» [125, с. 279].

Согласно сведениям о количестве контрреволюционных элементов органов УГБ НКВД УССР, на 1 февраля 1938 г. в МАССР на оперативном учете состояло: меньшевиков - 3 чел.; эсеров - 18 чел.; украинские контрреволюционные политические партии - 150 чел.; сельская контрреволюция - 462 чел.; прочий антисоветский элемент - 148 чел.; польская

контрреволюция и шпионаж - 54 чел.; румынская контрреволюция и шпионаж - 96 чел.; немецкая контрреволюция и шпионаж - 95 чел.; разная контрреволюция и шпионаж - 17 чел.; диверсии и вредительство - 35 чел. [185, с.55].

По сведениям о национальном составе арестованных с 1 января по 1 августа 1938 года, представленных начальником 1-го спецотдела УГБ НКВД УССР А.Г.Назаренко, в МАССР аресту подверглись 3374 человека, среди которых:

1194 - украинца	20 - румын
776 - молдован	14 - чехов
444 - русских	9 - прочих
330 - евреев	8 - белорусов
318 - немцев	7 - латышей
138 - поляков	4 - армянина
109 - болгар	3 - грека [213, с.142].

В ходе национальной операции упор делался на поиск организованных враждебных сил, на «групповые дела», такие, как сфабрикованное дело о контрреволюционной болгарской националистической повстанческо-террористической организации, которая занималась вредительством, контрреволюционной агитации и «активной» подготовке убийства Г.Димитрова. Следователь Маглеванный, заявил на суде в 1939 г., что получил задание «подготовить операцию на 500 человек по болгарам». Однако, по признанию самого следователя, несмотря на то, что «все состоявшие на учете уже арестованы», руководство в лице Ривлина и Зинько настаивало на «увеличении дела». Было арестовано около 90 человек, «т.к. больше не имелось материалов» [166, л.7]. Кроме «малограмотных» (как указано в деле) колхозников, в их числе были: счетовод Радулов К.; табельщик Владов М.; инспектор Тираспольского городского Совета Владов И. (беспартийный, грамотный); помощник начальника почтового отделения Николаев А. (бывший член партии); секретарь Парканского сельского Совета Степанов К. Все они - выдвиженцы, те самые «необходимые кадры», на возвращение и образование которых так затрачивалась система.

В Заключении по «болгарскому делу», сказано, что «из материалов дела видно, что...обвинение было построено на противоречивых и сомнительных показаниях самих арестованных, без каких-либо других убедительных доказательств». Следователь Власов привел пример: «...ВЛАДОВ Иван Павлович на следствии показал, что его односельчанин ДИВОВ Тимофей Михайлович вербовал его в шпионскую группу в присутствии агента сигуранцы ГРАДИНАР Григория Степановича, при просмотре архивно-следственного дела № 25438 установлено, что ВЛАДОВ И.П. по показаниям ГРАДИНАР Г.П. и ДИВОВА Т.М.

не проходил...» [166, л.5]. Следователям было достаточно признания арестованных, а необходимости в подтверждении уже не было, ведь «признание стало царицей доказательств» в период Большого террора. Не то, что доказательную базу собирать, не всегда у следователей время на допрос находилось. Так, арестованные по «болгарскому делу» 1 марта 1938 г. ждали допроса более трех месяцев, а один из них, Диордиев С.Д., «содержался в тюрьме около года без допроса и в апреле 1939 г. был из-под стражи освобожден». Мокан Ф.И., бухгалтер, выдвиженец, был арестован 2 марта, вслед за отцом Моканом И.А. Свидетель, которому удалось выйти из-под стражи, показал, что отец и сын «говорили ему, что они не знают, за что они арестованы. Возвращаясь с допросов, МОКАН Филипп в камере жаловался, что следователь МАГЛЕВАННЫЙ бил его, а МОКАН Илья Андреевич после одного из допросов со слезами на глазах заявил: «...Я не могу больше переносить и дал вымышленные показания...» [166, л.5-6]. В показаниях свидетелей упоминается и учитель Инсаров–Дерменжи, оказавшийся в одной камере с Добровым Н.Г. (бывшим чекистом). Доброва допрашивали в течение года иной раз по 7 раз в сутки, в его камере перебивало много разных людей «По заявлению ДОБРОВА, ИНСАРОВ-ДЕРМЕНЖИ был обессилен побоями, и на голове его образовалась рана...» [166, л. 6]. Учителя били регулярно, вся его голова была «в шрамах от ударов рукояткой пистолета» [107, с. 149]. В конце концов, его приговорили к 10 годам высылки с правом переписки*.

Слухи о жестокости следователей проникали сквозь стены Тираспольской тюрьмы. Дочь В.Хрипливого вспоминала, как к ним зашел человек, сидевший в одной камере с отцом: «Руки у него были забинтованы... Обо всем он рассказывал с большой опаской, так как подписал документы о неразглашении...Помню, по вечерам и ночью по городу разъезжал «черный ворон», забирали людей. Люди ходили подавленные...» [202, л. 1].

Я. Сумишевская, вдова репрессированного В.Сумишевского*, вспоминала: «В 1938 году, когда их перевозили с одной тюрьмы в другую тюрьму, я получила письмо, которое он, муж мой, выбросил из вагона... и нашелся добрый человек, который выполнил его просьбу» [201, л. 1-2]. Вдова Г.Ильчикеса** вывезла детей к родственникам в г. Одессу, а сама носила передачи, получая взамен чистого белья окровавленное [204, с.12]. Б.Ильчикес была арестована в сентябре 1937 г. и осуждена на 8 лет за недонесение на мужа. По той же

* Супруга Г.Инсарова-Дерменжи, Н.Инсарова, добилась пересмотра дела и свидания, на котором мужа не узнала. Приговор был оставлен без изменений. Переписка прекратилась в 1941 г. По справке о реабилитации, Г.Инсаров-Дерменжи умер 8 мая 1942 г.

* Сумишевский В. Был главным бухгалтером Рыбницкого заготзерно, поляк. Арестован 23 февраля 1938 г.

** Ильчикес Г. в 1937 г. был Председателем СНК МАССР.

причине была исключена из партии жена Ф.Кырлига^{***}, А.Кырлиг - ее обвинили в том, что она не раскрыла отношений супруга с врагами народа Престеско и Осадчим, не отказалась от мужа и разделила его судьбу. Заведующий кафедрой истории Тираспольского пединститута И.Борисюк был исключен из партии за то, что сознательно «затягивал» расследование при разборе персональных дел врагов народа, причем он решительно игнорировал доносы [60, л. 92].

В одной камере оказались жены Е.Вороновича и Г.Старого, также осужденные за родственные связи. Е.Алмазова (бывший ректор Комвуза), отбыв в лагерях Коми АССР свой срок, вернулась, но поселилась в г. Кишиневе. Она оставила машинописные воспоминания, которые посвятила только годам революции и гражданской войны, когда она встретила Г.Старого.

Судьбу супруга М.Альхимовича^{****}разделила и Г.Виравская, которая поддерживала его и в лагере. Их записки и письма в 1980 г. прочел русский советский писатель Ф. Абрамов. В его письме есть строки: «А какие были люди! С каким удивительным человеческим материалом мы выходили на строительство нового мира! ...я сейчас снова и снова задаюсь вопросом: за что? За что искалечили и сломали Вашу жизнь, зачем Вам-то надо было всю жизнь дрожать, жить в четверть себя?» [199, л.1].

Прямым указанием на свертывание террора стало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. В нем о «большой работе» органов НКВД по разгрому врагов народа было отмечено: «Очистка страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства. Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено...». И далее - «...массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда - не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры...». Постановлением были

^{***} Кырлиг Ф. в 1937 г. был начальником управления по делам искусств при СНК МАССР.

^{****} Альхимович М. в 1933 г. был заведующим отделом культуры и пропаганды Молдобкома, в 1935 г. - секретарь Балтского райкома, в 1936 г. - начальник Суклейстроя.

запрещены массовые операции, ликвидированы «тройки», аресты не должны проводиться без санкции прокурора или суда [184, с. 426]. По рекомендации «сверху» на местах стали проводиться партийные собрания и совещания по Постановлению. Это были достаточно откровенные выступления с осуждением методов и ошибок коллег по работе, руководства управлений. Правда все, кого подвергали жесткой критике, были уже сняты с должностей и арестованы.

23 ноября 1938 г. состоялось совещание оперативных работников НКВД МАССР, на котором выступил и товарищ Маглеваный: «...Мне кажется, что наиболее мы наломали дров после того, как во второй операции начали арестовывать по показаниям осужденных. Эти показания в упрощенном ведении следствия не проверялись и ясно, что по этим показаниям были арестованы и невинные люди...». На совещании говорилось откровенно о существовании «штатных свидетелей», «которые давали показания на всех без исключения арестованных, фамилии которых называл работник УГБ или милиции» [184, с. 429-431].

В МАССР, согласно последним открытым архивным материалам и подсчетам Г.Негру и М.Ташкэ, в ходе исполнения оперативного приказов № 00447 и 00485 было арестовано 947 человек: 4 886 (70,3 %) были приговорены к расстрелу, 2 004 (28,9 %) отправлены в лагеря. На пересмотр были отправлены дела 57 человек (0,8 %) [90, р. 442].

Наиболее засоренным «антисоветским мусором» был признан Тираспольский район, а абсолютное большинство этого «мусора» - служащие, учителя и студенты. «Врагов народа» занимавших руководящие посты в 1937 г. выявлено 9, в органах Наркомзема - 4, в Молдавском Госиздате - 3, в Наркомпросе - 6, Радиокomitee и редакциях областных газет - 8 человек. Так мучительно создаваемые кадры безжалостно уничтожались вместе с наставниками, учебные заведения лишались специалистов высокого уровня, ученых и преподавателей высшей школы, таких как Г.Пысларь, А.Патрашко, А.Бынзарь, А.Дымбул, Л.Мадан, М.Тарантаев и других. Только в истории Тираспольского института репрессирована целая череда руководителей - А.Бихман (директор с 1930 по 1932 г.), М.Холостенко (директор в 1934 г.), А.Похинин (директор с 1935 по 1937 г.), Д.Престеско*. Впрочем, косвенно потери видны по некоторым данным, попавшим на страницы республиканских газет. Так, в 1940 г. директор Молдплодовоощного института имени Котовского в статье «IV выпуск» сообщил, что «...в 1937 г. институт выпустил **36**

* Первый выпуск Молдавского педагогического института им. С.Косиора (бывший ИНО) состоялся в 1937 г. На стационарном отделении были подготовлены 65 учителей. 7 из 15 выпускников исторического факультета направили на руководящую работу в систему Наркомпроса (в том числе был Я.Гросул, будущий академик АН МССР и член-корреспондент АН СССР). Всего за довоенный период вузом было выпущено 785 специалистов, среди которых - А.Лазарев, А.Крачун, А.Барановский, Н.Кириченко, С.Афтенюк и др.

агрономов, в 1938 - 25, в 1939 - 48. В этом году - 63...» [298]. К 1940 г. в республике работало более 43000 учителей, около 1000 врачей и средних медицинских работников, 700 специалистов народного хозяйства. Количество молдавских школ увеличилось с 11 до 126, действовало 505 общеобразовательных школ. МАССР с населением в 600 тысяч человек стала республикой сплошной грамотности (95 % населения были грамотны, 2 % неграмотными, остальные малограмотными) [299, с. 159].

Достижений было достаточно, но сокрушительный удар, нанесенный по интеллектуальным силам автономии и всего СССР, сказался впоследствии на качественных характеристиках новой интеллигенции. Подрастало поколение, воспитанное тоталитарной властью. Воспитанное на мифических идеалах, оно и должно было вынести на своих плечах, не колеблясь, все тяготы будущих испытаний и, прежде всего, войну. Как и для всех тоталитарных систем в принципе, в этом послушном поколении и была заложена основа будущего их распада.

Интеллигенция МАССР испытала на себе все многообразие методов, разработанных тоталитарным режимом для борьбы с любой формой инакомыслия в обществе: взятие заложников, поражения в правах, изгнание, ссылки, кампании травли, чистки, арест, изоляции, физическая расправа (расстрел).

3.3. Выводы по главе 3

1. Поставив перед собой задачу модернизации общества, тоталитарный режим в качестве мобилизующего фактора использовал идею о классовом враге - внутреннем и внешнем. Создание нового «бесклассового» общества, согласно сталинской теории, не могло проходить без сопротивления неких враждебных этому социальному реконструированию сил, то есть без классовой борьбы. На основании сталинской теории «классовой борьбы» начало формироваться реакционное законодательство и создаваться мощнейший карательный аппарат. Несудебные органы, состоявшие из партийных функционеров и представителей карательного аппарата («тройки», «двойки», спецсуды) стали подменять собой суд и закон, узурпируя полномочия официальных судебных органов.

2. «Красный террор» проводился не только в отношении открытых врагов, но обрушивался и на тех, кто с точки зрения политической власти, мог быть потенциально для нее опасен. Таким образом, в большинстве случаев репрессивные действия в отношении собственных граждан режим проводил превентивно. Классовый подход упрощал поиск врагов, но не ограничивался «классово-чуждыми» представителями «бывших

эксплуататорских классов и их прислужников». Так называемые «чистки» выявляли антисоветские элементы в партийном и советском аппарате, армии, организациях науки и культуры, образования.

3. По сталинской концепции усиления классовой борьбы по мере приближения к социализму, преступным смыслом были наделены явления, названные вождем «правым уклонизмом» и «национал-уклонизмом». Использование подобных политических ярлыков давало возможность сдерживать в республиках тенденции к большей самостоятельности, в том числе и в вопросах развития национальной культуры, науки и образования. В результате темпы молдовенизации (и без того невысокие) заметно снизились, так как никто не хотел быть впоследствии обвиненным в «борьбе за отчужденность» от Москвы, русской культуры, ленинизма.

4. Все попытки провести мероприятия по реализации государственной национальной политики изначально были обречены по вполне очевидным причинам. В большинстве крестьянское по социальному положению, молдавское население автономии было не готово к лидерской позиции и не проявляло необходимого энтузиазма в национально-государственном строительстве.

5. В случае МАССР было бы справедливо говорить о перспективе солидарной деятельности нескольких этносов в процессе становления республики, поскольку только совместные усилия давали по-настоящему важные достижения. Именно полиэтничность и толерантность являются до сих пор одними из основных качеств современного приднестровского общества.

6. МАССР создавалась с определенными политическими целями, ради реализации которых должна была демонстрировать успехи титульного этноса. Провалы коренизации, молдовенизации и латинизации обусловила не столько недостаточная готовность конкретного народа, сколько слишком короткие сроки, отведенные на них и отсутствие четкой линии в вопросах языка. Разногласия между самобытниками и румынизаторами были фактически использованы властью как оправдание собственных просчетов.

7. МАССР (как и другим республикам СССР) пришлось пройти через все кампании тоталитарной власти. При острой нехватке кадров проводились чистки, которые в первую очередь затрагивали сферу образования и науки. Эксперименты власти в области создания молдавского языка (переход на латинскую графику и обратно), оборачивались провалом и откровенным саботажем по изучению языка на местах. Свои неудачи тоталитарный режим охотно приписывал интеллигенции, обвиняя ее в «буржуазном национализме», «сепаратизме» или «шпионско-диверсионной деятельности».

8. В ходе массовых репрессий 1937-1938 гг. автономная республика потеряла много талантливых и перспективных в своих областях специалистов, тех, кто эту республику создавал своим трудом и энергией. МАССР лишилась и тех, кого старательно выводила в люди, и их наставников. В одном ряду оказались старая и новая интеллигенция, выдвиженцы.

9. Обоснованием репрессий стали оперативные приказы НКВД СССР № 00447 и № 00485, инспирированные Политбюро и И.Сталиным в первую очередь. Они и дополнительные постановления, приказы и инструкции развязывали руки карательным органам на местах. МАССР оказалась в зависимости от лимитов, которые постоянно увеличивались для УССР по просьбе Наркома республики. Молдобком послушно осуждал «врагов народа», оказавшихся на всех ключевых партийных и советских постах, каялся, что упустил «националистов» и «шпионов», а в Тираспольской тюрьме люди месяцами ждали допроса, чтобы понять, в чем их обвиняют.

10. Нацеленность карательной системы на создание групповых дел, позволяла привлекать к делу арестованного практически любого, с кем он был знаком, общался и, конечно, родственников.

11. Для тоталитарной системы каждый член общества - обезличенный винтик или кирпич, который легко можно заменить. В понимании интеллигенции незаменимые люди не просто есть, каждый человек является таковым. Это расхождение принципиальное и непреодолимое. Поэтому в отношении интеллигенции тоталитарная власть была особенно избирательна, последовательно преследуя ее при каждой репрессивной кампании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Основная научная задача, поставленная в исследуемой области, заключалась в освещении политических условий формирования, жизни и деятельности интеллигенции МАССР, что привело бы к объективной оценке её роли и места в национально-государственном строительстве автономии, выявлению специфических черт политики тоталитарного режима в отношении интеллигенции.

Проведенное диссертационное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. В результате проведенного анализа историографии по проблеме, предложена ее периодизация, состоящая из трех этапов, определенных по общностям методологии, характеру и доступности источников, господствующей концепции по рассматриваемой теме. По существу анализа, концепция по проблеме имела возможность видоизмениться на втором (1956-1987 гг.) и третьем (с 1987 г. по наши дни) этапах, поскольку они связаны с важными изменениями в общественно-политической жизни СССР и МССР.

2. Рассматривая политические условия, в которых формировалась интеллигенция МАССР, были выделены и охарактеризованы отличительные черты советского (левого) тоталитаризма, как определяющие факторы этого процесса. Центральной идеей социальной политики тоталитарного режима является создание «нового общества» и «нового человека», новой «советской» (массовой) ментальности. Завоевав поддержку люмпенов и маргиналов на подходе к власти, партия большевиков находилась в постоянном состоянии войны со всеми, кто мог на эту власть посягнуть. Но при этом без помощи интеллигенции попытка справиться с государственным управлением была обречена на провал, и это стало ясно с первых дней после прихода большевиков к власти.

3. При образовании МАССР было очевидно, что среди многих проблем перед руководством не последней будет нехватка кадров. Отсутствие в нужном количестве перспективных работников-молдаван (по партийной принадлежности и образовательному уровню) препятствовало проведению ряда программ национально-культурного развития МАССР, таких, например, как коренизация или молдовенизация.

4. Государственная политика коренизации должна была стимулировать процесс создания лояльной этнической элиты в МАССР. При этом достижения молдавской интеллигенции представлялись режимом как достижения советской национальной политики.

5. Взаимоотношения советского тоталитаризма и интеллигенции старой школы всегда носили антагонистический характер. Тоталитарная власть не желает признавать за интеллигенцией позиции лидерства в обществе, поэтому сотрудничество с ней было

временным отступлением, необходимостью поддерживать жизнеспособность государственной машины за счет помощи специалистов до тех пор, пока не будет создана советская рабоче-крестьянская интеллигенция. Интеллигенция, в свою очередь, воспринимала свою деятельность как выполнение определенной образовательной миссии по отношению к тем выдвиженцам из народа, которые должны были (по представлению власти) осуществлять управленческие функции, но не были к этому готовы.

6. В формировании интеллигенции МАССР выявлены три источника: «старая» интеллигенция, «выдвиженцы» и первые выпускники вузов. Если первые два были сразу включены в работу, то привлечения третьего предстояло ждать 8-10 лет. Основная нагрузка, таким образом, ложилась на «старую» интеллигенцию, которой приходилось выполнять работу и за выдвиженцев, зачастую исправляя их промахи. Невозможным оказалось вырастить, обучить и воспитать новую советскую интеллигенцию, не обращаясь к знаниям и опыту интеллектуальных сил старой школы.

7. «Выдвиженчество» как альтернатива интеллигенции имела хорошие перспективы, давала возможность проявиться способным людям-самородкам, и могла бы выявить их в достаточном количестве, если бы не превратилась в очередную кампанию системы с ее бешеными темпами.

8. Выпускаемые ускоренными темпами молодые специалисты не имели опыта практической работы, но системе они были полезны как беззаветно преданные энтузиасты строительства социализма. Их деятельность с самого начала нуждалась в корректировании и руководстве, что также легло обязанностью на «старую» интеллигенцию.

9. МАССР была многонациональна, и стремление тоталитарного режима сделать из нее привлекательный образец счастливой жизни для одной конкретной национальности, было лишь политическим ходом в имперских планах по «собиранию земель». С этим и были связаны задачи национально-культурного строительства - развитие «народного молдавского языка», культурный рост и хозяйственные успехи.

10. Неудачи, связанные с попытками создания молдавского языка своими корнями также уходят в политические причины. Центральной власти в Москве было практически важно только одно - язык должен соответствовать текущему политическому моменту. Так в 1932 г., в приказном порядке была отброшена кириллица и все «молдовенизмы» Молдавского Научного Комитета запущена кампания по «латинизации».

11. Развитие национальных культур в условиях советского тоталитаризма всегда находилось на грани балансирования, давая власти поводы для обвинений в «буржуазном» национализме, сепаратизме и шпионских связях с внешним врагом. Предвзятое отношение

порой распространялось не только на «старую» интеллигенцию, но и на выдвиженцев и выпускников вузов, так как они могли подпасть под ее опасное влияние.

12. Политика тоталитарного режима по сути своей была потребительской, поскольку смягчение давления на интеллигенцию, происходило только тогда, когда власти было сложно без нее обойтись. Политика была репрессивной, так как интеллигенция испытала на себе все виды преследования - поражение в правах, высылки, чистки и увольнения по социальному положению, заключение в лагерь или смертный приговор. Репрессивная политика была избирательной - оперативный приказ НКВД СССР № 00447 прямо на интеллигенцию не указывал, но формулировка «антисоветские элементы», а также инициатива местных карательных органов расширила круг и контингент арестованных за ее счет. Оперативный приказ № 00485 переориентировал репрессии, развернув преследования по национальной принадлежности.

Рекомендации:

1. Тоталитаризм как политический феномен продолжает оставаться актуальнейшей проблемой и в XXI веке и развитие научного знания с использованием фактического материала по истории МАССР может способствовать формированию в обществе объективного взгляда на свое историческое прошлое;

2. МАССР - один из ярких примеров осуществления государственной национальной политики советского (левого) тоталитаризма. Опыт осуществления этого политического проекта нуждается в дальнейшем изучении и объективной оценке;

3. Научный анализ политики тоталитаризма в отношении интеллигенции может выявить причинно-следственные связи между отступлениями в кадровой стратегии режима (от недоверия к временному сотрудничеству) и переменами во внутреннем и внешнем курсе СССР. В этом контексте судьба многонациональной МАССР стала бы одним из показательных примеров;

4. Место и роль «самобытников» и «румынизаторов» в становлении и развитии культуры МАССР нуждаются в отдельном исследовании;

5. Изучение процесса формирования интеллигенции МАССР, ее достижений на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни могло бы дать в результате единую обобщающую работу, посвященную исключительно роли этого социального слоя в истории МАССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александри Л.Н. Бессарабия и бессарабский вопрос. Москва: Госиздат, 1924, 104 с.
2. Дембо В. Советская Молдавия и бессарабский вопрос. Москва: Московское отделение общества бессарабцев, 1925, 40 с.
3. Бочачер М.Н. Молдавия. Москва: Госиздат, 1926, 57 с.
4. Съездул ал доилеа ал Сфатурилор де депутаць мунчиторь, цэрань ши остаць рошь дин РАССМ (9-14 май 1926). Балта: Едит. КЫЧ а Молдовой, 1926, 260 п.
5. Из выступления Наркома просвещения МАССР Г.Бучушкану. В: IV областная конференция Молдавской организации КП(б)У. Стенографический отчет. Издание Молдавского обкома КП(б)У. Балта, 1928, с. 238-240
6. Материалы к отчету правительства АМССР 2-му Всеомолдавскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Балта: Изд. ЦИК и СНК АМССР, 1926, 63 с.
7. Два года работы правительства АМССР. 1924-1926 гг. К пятой сессии Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета девятого созыва. Балта: Изд. СНК АМССР, 1927, 264 с.
8. Молдавия. Статистические материалы. Балта: Молдавское статистическое управление, 1928, 321 с.
9. Историческая наука Советской Молдавии (К 60-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии республики). Кишинев: Штиинца, 1984, 210 с.
10. Холостенко В. 3-я годовщина МАССР. В: Красная Бессарабия, 1927, № 8-9, с. 54-55.
11. Брынза Л. МАССР в освещении сигуранцы. В: Красная Бессарабия, 1932, № 8-9, с. 18-19.
12. Очинский И.В. Социалистическое строительство и работа научного комитета в Молдавии. В: Красная Бессарабия, 1932, № 6, с. 26-28.
13. Балух М.А. Выдвиженцы (на руководящую работу рядовых активистов). В: Красная Бессарабия, 1934, № 8-9, с. 17.
14. Киор П. Пе друмул молдовенизэрий. Плугарул Рош, 1926, 8 дечембрие. В: Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.
15. Мадан Г. Дряптаскрииря лимбий молдовеншьть. Плугарул Рош, 1926, 4 ноембрие. В: Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.

16. Теодоровский В. Курсуриле де прегэтире, а ынвэцэторилор. Плугарул Рош, 1926, 4 август. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.*
17. Лехтман Б. Классовая борьба на научном фронте. В: *Красная Бессарабия, 1934, № 8-9, с. 29-30.*
18. Чьобан И. Лимба ын 15 ань де zile. Молдова социалистэ, 1939, 23 октомбрие. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.*
19. Булат Г. 10 лет МАССР. Тирасполь-Балта: Молдгосиздат, 1934, 14 с.
20. Сопроводительное письмо Секретаря Главлита МАССР Андросенко Зав. Отделом пропаганды и агитации Молдавского Обкома КП(б)У Царанову о изъятых книгах из книготорговой сети и библиотек АМССР 1937, 5 сентября. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПО РМ), Фонд 49, опись 1, дело 3880, листы 114-115.
21. Молдавия в великой семье республик Советского Союза. Кишинев: Гос.изд.Молд.ССР, 1941, 144 с.
22. Дольник А. Бессарабия под властью румынских бояр (1918-1940). Москва: Госполитиздат, 1945, 175 с.
23. Царанов В.И. Развитие исторической науки в Молдавской ССР. В: *Историческая наука Советской Молдавии (К 60-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии республики). Кишинев, 1984, с. 5-22.*
24. История КПСС. В 5 т. Москва: Политиздат, 1964-1980, 5314 с.
25. Литвин А. Российская историография большого террора. В: *История (приложение к газете «1сентября»)*, 1999, № 33. <http://www.1september.ru/1999/his.33.htm> (посещен 3.04.2012)
26. Медведев Р. К суду истории: Генезис и последствия сталинизма. New York: Knopf, 1974, 1136 с. http://bookz.ru/authors/roi-medvedev/k-sudu-i_357/1-k-sudu-i_357.html (посещен 5.04.2012)
27. История Молдавской ССР. Т. 1-2. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1965-1968, 814 с.
28. История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. Кишинев: Штиинца, 1982, 551 с.
29. Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982, 712 с.
30. Suveică S. *Politică și istoriografie în RSS Moldovenească în anii '60-'70 al secolului XX.* В: *Istoriografie și politică în estul și vestul spațiul românesc. Chișinău/Oradea, 2009, p. 26.*

31. Саница Г.В. Деятельность партийных организаций левобережных районов Молдавии в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). Кишинев, 1963, 51 с.
32. Очерки истории комсомола Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1980, 444 с.
33. Лазо Е.С. Молдавская партийная организация в годы строительства социализма (1924-1940). Кишинев: Штиинца, 1981, 167 с.
34. Репида А.В. Образование Молдавской АССР. Кишинев, 1974, 184 с.
35. Иванова З.М. Левобережные районы Молдавии в 1918-1924 гг. Исторический очерк. Кишинев: Штиинца, 1979, 215 с.
36. Иванова З.М. Борьба за ликвидацию неграмотности в Левобережной Молдавии (1920-1924 гг.) В: Культурное строительство в Советской Молдавии. Кишинев, 1974, с. 86-92.
37. Иванова З.М., Есауленко А.С. Культурное строительство в Левобережной Молдавии в первые годы Советской власти: 1917-октябрь 1924. Кишинев: Штиинца, 1984, 205 с.
38. Строительство социалистической культуры в Молдавии (1917-1960). – Кишинев, 1987, 261 с.
39. Грекул А. Расцвет молдавской социалистической нации. Кишинев, 1974, 303 с.
40. Гросул Я.С. Развитие науки в Молдавской ССР за годы Советской власти. В: История СССР, 1967, № 5, с. 77-84.
41. Тарасов О.Ю. Очерки истории организации науки в Советской Молдавии (1924-1961 гг.): М. Кишинев: Штиинца, 1980, 154 с.
42. Завтур А. Социальная структура Молдавии: становление социально-политического единства. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1977, 373 с.
43. Морарь А.Г. Критика буржуазной и ревизионистской историографии деятельности КПСС по претворению в жизнь ленинской национальной политики в Молдавской ССР (1917-1980). Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. Киев, 1984.
<http://www.dissercat.com/content/kritika-burzhuznoi-i-revizionistskoi-istoriografii-deyatelnosti-kpss-po-pretvoreniyu-v-zhiz> (посещен 22.11.2015)
44. Антонюк Д.И. Динамизм культурного строительства в Советской Молдавии (Опыт партийного руководства). Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1984, 343 с.
45. Крачун Т. А. Очерки по истории развития школы и педагогической мысли в Молдавии. Кишинев: Лумина, 1969, 322 с.
46. Миренюк В.М. Деятельность молдавской партийной организации по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения республики (1924-

- 1940). В: Учёные записки Молдавского государственного университета, 1971, том 5, с. 119-127.
47. Мустьяцэ С.Г. Что значило быть историком в Советской Молдавии. В: Труды Карельского научного центра РАН, 2013, № 4, с. 99-106.
48. Каппелер А. Россия - многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 1997, 212 с.
49. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т. 1. Март 1953-февраль 1956. Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. Москва: МФД, 2000, 503 с. <http://www.ownlib.ru/read-144516/artizov-a-n/reabilitatsiia-kak-eto-bylo-1953-1956.html> (посещен 12.07.2013)
50. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. Москва: Политиздат, 1991, 461 с. <http://zhistory.org.ua/reabilit.htm> (посещен 20.06.2015)
51. Куманев В.А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы). В: Вопросы истории, 1990, № 1, с. 23-39.
52. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х книгах. Москва: АПН, 1990, 1374 с.
53. Лазарев А.М. О «белых пятнах» в истории Молдавии. В: Горизонт, 1988, № 6, с. 80-83.
54. Сытник М. Реабилитация истории: Как отразились репрессии 1937-1938 гг. в МАССР. В: Народное образование, 1988, № 44.
55. Моисеев И. Боль памяти: о репрессиях 1937 г. в Молдавии. В: Народное образование, 1988, № 48, с. 3-4.
56. Мовилян Н. Жертвы сталинского террора. В: Трибуна, 1988, № 11, с. 32-36.
57. Репида Л., Роман А. Е.П.Воронович. В: Трибуна, 1988, № 15, с. 37-40.
58. Яценко Ф. «Совершенно секретно». В: Трибуна, 1988, № 24.
59. Стратиевский К. Жертвы сталинизма в МАССР в 1933-1937 гг. В: Трибуна, 1989, № 4.
60. Флока Е. В те тридцатые годы (о коммунистах республиканской парторганизации - жертвах сталинских репрессий). В: Коммунист Молдавии, 1990, № 3, с. 87-93.
61. Жабокрицкий М. Записки чекиста. В: Молдова и мир, 1991, №№ 7-11.
62. Смелых В. 1937-й не закончился в тридцать седьмом. В: Молдова и мир, 1991, № 10-11, с. 92.
63. Мовилян Н. Следовать правде истории. В: Восстанавливая правду истории. Сб. статей. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1989, с 5-29.

64. Пакт Молотова-Риббентропа и его последствия для Бессарабии. Сб. документов (сост. В.Вэратек, И.Шишкану). Кишинев: Университас, 1991, 121 с.
65. Мовилян Н.Ф. Репрессии 30-40-х годов в Молдавии. В: Страницы истории Советской Молдавии. Учебное издание в 2-х частях. Кишинев: Лумина, 1990, с 84-102.
66. Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени. В: Национальные истории в советском и постсоветском государствах. Москва: АИРО-XX, 1999, с. 21-73.
67. King Ch. Moldovenii. Romania, Rusia și politica culturala. Chișinău: Ed. "ARC", 2002, 304 p.
68. Bruchis M. One step back, two steps forward: on the language policy of the Communist Party of the Soviet Union in the national republics (Moldavian: a look back, a survey, and perspectives, 1924—1980) /Michael Bruchis. Boulder, Colo: East European Monographs, 1982, 371 p.
69. Кашу И. Был ли Советский Союз империей? Взгляд из Кишинева. В: Неприкосновенный запас, 2011, № 4 (78).
<http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/ka13-pr.html> (посещен 12.06.2012)
70. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару. Изд. 2-е, перераб. и доп. Chișinău: «Elan-Poligraf», 2002, 360 с.
<http://www.istmira.com/razlichnoe/istoriya-respubliki-moldova-s-drevneyshih-vremen-d/> (посещен 5.06.2016)
71. Моисеев И. Аспекты политической и культурной жизни Молдавской АССР. В: Cugetul, 1992, nr. 5-6, p. 66-70.
72. Movileanu N. Din istoria Transnistriei (1924-1940). В: Revista de istorie a Moldovei, 1993, nr. 1-2.
73. Мовилян Н., Стратулат Б. Через призму столетий. В: Молдова и мир, 1992, №№ 6-7.
74. Галущенко О.С. Образование Молдавской АССР: современный взгляд историка. В: Проблемы национальной стратегии, 2014, № 5 (26), с. 202-218.
75. Галущенко О.С. Из опыта межнациональных отношений в Молдавской АССР. В: Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (Материалы «круглого стола»), Кишинев, 1999, с. 53-59.

76. E.Muraru, I.Moiseev. Politica socială a statului în domeniul ocrotirii sănătății promovată în RASSM în condițiile aparatului administrative de comandă stalinist. Realizării și zigzaguri. B: Anale științifice ale universității de stat din Moldova, 2000, Vol.II, p. 144-147.
77. E.Muraru, I.Moiseev. Politica de cadre și crearea intelectualității în RASSM în condițiile aparatului administrative de comandă stalinist. B: Anale științifice ale universității de stat din Moldova, 2000, Vol. II, p. 148-152.
78. E.Muraru, I.Moiseev. Locul, activitatea și rolul femeilor în dezvoltarea învățământului în Republica Autonomă Sovietică Moldovenească. B: Anale științifice ale universității de stat din Moldova, 2001, Vol.II, p. 208-211.
79. E.Muraru, I.Moiseev. Unele considerații privind politica de moldovenizare în RASS Moldovenească în condițiile aparatului administrative de comandă stalinist (1924-1940). B: Studia universitatis Moldaviae, 2007, nr.10, p. 5-15.
80. Țicu O. „Moldovenismul” sovietic și politicile identitare ale URSS în RASSM (1924-1991). B: Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa/ coordonat de S.Musteață, I.Cașu. Chișinău: Cartier, 2011, p. 333-355.
81. G.Cojocar. Cominternul și originile „moldovenismului”. Chișinău: Edit. Civitas, 2009, 500 p.
82. Стратиевский К.В. Голод 1932-1933 гг. в Молдавской АССР. Кишинев, 2001, 98 с.
83. Петренку А. Национальная интеллигенция Молдавской АССР, формирование и судьба. B: Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы. Материалы VI Международной научной конференции, Киев, 10-12 октября 2013 г. Москва: POSSPEN, 2014, p. 232-237.
84. Negru E. Politica etnoculturală în R.A.S.S.Moldovenească (1924-1940). Chișinău, 2003, 204 p.
85. Cașu I. Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924-1956. Chișinău: Cartier, 2014, 396 p.
86. Alexei Memei. Teroarea comunistă în RASSM (1924-1940) și RSSM (1944-1947). Mărturii documentare. Chișinău: Editura Serebia, 2014, 832 p.
87. P.Negură. Nici eroi, nici trădători. Scriitorii moldoveni și peterea sovietică în epoca stalinistă. Chișinău: Cartier, 2014, 444 p.
88. Varta I., Varta T., Șarov I. Asasinările în masă din RASSM în perioada Marii Terori. Vol. I. 1937-1938. Chișinău: Arc: Cartdidact, 2010, 828 p.

89. Varta I., Varta T. Marea teroare din URSS și RSS Moldovenească (1937-1938). B: Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa/coordonat de S.Musteață, I.Cașu. Chișinău: Cartier, 2011, p. 356-428.
90. Negru Gh., Tașcă M. Represiunile politice din RASSM în anii 1937-1938 (“Operațiunea culăcească» și “operațiunea română”). B: Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa/coordonat de S.Musteață, I.Cașu. Chișinău: Cartier, 2011, p. 429-455.
91. Благодатских И. Приднестровье в поисках «своей» истории. В: Национальные истории в советском и постсоветском государствах. Москва: АИРО-XX, 1999, с.195-208.
92. История Приднестровской Молдавской республики. В 2-х т. Т 2, Ч.1. Тирасполь: РИО ПГУ, 2001, 415 с.
93. Феномен Приднестровья. Тирасполь: РИО ПГУ им. Т.Г.Шевченко, 2000, 288 с.
94. Государственность Приднестровья: история и современность. /Авт.: Н.В.Бабилунга, Б.Г.Бомешко, П.М.Шорников. Тирасполь: Полиграфист, 2007, 344 с.
95. Волкова А.З. Молдавская Автономная Советская Социалистическая республика: историческиц опыт и современные оценки. В: Приднестровская государственность: история и современность. Тирасполь: Изд. ПГУ, 2005, с. 84-88.
96. Репида Л.Е. Становление Советского государства и особенности Левобережного Поднестровья. В: Приднестровская государственность: история и современность. Тирасполь: Изд. ПГУ, 2005, с. 89-94.
97. Бомешко Б.Г. Культурные преобразования в Приднестровье в первые годы Советской власти (1917-1924). В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 1997, № 1, 51-52.
98. Бабилунга Н.В. Екатерина Арборе - личность героическая. В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 1998, № 2, с. 97-103.
99. Борисенок Е.Ю. Формирование национальной политики большевиков после Октябрьской революции. В: Приднестровская государственность: история и современность. Тирасполь: Изд. ПГУ, 2005, с 95-98.
100. Стратиевский К.В., Стратиевская И.К. Из истории Молдавского научного комитета. В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 1998, № 2, с. 90-100.
101. Стратиевский К.В. Партийная элита Молдавской АССР (1924-1940 гг.). В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 2003, № 7, с. 104-108.

- 102.Галущенко О.С. Как создавалась республика на Днестре (к 80-летию МАССР). В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 2004, № 8, с. 43-54.
- 103.Галущенко О.С. Борьба между румынизаторами и самобытниками в Молдавской АССР (20-е годы). В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 2002, № 6.
- 104.Галущенко О.С. Борьба между румынизаторами и самобытниками в Молдавской АССР (30-е годы). В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 2003, № 7, с.46-55.
- 105.Иченко В.В. Роль общественных организаций в деле становления народного образования Молдавской АССР (1924-1927). В: Русин, 2014, № 2 (36), с. 285-295.
- 106.Иченко В.В. Политические репрессии в МАССР и их проявление в Каменском районе в 30-е годы XX века. В: Приднестровское Подолье: история и современность. Материалы международной научной конференции. Рыбница,2008, Вып. IV. Тирасполь, 2010, с. 114-116.
- 107.Аствацатуров Г.О. Очерки истории села Парканы. В 2-х ч. Часть вторая. Кишинев: «Типарул», 1996, 184 с.
- 108.Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. В: Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 128-170.
- 109.Документ № 23. Протокол закрытого (утреннего) заседания XX съезда КПСС. 25 февраля 1956 г. В: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах.Т. 1. Март 1953-февраль 1956. Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. Москва: МФД, 2000, 503 с.
- 110.Конквест Р. Большой террор. В 2-х кн. Кн. 1. Рига, 1991.
http://sd-inform.org/upload/books/Antitotalitarism/Repressii/bolshoi_terror_kniga_I_.pdf
- 111.Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 годов. Москва, 2009. <http://www.polit.ru/article/2009/08/05/haustovsamuelson> (посещен 4.05.2012).
- 112.Getty J.Arch. «Excesses are not permitted»: Mass terror and Stalinist Governance in Late 1930s. В: Russian Review, Vol. 61, nr. 1, p. 113-138.
<http://home.ku.edu.tr/~mbaker/cshs522/GettyMassRepressions.pdf> (посещен 12.09.2016)
- 113.Getty J.Arch., Naumov O. The Road to Terror: The Self-Destruction of Bolsheviks, 1932-1939. Yale University Press, 1999, 680 p.
<http://busin.biz/library/soviet%20union/stalin/Getty,%20J.%20Arch%20The%20Road%20to%20Terror%20-%20Stalin%20and%20the%20Self-Destruction%20of%20the%20Bolsheviks,%201932-1939'.pdf> (посещен 12.09.2016)

114. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов. В: Вопросы истории, 1990, № 8, с. 16-31.
115. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Москва: РОССПЭН, 2002. 422 с.
http://krotov.info/libr_min/21_f/iz/patrik_9.htm (посещен 12.06.2012)
116. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. Москва: РОССПЭН, 2008, 336 с.
117. Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. Москва: МФД, 2002, 304 с.
<http://padaread.com/?book=176601>
118. Overy Richard. The Dictators. Hitler's Germany, Stalin's Russia. London: Allen Lane 2004, 848 p. <http://www.rulit.me/books/stalin-i-gitler-read-439736-1.html> (посещен 12.09.2016)
119. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Москва: Три Века Истории, 1999, 780 с. <http://blackrotbook.narod.ru/index.htm> (посещен 20.05.2012)
120. Верт Н. Социально чуждые элементы и циклы репрессий. В: Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Москва, 1999.
<http://blackrotbook.narod.ru/pages/12.htm> (посещен 20.05.2012)
121. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт; [пер. с фр. А. И. Пигалева]. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010, 447 с. <http://www.fedy-diary.ru/?p=5359> (посещен 12.06.2016)
122. Куртуа С. Преступления коммунизма. В: Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Москва, 1999. <http://blackrotbook.narod.ru/pages/03.htm> (посещен 20.05.2012)
123. Courtois St. Dicționarul comunismului. Iași: Edit. Polirom, 2008, 752 p.
124. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. Москва: АИРО-XX, 2003, 352 с. http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6360
125. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. Москва: АИРО-XX, 2008, 784 с.
126. Куромия Х. Сталинский «великий перелом» и процесс над «Союзом освобождения Украины». В: Отечественная история, 1994, № 1, с. 190-198.
127. Kuromiya H. The Voices of the Dead. Stalin's Great Terror in the 1930s. New Haven and Lonon, Yale University Press, 2007, 295 p.

128. Priestland D. *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in interwar Russia*. Oxford, 2007, 487 p.
129. McLoughlin B., McDermott K. *Rethinking Stalinist Terror*. В кн. *Stalins Terror: High politics and Mass Repression in the Soviet Union*. Polgrave Macmillan, 2004, 280 p.
130. Hedeler W. (red.) *Stalinuscher Terror. Eine Forschungsbilanz*. Düsseldorf, 2002, s. 203-227.
131. Деннигхаус В. В тени «Большого Брата» - западные национальные меньшинства в СССР 1917-1938 гг. Москва: РОССПЭН, 2011, 727 с.
132. Баберовски Й. *Красный террор: История сталинизма*. Москва: РОССПЭН, 2007, 280 с.
133. Дэвис С. *Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934-1941*. Москва: РОССПЭН, 2011, 231 с.
134. Коэн С. Бухарин. *Политическая биография. 1888-1938*. Москва: Прогресс, 1988, 574 с.
135. Белادي Л., Краус Т. *Сталин*. Москва: Политиздат, 1990, 318 с.
136. Эгге О. *Загадка Кирова: убийство, развязавшее сталинский террор*. Москва: РОССПЭН, 2011, 287 с. http://krotov.info/libr_min/26_ae/ge/osmund_1.htm (посещен 13.07.2015)
137. Шаповал Ю.І. *Україна 20-50-х років: сторінки ненаписаної історії*. Київ: Наукова думка, 1993, 352 с.
138. Шаповал Ю.І. та ін. *ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи*. Київ: Абрис, 1997, 608 с.
139. Шаповал Ю. *Україна в добу «Великого терору»: етапи, особливості, наслідки*. В: *Політичні репресії в Українській РСР 1937-1938 рр. дослідницькі рефлексії та інтерпретації. До 75-річчя «Великого терору» в СРСР*. Київ: Ін-т історії НАН України, 2013, с. 128-164.
140. Касьянов Г.В. *Інтелігенція Радянської України 1920-х-30-х років. Соціальний портрет та історична доля*. Київ: Едмонтон, 1992, 175 с.
141. *Сталінізм на Україні: 20-30-ті роки*. Київ: Наукова думка, 1991, 344 с.
142. Білокінь С. *Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917—1941 рр.): Джерелознавче дослідження – Дрогобич: «Коло», 2013, 1066 с.*
143. Никольский В. Н. *Национальные аспекты политических репрессий 1937-1938 гг. на Донеччине*. Донецк, 2013.
http://r.donnu.ru/jspui/bitstream/123456789/2218/1/nikolskiy_1.pdf (посещен 2.07.2016)

- 144.Бабюх Ю. Створення Автономної Молдавської СРР: причини і наслідки. В: Український історичний журнал, 2009, с. 80-87.
- 145.Білоус С. Утворення Молдавської Автономної Радянської соціалістичної Республіки у складі УРСР 1924 р.: причини і наслідки у контексті сучасної проблеми Придністров'я. В: Збірник наукових праць. Харківської нац. пед. ун-т ім. Г.С.Сковороди. Серія «Історія та географія». Вип. 45. Харків, 2012, с. 27-31.
- 146.Кульчицький С. Голодомор в Україні й український Голокост. Київ, 2008.
http://www.holocaust.kiev.ua/news/jurnal_nodostup/Kulchytskyi.pdf
(посещен 2.07.2016)
- 147.Україна в добу «великого терору» (1936-1938). Київ: «Либідь», 2009, 544 с.
- 148.Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. В 2 ч. Ч. 1. Одеса: Астропринт, 2008, 1008 с.
http://www.archives.gov.ua/Archives/Reestr/Kniga_Pamiati2008.pdf
(посещен 2.05.2013)
- 149.Репин В.В. Советская, российская и украинская историография Бессарабской проблемы в отношениях СССР и Румынии 1918-1940 гг. В: Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. /рэдкал. С.М.Ходзін (адк. рэд.). Минск: БДУ, 2011, с. 130-141.
- 150.Воронович А.А. Создание Молдавской АССР и формирование молдавского республиканского руководства. В: Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «Слио-2012». Москва, 2012.
<http://www.rgaspi.su/nauka/konf/klio2012/tezis2> (посещен 3.05.2012)
- 151.Сосновских С.В. Политические репрессии середины 1930-х гг. на Урале в творчестве современных историков. В: Известия Уральского государственного университета, 2007, № 52.
[http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0052\(03_22-2007\)&xsl=showArtic](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0052(03_22-2007)&xsl=showArtic) (посещен 3.05.2012)
- 152.Степанов М.Г. Уголовное преследование граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939-1945 гг.): Обзор постсоветской сибирской историографии. В: Вестник Томского государственного университета, 2010, № 2(10), с. 46-53.
- 153.Москвина Р. Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме. В: Карта, 1998, с. 35-36.

154. Архипова Т.Г. Унитарный характер устройства СССР. Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. Москва: Наука, 1999, с. 280-291.
155. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917-конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998. <http://zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml> (посещен 12.06.2012)
156. Зубкова Е.Ю. На краю советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940-1960-е годы. В: Российская история, 2009, № 5, с. 101-118.
157. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. Москва, 1999. <http://swolkov.org/ins/index.htm> (посещен 12.06.2012)
158. Гимпельсон Е.Г. Руководящие советские кадры: 1917-1920 годы. В: Отечественная история, 2004. № 6, с. 61-67.
159. Гимпельсон Е.Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность. В: Отечественная история, 2000, № 5, с. 38-46.
160. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. Москва, 2015. http://bookz.ru/authors/oleg-hlevnuk/stalin-_857/1-stalin-_857.html (посещен 26.08.2016)
161. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. Москва: Республика, 1992, 270 с.
162. Борисенок Е.Ю. ЦК ВКП(б) и украинское партийное руководство (середина 1920-х-середина 1930-х гг.). www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/Borisenok.doc (посещен 10.05.2013)
163. Борисенок Е. Феномен советской украинизации в 1920-1930-е годы. http://fictionbook.ru/author/elena_borisienok/fenomen_sovetskoyi_ukranizacii_1920_1930_godiy/read_online.html?page=0 (посещен 10.05.2013)
164. Кропачев С.А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930-1940-х годов. Краснодар, 2006. <http://www.kubanmemo.ru/library/Kropachev01/index.php> (посещен 12.06.2012)
165. Державний архів Одеської області. http://archive.odessa.gov.ua/el_arh/about/
166. Заключение ст. оперуполномоченного УКГБ при СМ МССР по гор. Тирасполю капитана Власова. 6 октября 1956 г. Ксерокопия. 8 л. Собрание материалов Ассоциации жертв политических репрессий (г. Тирасполь).
167. Справка о реабилитации Волосюка И.Н., выданная военным трибуналом Одесского военного округа № 38/н от 23 января 1958 года. 1 л. Собрание материалов Ассоциации жертв политических репрессий (г. Тирасполь).

168. Образование и развитие Союза Советских Социалистических республик (в документах). Москва, 1973, 347 с.
169. Хрестоматия по истории СССР. 1917-1945. Москва: Прогресс, 1991, 544 с.
170. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. 1936 год.
<http://www.greatflags.su/dokumentyi/konstitutsiya-sssr-1936-goda-stalinskaya-.tekst.html>
(посещен 23.03.2013)
171. Конституция МАССР 1925 г.
<http://www.moldovahistory.ru/autonomous2.html> (посещен 30.03.2013)
172. Конституция МАССР 1938 г.
http://www.moldovahistory.ru/autonomous6_1.html (посещен 30.03.2013)
173. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 -1970. Изд. 8-е. Москва: Политиздат, 1970, 543с.
174. Ленин В.И. Избранные произведения в 4-х томах. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва, 1986, Т. 3, 554 с.
175. Доклад И.В.Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). 3 марта 1937 г.
<http://istmat.info/node/29839> (посещен 20.04.2013)
176. Лисовина А.П. Основные этапы и некоторые итоги изучения проблем источниковедения истории Молдавии советского периода. В: Историческая наука Советской Молдавии (К 60-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии республики). Кишинев, 1984, с. 187-208.
177. Начало большого пути. Сборник документов и материалов к 40-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии Молдавии. Кишинев: Партиздат, 1964, 151 с.
178. Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» 31.05.1922 г. Документ № 4.
<http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56015> (посещен 20.04.2013)
179. Из доклада А.З.Гольцмана Политбюро ЦК РКП(б) «Об усилении работы в промышленности инженерно-технического персонала». 1924 г.
<http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1002589> (посещен 20.04.2013)
180. Закрытое письмо бригады корреспондентов газеты «Правда». 1932 г.
<http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1017572> (посещен 4.05.2013)
181. Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» 30.07.1937.
<http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009099> (посещен 11.05.2013)

182. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности. 31.01.1938 г.
<http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61278> (посещен 11.05.2013)
183. Протокол № 11 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг. 29.05.1990. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/67974> (посещен 19.03.2013)
184. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. В 2 т.: Т.1: 1937 г. Подготовка приказа № 00447, первый этап «кулацкой операции» / сост. М.Юнге, С.А.Кокин, Р.Биннер и др. Москва: РОССПЭН, 2010, 743 с.
185. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. В 2 т.: Т.2: 1938-1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности» / сост. М.Юнге, С.А.Кокин, Р.Биннер и др. Москва: РОССПЭН, 2010, 711 с.
186. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. Москва: Наука, 1996, 152 с.
187. Стратиевский К. Национальный состав МАССР. В: Трибуна, 1988, с. 42-44.
188. Красная Бессарабия, 1936, № 5, с.14.
189. Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину. В: Неделя. 1988, № 26, с. 6-7.
190. Гульбинский Н. Оппозиция. В: Огонек, 1990, №13, с. 6-10.
191. Сироткин В. Послесловие к записке Л.Д.Троцкого. В: Учительская газета, 1990, № 32.
192. Костиков В. Изгнание из рая. В: Огонек, 1990, № 24, с. 14-16.
193. Лацис О. Почему СССР не дожил до своего 70-летия В: Известия, 30 декабря 1992 г.
194. Природа тоталитарной власти (обсуждение за «круглым столом» редакции). В: Социологические исследования, 1989, № 5, с.42-59.
195. Смирнова Т.М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике Советской власти. В: Отечественная история, 2000, № 2, с. 37-48.
196. Смирнова Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917-1936). В: Отечественная история, 2003, № 4, с. 28-42.
197. Киселева Е.Л. Чистка государственного аппарата 1929-1932 годов. В: Российская история, 2009, № 1, с. 96-110.
198. Е.С.Алмазова. Факты, события, встречи. ТГОМ, Научно-вспомогательный фонд,

№ 9465, 78 л.

199. Письмо Ф.А.Абрамова вдове Альхимовича М.В. 2.02.1980 г. Копия. ТГОМ, Научно-вспомогательный фонд, № 7218, 2 л.
200. Воспоминания о Комвузе М.Цуркан. 1988. ТГОМ, Основной фонд, № 12462, 2 л.
201. Воспоминания о муже Ядвиги Сумишевской. 15.09.1989. ТГОМ, Основной фонд, № 19873, 2 л.
202. Воспоминания Власовой Р.В., дочери Хрипливого В.И. ТГОМ. Основной фонд, № 16776, 2 л.
203. Воспоминания о Б.Д.Христодуло-Финити, репрессированного в декабре 1937 г. Тираспольский Государственный Объединенный музей (ТГОМ). Основной фонд, № 17402, 4 л.
204. Ильчикес Б.И. «Влітку 1937 рока». В: Ленінська змина, Харьков, 12 вересня 1989 р.
205. Гудков Л.Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. В: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2001, № 5(55), с. 20-29.
206. Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России.
<http://www.bibliotekar.ru/sovetskaya-rossiya/index.htm>
207. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. В: Отечественная история, 1993, № 5, с. 3-25.
208. Горький М. Несвоевременные мысли. 1918.
http://dugward.ru/library/gorkiy/gorkiy_nesvoevremennye_mysli.html (посещен 7.05.2012)
209. Сосковец Л.И. Концепт тоталитаризма как объективная модель антирелигиозных и антицерковных практик. В: Известия Томского политехнического университета, 2004, № 3, с. 154-158.
210. Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме. В: Отечественная история, 1993, № 1, с. 3-17.
211. О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев». В: Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 103-115.
212. Медведев Р.А., Ермаков Д.А. «Серый кардинал». М.А.Суслов: политический портрет. Москва: Республика, 1992, 237 с.
213. Симонов Н.С. Термидор, брюмер или флюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность.
http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5906 (посещен 23.04.2012)

214. Бердяев Н. Смысл истории. Москва, 1990, 175 с.
215. Ильин И. От демократии к тоталитаризму.
http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin/demt08.php (посещен 7.05.2012)
216. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века. В: Вопросы философии, 1992, № 2, с. 3-25.
217. Губкин И.М. Всенародный праздник. В: Огонек, 1937, № 20/30, с. 4-5.
218. Сироткин В. Послесловие к записке Л.Д.Троцкого. В: Учительская газета, 6 августа 1990 года.
219. Национальные истории в советском и постсоветском государствах. Москва: АИРО-XX, 1999, 446 с.
220. Головин В.З. Мировая революция и мировая война.
<http://militera.lib.ru/research/rogovin1/index.html> (посещен 7.05.2012)
221. Бомешко Б.Г. Образование Молдавской АССР (Истоки приднестровской проблемы). В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 1998, № 2, с. 14-23.
222. Кондратьев В.Г. Как рождалась карельская государственность. В: Педагогический вестник Карелии, 2010, № 2(29), с. 4-11.
223. Бурменко Л. МАССР в контексте национально-государственного строительства в СССР. В: Studia universitatis Moldaviae, Seria Ştiinţe Umanistice. Categoria B. Chişinău, 2013, № 10 (70), ISSN 1811-2668, p. 61-66.
224. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 177, листы 3-6.
225. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 5, листы 1-3.
226. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2, листы 1-49.
227. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 6, листы 1-49.
228. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1022, лист 1.
229. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 205, листы 1-5.
230. Бенюк В. Тоталитаризм как реальность: историко-политологическое исследование на примере послевоенной Молдовы. Кишинев: Молдавский госуниверситет, 1998. 292 с.
231. Шишков В.В. Политика Советского Союза как имперский проект. В: Полития, 2013, № 2 (69), с. 129-141.
232. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Наука, 1990, 220 с.
233. Куликова И. Была ли в партии проблема поколений? Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты /под. Ред. В.В. Журавлева. Москва: Политиздат, 1991. 304 с.

- 234.Зубкова Е.Ю. На краю советского общества. Маргинальные группы населения государственная политика 1940-1960-е годы. В: Российская история, 2009, № 5, с. 101-118.
- 235.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1872, листы 1-13.
- 236.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1913, листы 1-34.
- 237.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 598, листы 1-35.
- 238.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1478, листы 1-11.
- 239.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1264, листы 1-5.
- 240.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2037, листы 1-2.
- 241.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2407, листы 5-67.
- 242.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2416, листы 1-4.
- 243.Квакин А.В. «Смутное время» в России и интеллигенция: от Устрялова до современности. В: Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник, Выпуск 4, Калуга, 2010, с. 3-36.
- 244.Ciupercă I. Totalitarismul fenomenul al secolului XX. Iași: Universitatea de Stat «A.I.Cuza», 1995, 286 p.
- 245.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 543, листы 1-15.
- 246.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 77, листы 1-45.
- 247.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 97, листы 1-64.
- 248.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1392, лист 5.
- 249.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1504, лист 1-5.
- 250.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1909, листы 12-16.
- 251.Бурменко Л. Формирование интеллигенции МАССР: достижения и проблемы в реализации идеологических установок тоталитаризма. В: Anale științifice ale universității de stat din Moldova, 2001, Vol. II, p. 236-238.
- 252.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2028, листы 1-5.
- 253.И.Сталин: диктатура пролетариата, большевистская бдительность, политика партии и партийное строительство. Новосибирск, 2009.
http://revolucia.ru/sbv_stalin130.pdf (посещен 23.04.2014)
- 254.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1531, лист 29-30.
- 255.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2225, листы 14-25.
- 256.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2829, лист 1-205.
- 257.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2397, лист 1-12.

- 258.Найндорф М.И. Заметки по культурологии тоталитаризма: Тоталитаризм как простейшая форма «массовой культуры». Статья 2. В: Культура XX века, Одесса. http://www.countries.ru/library/twenty/total_form_of_culture.htm (посещен 23.12.12)
- 259.Михайленко В.Г. Современные исследования тоталитаризма. В: Известия Уральского государственного университета, 2011, № 1(86), с. 181-192.
- 260.Личный листок по учету кадров Похило Г.Д. ТГОМ. Основной фонд, № 1268, 3 л.
- 261.Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова». В: Известия ЦК КПСС, 1989, № 8, с. 99-101.
- 262.Общие выводы по информационному отчету Областкома в 1925 году. В: Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.
- 263.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело1173, листы 1-16.
- 264.Отчет ректора Высшей Коммунистической сельскохозяйственной школы за 1932-1933 г. В: Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.
- 265.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело1032, лист 45.
- 266.Бурменко Л. Интеллигенция МАССР в кадровой политике тоталитаризма. В: Revista Militară, Categoria C, Chișinău, nr 4, 2016, p. 199-209.
- 267.АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 1931, листы 29-40.
- 268.Выступление т. Киора П.И. на IV областной партконференции молдавской организации КП(б)У. 15 ноября 1927 года. В: Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.
- 269.Выступление Затонского на Объединенном пленуме Молдобкома КП(б)У и Областной Контрольной Комиссии 21.05.1931. В: Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.
- 270.Постановление Молдобкома КП(б)У о национально-культурном строительстве. 3.10.1932. В: Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.
- 271.Резолюция Бюро Молдобкома по докладу начальника ГПУ о политическом состоянии Молдавии.29 марта 1932 года. В: Politica de moldovenizare în

- R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.
272. Постановление Бюро Молдобкома КП(б)У об использовании пишущих машинок с латинским шрифтом в республике. 20 октября 1935 года. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.*
273. Выступление III-го секретаря Молдобкома КП(б)У Зеленчука на IV-ой Тираспольской городской партийной конференции. 15-18 мая 1938 года. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.*
274. Кан А.С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР. В: *Отечественная история, 2003, № 1, с. 120-133.*
275. Мовилян Н. Исход. В: *Молдова и мир, 1992, № 8-9, с. 25-27.*
276. Справка о реабилитации Волошенко М.А., выданная военным трибуналом Одесского военного округа № 143/н от 20 марта 1958 года. Архив семьи Волошенко-Селиверстовых-Зинченко, 1 л.
277. Бурменко Л. МАССР в 1932-1934: борьба с классовым врагом на «культурном фронте». В: *Studia Universitatis Moldaviae, Seria Științe Umanistice. Categoria B. Chișinău, ISSN 1811-2668, nr 4 (94), 2016, p.233-238.*
278. АОПОМ, Фонд 49, опись 1, дело 2255, лист 67.
279. АОПОМ, Фонд 49, опись 1, дело 2259, листы 1-12.
280. АОПОМ, Фонд 49, опись 1, дело 2288, листы 1-28.
281. О состоянии молдаванизации и латинизации советско-опр.-хозяйств. Аппарата на август 1933 г. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.*
282. Волков С. Красный террор глазами очевидцев. Москва, 2009. [http://www.e-reading.by/bookreader.php/142495/Volkov - Krasnyi_terror_glazami_ochevidecev.html](http://www.e-reading.by/bookreader.php/142495/Volkov_-_Krasnyi_terror_glazami_ochevidecev.html) (посещен 12.08.2012)
283. Авторханов А. Ленин в судьбах России. В: *Новый мир, 1991, № 1, с. 166-179.*
284. Коэн С. Предчувствие сталинизма. В: *Огонек, 1990, № 28, с. 13-16.*
285. Ломоносов Г.М. Прокурор тридцатых годов. В: *Человек и закон, 1990, № 5, с. 62-72.*

286. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока. 29 июля 1936 года. В: Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. Москва: Политиздат, 1991, 461 с.
287. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2832, листы 77-81.
288. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2736, листы 38-65.
289. Состав исключенных из партии при проверке партийных документов по национальному составу на 15 апреля 1937 г. Таблица. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.*
290. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2748, лист 9.
291. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2508, листы 1-42.
292. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 3610, листы 84-89.
293. Царан Т. Судьбы священников и церковных активистов в Молдавской АССР. В: Русин (международный исторический журнал), 2008, № 1-2 (11-12), с. 199-205.
294. Из резолюции V Пленума ГК КП(б)У. 17-18 сентября 1937. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: culeg. de doc. și material/ alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, 336 p.*
295. Беленький Б. Стихи, которых мы не прочитали. В: Политика, 1991, № 1-2.
296. Синяк Л.И. Ун адевэр амар, ун адевэр ынтырзият. В: Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 2003, № 7, с. 101-102.
297. Бурменко Л. Массовые репрессии в МАССР и их последствия для интеллигенции республики. В: *Studia universitatis Moldaviae, Seria Științe Umanistice. Categoria B. Chișinău, 2015, № 4 (84), ISSN 1811-2668, ISSN online 2345-1009, p. 159-171.*
298. IV выпуск. В: Соціалістична Молдавія, 16.07.1940.
299. Федоров Г.И. Народное образование в Приднестровье (1924-1940). В: Приднестровская государственность: история и современность. Тирасполь: Изд. ПГУ, 2005, 280 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Национальный состав работников центральных учреждений МАССР на 1.10.1927 г.*

Наименование учреждения	Всего	Из них				
		Молдаван	Знающих	Обучающихся языку и результаты обучения		
				Уд.	Слаб.	Мало посещ. ничего не знают
Наркомюст	20	-	3	1	13	3
Главсуд	18	1	3	3	7	4
Наркомпрос	19	10	1	2	6	-
Почта	72	3	-	16	8	45
Наркомат РКИ	10	1	1	1	2	5
Наркомат здравоохран.	19	1	-	3	9	6
Наркомфин	70	-	-	13	25	32
Наркомзем	71	3	2	4	28	34
Наркомтруд	13	1	1	4	2	5
НКВД	40	9	2	7	3	19
Нарсуды 3,4 нотконтора	18	-	-	-	18	-
ЦИК и СНК	43	4	7	6	11	15
ЦСУ	23	-	2	6	14	1
Госстрах	15	2	-	9	5	4
Наркомторг	9	2	-	-	-	7
Всего	460	37	22	70	151	180
Соотношение, в %	100%	8%	5%	15%	33%	39%

* АОПОРМ, Ф. 49, оп. 1, д. 1022, л.1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Национальный состав работников райисполкомов и подведомственных им райучреждений
на 1.10.1927 г.*

Районы	Всего	Из них						
		Молдаван	Знающих	Всего	Обучающихся молд.языку и результаты обучения			
					Уд.	Слабо	Ничего не знают	Всего
Григориопольский	47	5	13	18	7	8	14	29
Бирзульский	88	-	3	3	4	7	74	85
Ананьевский	86	10	7	17	12	-	57	69
Кр.Окнянский	51	6	-	6	7	15	23	45
Слободзейский	53	9	8	17	3	6	27	36
Дубоссарский	64	15	12	27	4	10	22	36
Каменский	70	13	6	19	8	11	32	51
Тираспольский	93	16	2	18	9	56	10	75
Крутянский	50	5	3	8	-	2	40	42
Всего	601	79	54	133	54	115	299	468
Соотношение, в % отн.	100	13,1	9	22,1	9	19,1	49,8	77,9

- Рыбницкий и Балтский районы были украинизированы

* АОПОРМ. Ф. 49, оп. 1, д. 1022, л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Потребность в учителях и количественный итог выпуска Педкурсами в 1928/1929 и
1929/1930 гг.*

Общие данные	Школы 1 ступени		Школы 2 ступени		Всего	
	1928/29	1929/30	1928/29	1929/30	1928/29	1929/30
Потребность в учителях	151	279	36	52	187	331
Выпущено педкурсами	79	139	-	-	79	139

- Из общего количества окончивших педкурсы в 1928/1929 гг. молдаван - 32 человека, в 1929/1930 гг. - 68 человек.

* АОПОРМ. Ф. 49, оп. 1, д. 1662, л. 47.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Социальное положение руководящих работников и специалистов АМССР (сводные данные по I пятилетке 1928-1932 гг.) *

Звенья ведомственной и отраслевой системы	Руководящие работники и специалисты							Всего
	По соц. положению			Всего	В т.ч. коммунистов			
	раб.	крест- н	служ.		раб.	крест- н	служ.	
ЦИК и СНК	21	22	10	53	21	21	4	46
Госплан и ЖХУ	3	3	33	39	3	–	6	9
Наркомат РКИ	17	3	4	24	17	3	3	23
Наркомпрос	29	38	52	119	19	13	14	46
Наркомюст	18	10	30	58	16	9	5	30
Наркомат легкой промышленности	103	3	72	178	49	5	17	71
Наркомснаб	–	–	–	–	–	–	–	–
Наркомхоз	28	1	49	78	9	1	2	12
Наркомздрав	2	–	22	24	–	–	6	6
Наркомфин	26	21	91	138	18	6	7	31
Наркомзем	178	55	638	871	65	25	105	195
Уполн. Наркомата связи, Радиокомитет	11	1	56	68	5	–	12	17
Уполн. загот. СНК	293	6	58	357	28	2	16	46
Уполн. наркомата внешн. торговли	2	–	9	11	2	–	3	5
УМЧЕКО	–	–	105	105	–	–	24	24
Дорожное Управление	9	–	30	39	4	–	3	7
Промысловая и инвал. кооперация	11	1	21	33	8	1	1	10
Профсоюзы	149	–	47	196	99	–	5	104
Обществ. орг-ции	1	–	16	17	1	–	4	5
Всего	901	164	1343	2408	364	81	225	670
Соотношение, в %	37,42	6,81	55,77	100	54,33	12,09	33,58	100

* Таблица составлена на основании данных сводных таблиц 1934 г. АОПОРМ. Ф.49. Оп. 1. Д. 2368. Л. 18.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Пополнение кадров народного хозяйства молодыми специалистами, окончившими высшие и средние специальные учебные заведения после 1928 г. (в теч. 1 пятилетки)*

Звенья подведомственной и отраслевой системы	Работников с высшим образованием	Из них окончили вузы после 1928 г.	Работников со средним образов.	Из них окончили сред. сп.зав. после 1928 г.
ЦИК и СНК	5	2	2	2
Госплан и ЖХУ	6	4	10	7
Наркомат РКИ	–	–	3	1
Наркомюст	8	–	30	13
Наркомпрос	58	28	21	12
Наркомат легкой промышленности	24	13	44	27
Наркомснаб	87	73	89	69
Наркомхоз	19	10	25	15
Наркомздрав	18	2	3	–
Наркомфин	13	12	29	19
Наркомзем	179	106	286	191
Наркомат связи и Радиокомитет	–	–	16	6
Уполн.загот.СНК	5	3	19	4
Уполн.наркомата внешней торговли	3	1	–	–
Умчеко	5	3	12	6
Дорожное управление	7	6	10	10
Промысловая и инвал.кооперация	9	9	5	3
Профсоюзы	3	2	4	1
Обществ.орг–ции	3	2	4	1
Всего	452	276	625	402
Соотношение, в %	100 %	61,06 %	100 %	64,32 %

*Таблица составлена на основании данных сводных таблиц 1934 г. АОПОРМ. Ф. 49, оп. 1, д. 2368, л. 12,13.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Сравнительная таблица по статистическим данным шифротелеграммам региональных партийных руководителей УССР и МАССР и оперативного приказа № 00447*

УССР	Начальные цифры с мест (июль 1937 г.)			По приказу № 00447			Разница		
	1 кат.	2 кат.	всего	1 кат.	2 кат.	всего	1 кат.	2 кат.	всего
Харьковская область	2000	4000	6000	1500	4000	5500	-500	-	-500
Киевская область	1095	5521	6616	2000	3500	5500	+905	-2021	-1116
Винницкая область	479	2999	3478	1000	3000	4000	+521	+1	+522
Донецкая область	466	1355	1821	1000	3000	4000	+534	+1645	+2179
Одесская область	886	1069	1955	1000	3500	4500	+114	+2431	+2545
Днепропетров. область	2500	3000	5500	1000	2000	3000	-1500	-1000	-2500
Черниговская область	244	1379	1623	300	1300	1600	+56	-79	-23
МАССР	11	248	259	200	500	700	+189	+252	+441
Итого	7681	19571	27252	8000	20800	28800	+319	+1229	+1548

* Таблица составлена на основании оперативного приказа Наркома НКВД СССР № 00447 и данных, опубликованных авторском труде «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. В 2 т.: Т.1: 1937 г. Подготовка приказа № 00447, первый этап «кулацкой операции»/ сост. М.Юнге, С.А.Кокин, Р.Биннер и др. Москва: РОССПЭН, 2010, 743 с.

DECLARAȚIA PRIVIND ASUMAREA RĂSPUNDERII:

Декларация об ответственности

Нижеподписавшийся, заявляю под личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом личных научных исследований и разработок. Осознаю, что в противном случае, буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Бурменко Людмила

/ /

май 2017

CURRICULUM VITAE

DATE PERSONALE:

Nume: BURMENKO

Prenume: LUDMILA

Data nașterii: 28 AUGUST 1969

Locul nașterii: or. Chișinău, Republica Moldova

Domiciliul: or. Tiraspol

STUDII:

- **1976- 1986** - școala medie Nr. 9 din Chișinău.
- **1989-1995** - universitare, Facultatea de Istorie, Universitatea de Stat din Moldova.
- **2011-2015** - postuniversitare de doctorat, Catedra istoria Universală, Facultatea de Istorie și Filosofie, Universitatea de Stat din Moldova.

DOMENII DE ACTIVITATE:

Cercetări în domeniul istoriei contemporane istoria Uniunii Sovietice, istoria modernă a Transnistriei în perioada moderna, în domeniul științe politice - studiu de geneza totalitarismului.

LUCRĂRI ȘTIINȚIFICE PUBLICATE:

Articole științifice - 10

1. Жосан Т.И., Постолаки Л.М. Политика тоталитарного режима в отношении интеллигенции МАССР (1924-1940). В: Anale științifice ale universității de stat din Moldova, 1998, Vol. II, p. 103-106.
2. Жосан Т.И., Постолаки Л.М. «Мы - они» или ...мы вместе? В: Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (Материалы «круглого стола»). Кишинев, 1999, с. 19-27.
3. Постолаки Л. Узурпация большевиками государственной власти как политическая основа контроля над обществом. В: Anale științifice ale universității de stat din Moldova, 2000, Vol. II, p. 106-110.
4. Бурменко Л.Формирование интеллигенции МАССР: достижения и проблемы в реализации идеологических установок тоталитаризма. В: Anale științifice ale universității de stat din Moldova, 2001, Vol. II, p. 236-238.
5. Бурменко Л.М. К вопросу о формировании новой советской интеллигенции в МАССР. В: Приднестровская государственность: история и современность. Материалы

- международной конференции, посвященной 80-летию МАССР. Тирасполь: Изд. Приднестровского Университета, 2005, с. 163-166.
6. Бурменко Л.М. О политических условиях формирования интеллигенции МАССР (1924-1933). В: Общественная мысль Приднестровья, 2010, № 1, с. 80-87.
 7. Бурменко Л. МАССР в контексте национально-государственного строительства в СССР. В: Studia universitatis Moldaviae, Seria Științe Umanistice. Categoria B. Chișinău, 2013, № 10 (70), ISSN 1811-2668, p. 61-66.
 8. Бурменко Л. Массовые репрессии в МАССР и их последствия для интеллигенции республики. В: Studia universitatis Moldaviae, Seria Științe Umanistice. Categoria B. Chișinău, 2015, № 4 (84), ISSN 1811-2668, ISSN online 2345-1009, p. 159-171.
 9. Бурменко Л. МАССР в 1932-1934: борьба с классовым врагом на «культурном фронте». В: Studia Universitatis Moldaviae, Seria Științe Umanistice. Categoria B. Chișinău, ISSN 1811-2668, nr 4 (94), 2016, p.233-238.
 10. Бурменко Л. Интеллигенция МАССР в кадровой политике тоталитаризма. В: Revista Militară, Studii strategice de apărare și securitate, Categoria C, Chișinău, nr 4, 2016, p. 199-209.

EXPERIENȚĂ PROFESIONALĂ:

- 1986 - 1989** – colaborator științific, ghidul la muzeul republican «G.I.Kotovskii și S.G.Lazo».
- 1989 - 1995** - profesor de istorie, la Școala medie ruso-moldovenească № 27 din or. Chișinău.
- 1995 - 1997** - asistent manager al companiei «BASS».
- 1997 - 2000** – postuniversitare de doctorat, Catedra Istoria Universală, Facultatea de Istorie și Filosofie, Universitatea de Stat din Moldova.
- 2000 - 2007** – asistent manager al companiei «Ingenas».
- 2008 - prezent** – lector universitar în Universitatea de Stat din Transnistria.

DATE DE CONTACT:

or. Chișinău

str-la Zapadni, nr. 17/5, ap. 7

tel. domiciliu: (+373) 533 76843

tel. mobil: 069253724

E-mail: blmist_west@mail.ru